

5309

Д И Т Я.

П О В Ъ С Т Ъ

ИЗЪ РУССКАГО ОКОНЧЕННАГО ДѢЛА.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. Θ. ΘЕДОРОВА.

Salтиков, Петр.

ДИТЯ.

Дітей

ПОВѢСТЬ ИЗЪ РУССКАГО

ОКОНЧЕННАГО ДѢЛА.

П. Салманова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Гогенфельдена и К^о.

1862.

PG 3470

• S23 D5

1862

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петер-
бургъ, 3 Октября 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ*.

12 Jan. 23-1974

С. Петербургъ, 9 Октября 1861 года.

Повѣсть изъ оконченнаго дѣла «Дитя» помѣщена была въ первый разъ въ шести нумерахъ издаваемого мною Юридическаго Журнала.

По совѣту многихъ просвѣщенныхъ друзей моихъ и знакомыхъ, въ особенности дамъ, я рѣшился на отдѣльное изданіе этой повѣсти.

Главная мысль изданія — ознакомить публику съ юридическою повѣствовательною литературою, въ которой у насъ большой недостатокъ, и сдѣлать ее доступною для всѣхъ слоевъ общества.

Если изданіе мое разойдется и публика не только съ удовольствіемъ прочтетъ мой юридическій рассказъ, но и убѣдится, что истина — всегда истина и лучше вымысла, тогда мысль моего изданія осуществится — и, я доволенъ тѣмъ, что положилъ начало чему нибудь хорошему.

II. Салмановъ.

4 Jan 19

ДНТЯ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ОКОНЧЕННАГО ДѢЛА.

Помни! Пестны глаголь
Простъ всегда и ясенъ!
Вѣкъ надутыхъ фразъ прошелъ,
Намъ не нужно басень.

Розенгеймъ.

ПРОЛОГЪ.

Въ одномъ изъ весьма важныхъ городовъ нашей обширной Россіи, въ продолженіе десяти лѣтъ, безвыѣздно почти жилъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Борисовичъ Тамплъ. По нашей табели о рангахъ, Тамплъ, какъ изволите видѣть, состоялъ въ четвертомъ классѣ, а по умѣнью проматывать деньги и проживать состояніе, его, по справедливости, должно-бы причислить къ первому классу.

Время, въ которое идетъ рассказъ нашъ, было для Тампли очень плохое. Изъ двухъ тысячъ душъ

крестьянъ и множества дворовыхъ людей, доставшихся ему въ разныхъ губерніяхъ по наслѣдству отъ родителей, у него остались только двѣ души — одна мужская и одна женская. Такимъ образомъ, по количеству душъ, Тамплъ, не смотря на свой высокій рангъ, былъ уже дворянинъ малодушный, а по внутреннему своему достоинству, какъ человѣкъ — онъ былъ вовсе бездушный: въ Бога онъ не вѣрилъ, въ чорта — также, въ существованіе души вѣрилъ только по крѣпостному праву, да по гражданскимъ палатамъ, гдѣ совершались для него иногда покупка, а чаще всего продажа крѣпостныхъ душъ.

Тамплъ былъ женатъ на дочери одного Русскаго князя, который велъ свою родословную отъ Гедимина и постоянно, до самой смерти, оставался при этомъ убѣжденіи, не смотря на то, что бывшая Герольдія Имперіи положительно отказала князю признать правильною такую генеалогію. Впрочемъ, князь былъ человѣкъ очень не глупый и очень добрый. Онъ не зналъ кулачнаго права и никогда ни на кого не сердился, развѣ изрѣдка на того, кто не соглашался съ происхожденіемъ его отъ Гедимина.

Что касается до жены Тампля, которую мы будемъ называть Екатериною Ивановною, то она была красавица, въ полномъ смыслѣ этого слова, и женщина высокаго нравственнаго достоинства.

Пристрастный къ картежной игрѣ, безъ правилъ, безъ вѣрованія во все святое и честное, составилъ-ли и могъ-ли составить Тамиль счастіе такой достойной женщины, это оставалось вопросомъ; по-крайней-мѣрѣ, Екатерина Ивановна никогда и нигдѣ не жаловалась на судьбу свою. Въ глазахъ свѣта они жили прилично, чтобы не сказать больше, согласно и безупречно. Правда, нѣкоторые упрекали Ивана Борисовича въ извѣстной расточительности, но упрекали очень слабо, извиняя его погрѣшности недостатками, свойственными всему роду человѣческому.

Одинъ только тестъ Тампля, князь Т., о которомъ я сказалъ выше, задумывался надъ будущею судьбою двухъ своихъ внучекъ, дочерей Тампля — Александры и Ольги. Состояніе князя было весьма ограниченное; самъ онъ ничѣмъ не могъ помочь своимъ внучкамъ; оттого людямъ его, проходящимъ вечеромъ, или ночью мимо его кабинета, въ полурастворенную дверь, а иногда и чрезъ замочную скважину въ дверяхъ, приходилось не разъ видѣть почтеннаго старца въ слезахъ. Дворня князя была увѣрена, что онъ оплакиваетъ свою жену, которую очень любилъ и которой лишился назадъ тому три года. Мы-же положительно знаемъ, что онъ плакалъ за будущность своихъ внучекъ и невыносимое положеніе ихъ матерн, счастію которой онъ не вѣрилъ,

не смотря на виѣшнюю обстановку. Объ участи единственной дочери сердце говорило отцу больше, нежели сколько могли видѣть глаза его. Старикъ не могъ долго переносить этой нравственной пытки и черезъ четыре года послѣ смерти своей жены умеръ.

Нѣтъ надобности говорить, какъ глубоко тронула Екатерину Ивановну смерть любимого ею отца; для Тампли-же обстоятельство это было весьма пріятно, потому, что выгодно. Такъ какъ по смерти старика осталось денегъ тысячъ двадцать по тогдашнему курсу, да триста душъ крестьянъ, то Тамплъ надѣялся снова тратить и снова играть; и дѣйствительно, предался тому и другому съ такою ревностью, что, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, не только истратилъ двадцать тысячъ, но сдѣлалъ еще новыхъ долговъ — тысячъ на пятьдесятъ. Бѣдная Екатерина Ивановна, чтобы спасти честь своего мужа, продала данныя ей въ приданое двѣсти душъ въ Тверской губерніи, уплатила долги мужа, и затѣмъ, съ несвойственною ей рѣшимостію, сказала наотрѣзъ мужу, что ужъ *больше она ни тратитъ на него денегъ, ни платитъ долговъ не будетъ*. «Вспомни, Иванъ Борисовичъ, сказала она ему, что у насъ двѣ дочери, почти невѣсты, а имѣнія только триста отцовскихъ душъ, и то очень разстроенныхъ. Нужно-же подумать, чѣмъ намъ жить и какъ устроить бѣдныхъ

дѣтей.» Послѣ такой весьма непріятной для Ивана Борисовича рѣшимости со стороны Екатерины Ивановны, Тамплю оставалось только одно—*умереть*. Такъ и случилось: онъ вскорѣ умеръ отъ тифа, и это едва-ли не самое лучшее, что только Тамплъ сдѣлалъ во всю свою жизнь, начиная отъ рожденія. Но вѣрный своему началу, Тамплъ до смерти успѣлъ продать и остальные свои двѣ души, вѣроятно считая, что такая бездѣлица вовсе не нужна для его семейства.

Похороны Екатерина Ивановна сдѣлала великолѣбныя. Для тѣла покойнаго въ великолѣбную колесницу запряжено было восемь лошадей въ траурныхъ попонахъ; на попонахъ налѣплены были разсусаленные золотомъ гербы. Гробъ несли люди Екатерины Ивановны (не думаю, чтобъ изъ уваженія къ памяти покойника). Факельщиковъ, одѣтыхъ на подобіе инквизиторовъ, было до тридцати человѣкъ; нѣкоторые изъ нихъ вели лошадей, остальные же шли въ почтительномъ отдаленіи другъ отъ друга; поѣздъ тянулся не менѣе, какъ на цѣлую версту. За гробомъ шли духовенство и пѣвчіе, за ними Екатерина Ивановна съ дочерьми и родственниками. Приглашенныхъ на похороны было болѣе двухъ сотъ человѣкъ, и въ числѣ ихъ восемнадцать князей, четыре графа и пять генераловъ. Похоронный обѣдъ, бывшій тогда въ непремѣнномъ употребленіи во всѣхъ

слояхъ русскаго общества, былъ еще великолѣпнѣе похоронъ. Все это очень дорого стоило Екатеринѣ Ивановнѣ. Когда умеръ мужъ, наличныхъ денегъ у нея не было; она частію заняла, а частію заложила свои вещи, чтобъ достать деньги на похороны и удовлетворить суетному тщеславію. Непростительная ошибка со стороны такой благородной женщины. Къ чему? За чѣмъ? Виновникъ этого тщеславія безсознательно лежалъ въ бархатномъ малиновомъ гробу, обитомъ золотыми галунами, и портился безъ милосердія, такъ-что тѣ, которые несли гробъ его, не имѣли возможности переносить запахъ, и непрестанно смѣняли одинъ другаго.

Схоронили Ивана Борисовича, и, кромѣ жены съ дочерью, никто не вспомнилъ о немъ, даже послѣ великолѣпнаго обѣда по умершемъ; только какой-то шутъ и охотникъ пообѣдать на чужой счетъ при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ, сказалъ: «славный обѣдъ, и похороны хороши; для полноты церемоніи недоставало только Доможирова¹⁾: для одного этого стоило-бы перевезти тѣло покойнаго въ Москву и тамъ предать уже церемонному погребенію».

---

1) Доможировъ былъ частный человѣкъ временъ Екатерининскихъ и большой охотникъ участвовать во всѣхъ возможныхъ церемоніяхъ. Многіе изъ Москвитей старожилы помнятъ его еще и до-сихъ-поръ.

По смерти Тампля, надъ могилою его воздвигся изъ бѣлаго мрамора памятникъ съ слѣдующею надписью: «Здѣсь поконится прахъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Ивана Борисовича Тампля, умершаго (такого—то года, мѣсяца и числа), къ неописанной горести его супруги, дочерей, друзей и родственниковъ». Сомнѣваюсь, чтобы эта надпись на памятникъ, который, безъ всякаго сомнѣнія, воздвигнуть былъ Екатериною Ивановною, выплала у нея отъ чистаго сердца.

Неужели даже и порядочные люди не могутъ жить такъ, чтобы не лгать, по—крайней—мѣрѣ хоть на кладбищахъ?

ГЛАВА I.

ПОВЪРЕННЫЙ.

Въ гостиной, на диванѣ, сидѣла Екатерина Ивановна, облокотясь на небольшой круглый столъ, и читала книгу. Недалеко, по правую сторону отъ нея, у окна, занималась вышиваньемъ по канвѣ Оленька, младшая дочь Тампля. Нужно сказать, что со времени смерти Тампля прошло много болѣе года,—между-тѣмъ въ жизни Екатерины Ивановны, для посторонняго взгляда, почти ничего не измѣнилось; та-же квартира, которую она занимала съ мужемъ;

та-же бѣлая зала съ бѣлыми плетеными стульями изъ корельской березы; та-же голубая гостиная съ мебелью изъ красного дерева, обитою голубымъ штофомъ; та-же драпировка у оконъ, даже, кажется, и не пошнившая ничего отъ времени; тѣ-же колонны съ статуэтками и на тѣхъ-же мѣстахъ; тѣ-же бронзовые столовые часы; однимъ словомъ — все то-же и все такъ-же, какъ и при Тамплѣ. Измѣнился только характеръ хозяйскаго кабинета, который превратился теперь въ комнату Олиньки.

Олинька была очень мила собою. Разбѣрая строга черты лица ея, вы не находили въ ней красавицы; но черные, блестящіе глаза, черные волосы и матовое, съ легкимъ оттѣнкомъ румянца, лице поражали васъ съ перваго взгляда. Даже самые недостатки—небольшой ростъ ея и вздернутый носикъ такъ мило шли къ ней, что вы не замѣчали ихъ неправильности. Вообще, маленькая и полненькая Олинька не могла не нравиться. Это былъ персикъ самый свѣжій и самый ароматическій. Ей было семнадцать лѣтъ—пора любви, но эта пора для Олиньки еще не пришла; сердце ея было свободно, и едва-ли мысль о любви озабочивала эту маленькую головку, не смотря на то, что природа создала Олиньку очень страстною.

Мать и дочь долго сидѣли молча, такъ что каждый ударъ столовыхъ часовъ былъ слышимъ обѣими.

Пробило два часа пополудни. Екатерина Ивановна встала съ дивана и хотѣла уже уйти въ свою комнату, какъ въ гостиную вошелъ человѣкъ и доложилъ о приходѣ Дмитрія Ивановича Кирсанова.

— Проси! сказала Екатерина Ивановна, и снова сѣла на диванъ, въ ожиданіи гостя.

Въ гостиную вошелъ человѣкъ, лѣтъ тридцати, съ лицомъ спокойнымъ, но вѣсьма выразительнымъ. Весь онъ былъ одѣтъ въ черномъ, и даже портфель, который держалъ онъ въ рукахъ, былъ черный. При появленіи его, Олинька встала и вѣжливо поклонилась, а Екатерина Ивановна привѣтливо подала руку, которую онъ поцѣловалъ съ чувствомъ, что рѣзко противорѣчило спокойному его виду. Кирсановъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при казенной палатѣ и повѣреннымъ по дѣламъ Екатерины Ивановны.

— Вы у насъ не были, Дмитрій Ивановичъ, около недѣли. Что это значитъ?

— Очень занятъ! Была спѣшная работа по палатѣ. Благодаря предѣдателью, я располагаю своимъ временемъ свободно; но не думайте, чтобъ я только членился въ палатѣ: у меня дѣла много, и я тружусь не менѣе другихъ. Все это, впрочемъ, до васъ не касается, а вотъ этотъ портфель....

— Что-же портфель? спросила Екатерина Ивановна.

— Онъ весь наполненъ вашими бумагами. Миѣ бы серьезно нужно было поговорить съ вами.

— Пойдемте въ мою комнату, сказала Екатерина Ивановна. И они вышли.

— Вотъ это дѣло, началъ Кирсановъ, вынимая бумаги изъ портфеля, — о первоначальномъ залогѣ вашего имѣнія покойною вашею матушкою при покупке ею имѣнія. Покупка и залогъ имѣнія шли почти въ одно и то-же время. Должно думать, что у князя съ княгиней не было тогда на лицо всѣхъ денегъ.

— Можетъ быть! Я этого не знаю и не помню. Я была тогда еще очень мала.

— А миѣ можно войти къ вамъ? спросила Олинька, отворивъ немного дверь.

— Можно, очень можно, сказалъ Кирсановъ. Не угодно-ли посмотрѣть, какъ писала покойная ваша бабушка?

— Да я видала, впрочемъ покажите.

— Вотъ она подписалась подъ объявленіемъ въ опекунскій совѣтъ. Вѣроятно это объявленіе не подано въ совѣтъ, потому-что есть ошибки.

Олинька посмотрѣла на подпись и задумалась.

— Странно! сказала она. Не только вы, мама, но даже покойный папа, всегда говорили миѣ, что наша бабушка была очень ученая женщина. Я сама ее помню. У насъ много ся писемъ, но боль-

ше на французскомъ языкѣ; есть, кажется, и на нѣмецкомъ; а какъ она писала по-русски, я вижу въ первый разъ. Писать по-русски она почти совѣтъ не умѣла. Посмотрите, мама, съ какими ошибками она пишетъ: «*Княгиня Таисия Михалова Т.*»

— Не удивляйтесь, Ольга Ивановна, сказалъ Кирсановъ. Я не имѣлъ чести знать вашу бабушку близко, но зналъ и знаю время, въ которое она получила воспитаніе. Въ высшихъ слояхъ тогдашняго Русскаго общества учили всему, кромѣ Русскаго языка. Русскимъ совѣстно было и говорить своимъ природнымъ языкомъ, и учиться ему, — понятіе дикое, но бывшее тогда въ модѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что ваша бабушка, воспитанная подъ вліяніемъ этихъ дикихъ понятій, не знала порядочно по-русски. Не осуждайте-же ея, — она была дѣйствительно, сколько я слышалъ, просвѣщенная женщина.

— Въ такомъ случаѣ я виновата противъ бабушки, сказала Оленька, поцѣловавши въ голову мать свою, которая, все время разговора дочери съ Кирсановымъ, сидѣла молча.

— Вы почти правы, Дмитрій Ивановичъ, что прежнее воспитаніе наше нехорошо было. Я сама Русскій языкъ знаю не лучше матерч.

Кирсановъ не отвѣчалъ, но задумался. Лице его, постоянно спокойное, приняло видъ озабоченный.

Ему было какъ-то неловко. Казалось, присутствіе Олиньки очень затрудняло его. Олинька догадалась.

— Я вамъ мѣшаю? сказала она, обращаясь къ матери и Кирсанову.

— Нисколько, отвѣчалъ послѣдній; но это простое слово сказалъ онъ такъ неискренно, что Олинька поклонилась на-скоро Кирсанову и выбѣжала изъ комнаты.

— Чтобы намъ не мѣшали, сказала Екатерина Ивановна, потрудитесь, Дмитрій Ивановичъ, запретъ дверь.

Кирсановъ подошелъ къ двери и заперъ ее на ключъ.

— Какія-же тамъ у васъ еще дѣла, Дмитрій Ивановичъ?

— Вотъ это другое дѣло — о перезалогѣ вашего имѣнія. Не прошло 25 лѣтъ отъ полного залога, какъ покойная княгиня воспользовалась новою ревизіею и перезаложила его. Въ тотъ-же годъ взяты были надбавочныя. Я удивляюсь, какъ ваши родители рѣшились брать надбавочныя деньги! Имѣніе Владимірской губерніи, само по себѣ, не богато, и на каждую душу приходится только по четыре десятины, Тяжело для имѣнія! Конечно, хорошо брать во всякое время, откуда-бы то ни было, деньги, но нужно-же смотрѣть на послѣдствія. За ежегодною уплатою капитала и процентовъ опе-

кускому совѣту, остается для васъ очень, очень немного. Вы съ трудомъ можете, Екатерина Ивановна, прилично жить на эти деньги; а похороны, похороны, которыя вы сдѣлали для вашего супруга! — вотъ болѣе года, какъ не выходятъ онѣ у меня изъ памяти. Издержки на нихъ сдѣлали большую разницу въ матеріальныхъ вашихъ средствахъ.

— Я васъ не понимаю. Нужно-же было отдать послѣдній долгъ своему мужу?

— Въ этомъ отношеніи я не хочу вамъ противорѣчить. Притомъ долгъ — большая тема для разсужденій. Рѣшаюсь сказать вамъ только одно, что долгъ къ живымъ важнѣе, нежели къ мертвымъ.

— А приличія свѣта развѣ ничего не значать? возразила Екатерина Ивановна.

— Напротивъ, очень много, если только они основаны на здоровомъ смыслѣ; а если они ему противорѣчатъ, то слѣдовать этимъ приличіямъ должно съ большою разборчивостью.

— Вы почти постоянно напоминаете мнѣ о похоронахъ моего мужа.

— Очень естественно. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, онѣ — источникъ многихъ вашихъ лишеній, а я не могу смотрѣть на нихъ равнодушно.

При этомъ на спокойномъ лицѣ Дмитрія Ивановича отразился румянецъ.

— Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, продолжалъ онъ, я привыкъ любить и уважать васъ. Безъ вашего участія я, по бѣдности моихъ родителей, не могъ-бы получить образованія. Вы помогли мнѣ поступить въ университетъ. Если я могъ хорошо учиться и окончить курсъ кандидатомъ, то этимъ обязанъ также помощи вашей и вашего супруга. Мнѣ нѣтъ надобности разбирать, подъ какииъ вліяніемъ помогалъ мнѣ Иванъ Борисовичъ, — если-бы даже и подъ вліяніемъ тщеславія, — все равно, я благословляю его имя, считаю все ваше семейство своимъ, и каждый день думаю только о томъ, чтобы исполнить свой долгъ въ отношеніи къ семейству, которое помогло мнѣ не только получить образованіе, но и поступить на службу. Остальное зависить отъ меня, — вы же для меня сдѣлали больше, нежели сколько могли сдѣлать мои родители по ихъ бѣдности.

— Я была въ васъ очень, очень увѣрена, Дмитрій Ивановичъ, и по смерти мужа обратилась со всеиъ своими дѣлами прямо къ вамъ. Безъ вашей помощи, мое имѣніе давно-бы было продано съ молотка. Я это знаю; скажу вамъ, я знаю больше... Небольшія деньги, которыя время отъ времени вы для меня занимали, и которыхъ я не отдавала, — а вы не напоминали и не напоминаете мнѣ объ

нихъ,—я знаю, чьи онѣ. Вы благородный человѣкъ, Дмитрій Ивановичъ!

Кирсановъ вздрогнулъ.

— Позвольте, ваше превосходительство, сказать онѣ....

— Вы дотого потерялись, Дмитрій Ивановичъ, что начинаете говорить со мною такъ, какъ прежде не говорили, сказала Екатерина Ивановна. Дайте мнѣ вашу руку. Мы понимаемъ другъ друга....

Кирсановъ совѣмъ растерялся и сказалъ съ замѣтнымъ волненіемъ:

— Я опять насчетъ похоронъ вашего супруга.

— Да что съ вами, Дмитрій Ивановичъ? Оставьте мертвыхъ въ покоѣ. Похороны! Похороны! Наконецъ это скучно.

— Не скучно, а грустно, Екатерина Ивановна! Въ два года, при неуспѣшныхъ попеченіяхъ, я едва успѣлъ выкупить ваши вещи и уплатить долгъ, оставляя на содержаніе вамъ весьма немного; а въ совѣтъ, вы знаете, мы не платили, не изъ чего было.

— Что-же изъ этого вышло?

— Вышло нехорошо. Вотъ и послѣдняя бумага, изъ которой вы увидите, что опекунскій совѣтъ за двухъ-годичный неплатежъ капитала и процентовъ назначилъ имѣніе ваше къ описи и оцѣнкѣ.

— Слѣдовательно, за тѣмъ и къ продажѣ? спросила торопливо Екатерина Ивановна.

Кирсановъ отвѣчалъ утвердительно.

Опустивъ голову на грудь, Екатерина Ивановна сидѣла, какъ пораженная громомъ. Вся ужасная будущность, все лишенія, которыя она должна потерпѣть, представились ей воображенію. Она сочла себя и дочь совершенно погибшими и зарыдала, какъ ребенокъ.

— Ради Бога, успокойтесь, говорилъ убѣдительнымъ тономъ Кирсановъ. Не все еще потеряю. Есть два способа выйти изъ этого затруднительнаго положенія.

— Первый, напримѣръ? сомнительно спросила Екатерина Ивановна.

— Просите причисленія педонмки къ капитальному долгу.

— Что-же? просите и, ради Бога, какъ можно скорѣе, просите объ этомъ.

— Конечно, я мѣшкать не буду и составлю вамъ такое прошеніе; правительство не откажетъ вамъ, но есть одно обстоятельство, которое меня тревожитъ: по сдѣланному разсчету, вижу, что въ вашемъ имѣніи каждая заложенная душа превосходитъ банковый размѣръ.

— Я ничего не понимаю, возразила Екатерина Ивановна. Что такое банковый размѣръ?

— Я объясню вамъ это. По Владимірской губерніи, подъ залогъ каждой души съ четырьмя десятинами земли, на каждую душу совѣтъ выдаетъ 60 рублей, да надбавочныхъ даетъ 10 р. — такимъ образомъ 70 р. сер. составляютъ банковый размѣръ души по Владимірской губерніи. А если приписать всю вашу недоимку къ капитальному долгу, то выйдетъ семьдесятъ четыре рубля на каждую душу.

— Теперь я понимаю и вижу, что мнѣ ничто не поможетъ; имѣніе продадутъ.

У Екатерины Ивановны опять навернулись слезы.

— Не отчаявайтесь, Екатерина Ивановна, прошеніе ваше будетъ препровождено на разсмотрѣніе опекунскаго совѣта; а онъ согласится приписать всю недоимку.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы меня только утѣшаете. Это невозможно, — имѣніе продадутъ!... Ольга! Бѣдная Ольга! Что съ тобою будетъ?

Екатерина Ивановна снова заплакала. Кирсановъ далъ время излиться горю. Онъ сидѣлъ спокойно и неподвижно. Екатерина Ивановна наплакалась, утерла слезы и сказала Кирсанову довольно рѣшительно:

— Вашъ первый способъ — одно утѣшеніе?

— Вы совершенно ошибаетесь и притомъ забываете, что у меня въ запасѣ есть еще другой.

— Какой-же? спросила Екатерина Ивановна.

Кирсановъ подошелъ къ двери, чтобъ удостовѣриться, точно-ли заперта она, и, возвратясь потомъ на мѣсто, началъ что-то шептать Екатерины Ивановны на-ухо. И по мѣрѣ того, какъ шепталъ онъ, на лицѣ Екатерины Ивановны отразилось страшное страданіе. При послѣднихъ словахъ Кирсанова, сказанныхъ также шепотомъ, она вспыхнула, схватила за обѣ руки Кирсанова и почти вскричала:

— Да знаете-ли, Дмитрій Ивановичъ, я раскаяваюсь въ томъ, что выдала Сашеньку за В..... Ему сорокъ лѣтъ, онъ генераль-маіоръ, взялъ Сашу безъ всякаго приданого, котораго я дать не могла; имѣеть хотя небольшое состояніе, но можетъ жить прилично — да! раскаяваюсь. Онъ ей не пара ни по лѣтамъ, ни по образу мыслей, ни по образу дѣйствій. Они оба не могутъ быть взаимно счастливы. Вотъ какъ я смотрю на бракъ. А что вы мнѣ теперь предлагаете? Продать милую мою Ольгу, продать за деньги?

— Если вамъ угодно, то почти такъ; но я не вижу другаго способа выйти изъ вашего затруднительнаго положенія, сказалъ спокойно Кирсановъ и вышелъ изъ компаніи.

ГЛАВА II.

НѢСКОЛЬКО ВРЕМЕНИ НАЗАДЪ.

Родъ человѣческій во всѣхъ слояхъ общества дѣлится на двѣ категоріи: принадлежащіе къ первой — живутъ, а принадлежащіе ко второй — водятся. Въ домѣ, какъ-бы онъ ни былъ хорошъ, всегда заведутся и мухи, и пауки, и мыши, и тому подобныя животныя; и общества, какъ-бы они ни были цивилизованы, всегда имѣютъ тунеядцевъ, которые не живутъ, а именно водятся. Ихъ такъ много въ обществѣ, что оно смотритъ на тунеядцевъ, какъ на самое обыкновенное явленіе.

Къ такой категоріи земноводныхъ принадлежали два брата — помѣщики С..... губерніи, Михаилъ и Федоръ Константиновичи Сатрапьевы. Одинъ изъ нихъ родился за семьдесятъ четыре года до нашего разсказа, а другой — за пятьдесятъ шесть лѣтъ. Священники ихъ окрестили и записали въ метрику, а родители, при самомъ рожденіи, отдѣлили на каждого по девятисотъ душъ крестьянъ въ С..... губерніи съ количествомъ одиннадцати десятинъ на каждую душу. Царю и отечеству Сатрапьевы послужили недолго и не до большихъ чиновъ, и то, благодаря вліянію своихъ связей и богатства, они и на службѣ не служили, а только водились, то—

есть сидѣли дома и ничего не дѣлали. Познанія ихъ ограничивалось только Французскимъ и Русскимъ языками. Если-бы спросили, какой языкъ Сатрапьевы знаютъ лучше, Французскій, или Русскій — должно-бы было по совѣсти отвѣтить: «оба лучше», Орфографія въ томъ и другомъ хромала у нихъ на обѣ ноги. Съ молодыхъ лѣтъ, со времени отставки своей, жили оба брата почти безвыѣздно въ дальнихъ имѣнiяхъ и благословляли покойныхъ своихъ родителей за полученное ими образованіе, примѣняя его по своему, какъ умѣли, къ практикѣ. Въ обществѣ, они могли блеснуть знаніемъ Французскаго языка, слѣдовательно Французскій языкъ, по ихъ соображенію, былъ для нихъ очень нуженъ; — а Русскій языкъ еще нужнѣе — нельзя же обругать крестьянина, ни приказать, старостѣ наказать его — безъ знанія Русскаго языка. Дальнѣйшей пользы отъ знанія этихъ языковъ Сатрапьевы не видали. Наукъ не знали они никакихъ, кромѣ ариметики, оканчивая умноженіемъ, которое изучили не только ариметически, но и практически. Увеличивая всякими неправдами доходы съ своихъ помѣстій, они умножили свое состояніе слѣдующими цифрами: у Михаила было до трехъ милліоновъ денегъ, а у Ѳедора — до одного милліона рублей на ассигнаціи. У послѣдняго было меньше потому, что онъ иногда позволялъ себѣ рос-

кошничать и играть въ карты. Убѣжденій у обоихъ братьевъ Сатрапьевыхъ никакихъ не было, кромѣ развѣ личнаго убѣжденія, что они дворяне столбовые и записаны не въ 3-ю, а въ 6-ю часть дворянской родословной книги.

Федоръ Сатрапьевъ былъ знакомъ съ Тамплемъ, и, проѣзжая мимо того губернскаго города, гдѣ жилъ послѣдній, никогда не могъ отказать себѣ въ удовольствіи побывать у Тампли и обыграть его. Вообще Тамплъ игралъ запальчиво и плохо, а Сатрапьевъ, напротивъ, игралъ очень осторожно и проигрывалъ только тогда, когда попадалъ на шулера.

Нужно сказать, что Тамплъ при жизни не любилъ представлять свое общество Екатеринѣ Ивановнѣ, и хорошо дѣлалъ. Его общество не могло нравиться такой женщинѣ. Представлялъ онъ своей женѣ только однихъ избранныхъ, очень немногихъ: въ томъ числѣ былъ и Сатрапьевъ! Первыя впечатлѣнія Екатерины Ивановны въ отношеніи къ Сатрапьеву не были выгодны для послѣдняго. Она видѣла въ немъ истаскавшагося старика, пріятеля мужа и пустѣйшаго человѣка. И была права, потому что дѣйствительно Сатрапьевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, о которыхъ по смерти нельзя составить огромной біографіи: жилъ, пилъ, ѣлъ, спалъ, — для общества никогда ничего не дѣлалъ;

если даже и служилъ немного, то это собственно для себя, отнюдь не для общества, — вотъ и все для сочинителя біографіи Сатрапьева. Онъ былъ общественный нуль. По смерти Тампли, Сатрапьевъ иногда посѣщалъ Екатерину Ивановну, — посѣщалъ не потому, чтобъ его посѣщеніемъ интересовалась и могла интересоваться Екатерина Ивановна, — при всей своей глупости онъ понималъ это, — но у него было заемное письмо на покойнаго Тампли въ шесть тысячъ рублей, и Сатрапьевъ, не смотря на стѣсненное положеніе Екатерины Ивановны, не прочь-бы получить съ нея деньги даже съ процентами.

При первыхъ двухъ визитахъ, Сатрапьевъ намекалъ только объ этомъ долгѣ, но при третьемъ визитѣ онъ уже прямо началъ требовать уплаты денегъ. Такой положительно откровенный разговоръ очень встревожилъ Екатерину Ивановну, и она просила Сатрапьева — поговорить на этотъ счетъ съ ея повѣреннымъ Кирсановымъ, котораго она пришлетъ къ нему завтра. Онъ согласился, и Кирсановъ на другой день явился къ Сатрапьеву, который, вынувъ изъ бюро заемное письмо Тампли, сказалъ:

— Хорошо бы получить по этому письму деньги.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Кирсановъ. Но съ насъ получить этихъ денегъ вы не можете.

— Эго почему? возразилъ Сатрапьевъ.

— Очень просто. Вы вѣрили Ивану Борисовичу, у котораго по смерти ничего не осталось; а если и остались нѣкоторыя вещи, суммою тысячи на двѣ, — то дочери, съ согласія попечительницы — своей матери, да и она сама отказались отъ наслѣдства. Вещи описаны, оцѣнены, проданы, и деньги представлены въ уѣздный судъ, гдѣ производится дѣло о долгахъ его. Неудобно-ли и вамъ будетъ обратиться въ судъ?

— Да что-же я получу по своему заемному письму? За рубль пять копѣекъ?

— Можетъ быть даже и меньше, сказалъ спокойно Кирсановъ.

— Но это ужасно! Поймите, что я давалъ деньги, а не щепки, и долгъ этотъ не картежный!

— Очень можетъ быть, но деньги платить за Ивана Борисовича не обязаны ни Екатерина Ивановна, ни ея дочери.

— Что вы говорите, а законъ-то на что? Вѣдь у нихъ есть-же имѣніе?

— По закону-то и нельзя. У нихъ дѣйствительно есть имѣніе, да свое, а не отцовское; вамъ-же былъ долженъ отецъ, по смерти котораго ничего не осталось.

— Все это вздоръ, батюшка мой, я получу свои деньги. Я знаю, какъ это устроить.

— Какъ угодно, сказалъ холодно Кирсановъ.

И они разстались.

— Я не буду терять времени, говорилъ самъ съ собою, по уходѣ Кирсанова, Сатрапьевъ: сейчасъ—же отправлюсь къ Тамплямъ. Съ этимъ Кирсановымъ дѣло дѣлать, только воду толочь. Мнѣ нужно получить деньги по заемному письму, а онъ говоритъ: нельзя по закону. Хорошо законъ знаетъ!

И дѣйствительно, Сатрапьевъ, не теряя времени, велѣлъ заложить лошадей и поѣхалъ къ Екатеринѣ Ивановнѣ.

— Барыни дома нѣтъ! сказалъ лакей вошедшему въ переднюю Сатрапьеву.

— А барышни?

— Александра Ивановна изволила уѣхать съ барыней.

— А Ольга Ивановна?

— Дома!

— Ступай, доложи Ольгѣ Ивановнѣ, что я желаю ее видѣть.

— Просятъ, извольте пожаловать, сказалъ возвратившійся человѣкъ.

Сатрапьевъ на счетъ своего долга рѣшился объясниться съ Олнькою, семнадцати—лѣтнимъ ребенкомъ. Такая нелѣпая мысль могла придти въ голову только ему одному.

— Я пришелъ узнать о вашемъ здоровьи, Ольга Ивановна.

— Благодарю васъ, Осдоръ Константиновичъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Теперь, какъ видите, ничѣмъ.

За тѣмъ послѣдовало продолжительное молчаніе. Три раза сбѣгался что-то сказать Сатрапьевъ, — но слова эти не выходили на свѣтъ Божій. Вмѣсто словъ онъ только три раза кашлянулъ въ руку.

— А я съ вами, Ольга Ивановна, желалъ-бы объясниться на счетъ одного обстоятельства.

— Со мною? спросила съ удивленіемъ Олешка.

— Да, съ вами. Вашъ покойный папенька долженъ мнѣ шесть тысячъ рублей. Я говорилъ съ вашей *татан* объ этомъ долгѣ, а *татан* ваша поручила мнѣ поговорить съ какимъ-то Кирсановымъ, ея повѣреннымъ. Я и говорилъ съ нимъ. Кирсановъ оказался самымъ пустѣйшимъ человѣкомъ. Во первыхъ, онъ законовъ не знаетъ. Хорошъ повѣренный! Говоритъ, что ни вамъ, ни *татан* вашей за Ивана Борисовича платить не слѣдуетъ. Да кто-жъ платить-то будетъ? Первый встрѣчный на улицѣ, который и не зналъ Ивана Борисовича? Я васъ прошу, Ольга Ивановна, убѣдите вашу *татан* отдать мнѣ деньги по заемному письму. Не тревожьте костей покойнаго Ивана Бо-

рисовича. Я съ своей стороны сдѣлаю все, — уступлю проценты.

Все это слушала Олинька съ напряженнымъ вниманіемъ. Умомъ своимъ она многого не понимала изъ словъ Сатрапьева, но понимала сердцемъ, что у нихъ много долговъ, а средствъ немного. Ей сдѣлались ясными и долговременные разговоры матери съ Кирсановымъ, и тревожное состояніе ея послѣ такихъ разговоровъ. Ей пришелъ на память и поваръ, вызывавшій въ переднюю Екатерину Ивановну и говорившій ей что-то на ухо. Послѣ словъ повара Екатерина Ивановна всегда блѣднѣла, робко озиралась на всѣ стороны и осматривалась кругомъ — иѣтъ-ли кого и не подслушалъ-ли кто ихъ секретнаго разговора. Олинька инстинктивно понимала, почему послѣ того посылали за Кирсановымъ, и какъ онъ былъ озабоченъ; вспомнила, сколько вещей было продано подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ лишнія. Теперь она понимала, что всѣ эти явленія были выраженіемъ глубокаго недостатка даже въ необходимыхъ потребностяхъ для ихъ семейнаго быта. Страшную тяжесть во всемъ своемъ организмѣ почувствовала вдругъ Олинька, — сердце ея болѣзненно заныло. То-же самое чувствовала она въ то время, какъ сказали ей, что умеръ ея отецъ, — только теперь какъ-то хуже и тяжелѣе. Минуты двѣ провела она въ этомъ не-

выносимомъ состояніи души и тѣла, — за тѣмъ слезы, благодѣтельныя слезы, полились изъ глазъ ея. Рыданій не было, — даже выраженіе лица не измѣнилось, а слезы, слезы и слезы текли источникомъ. Природа какъ будто открыла родникъ въ глазахъ Олиньки, и, по мѣрѣ того, какъ текли эти слезы, чувствовала она, что и ей легче, и сердцу лучше. Это были послѣднія дѣтскія слезы. Нелѣпная выходка Сатрапьева принесла хорошіе плоды. Разговоръ съ нимъ осмыслилъ невиннаго ребенка. Видно было, какъ мысль, доселѣ новая, отразилась на лицѣ и въ глазахъ Олиньки. Въ ребенкѣ начала проявляться женщина.

Ни одного слова не произнесъ Сатрапьевъ во все время. Онъ все смотрѣлъ на Олиньку, и сдѣлалось ему сначала неловко, а потомъ тяжело. Что-то чисто человѣческое, чувство жалости къ ближнему мелькнуло въ этомъ ничтожномъ существѣ, въ этомъ жалкомъ нравственномъ нулѣ. По лѣвую сторону сидѣла около Сатрапьева женщина съ своею скорбною мыслию, и мысль эта, какъ будто подъ вліяніемъ животнаго магнетизма, сообщилась Сатрапьеву. Передъ Сатрапьевымъ была нравственная единица — и нравственный нуль начиналъ имѣть значеніе.

— Говорятъ, вы очень богаты? сказала наконецъ Олинька, смотря прямо въ глаза Сатрапьеву.

Сатрапьевъ кашлянулъ въ руку.

— Вы вѣрно не имѣете ни въ чемъ недостатка? Можетъ быть, даже и не знаете, что такое недостатокъ? Отчего-же вамъ не сдѣлать для насъ добраго дѣла и не пообождать немного? Можетъ-быть, Богъ дастъ, мы и поправимся, и *татап* отдастъ вамъ деньги. Я очень молода, и меня не вмѣшивали въ такіе разговоры, какъ теперешній; но я часто слышала, когда *татап* говорила съ Кирсановымъ о долгахъ папеньки. Ей очень хочется расплатиться со всеми долгами, но должно быть, нечѣмъ. Ахъ! если-бы вы видѣли, Ѳедоръ Константиновичъ, какъ она плачетъ — вамъ бы ея очень жалко стало! Право, я не знаю, что мнѣ сказать *татап*. Я говорила уже вамъ, что меня никогда не вмѣшивали въ такія серьезныя дѣла. Да я, можетъ-быть, и не съумѣю.*

Сатрапьевъ кашлянулъ привычнымъ образомъ въ руку, но тѣмъ не кончилось. Замѣтно, что онъ соображалъ что-то, а это было на него такъ мало похоже.

— Я прошу васъ, сказалъ наконецъ онъ, не говорите ничего Екатеринѣ Ивановнѣ. Скажите ей, просто, что я пріѣзжалъ узнать о ея здоровьи, да прошу завтра побывать ко мнѣ въ одиннадцать часовъ утра господина Кирсанова.

Олинька подала Сатрапьеву руку. — Сатрапьевъ посмотрѣлъ съ видомъ дилетанта — на эту миленькую, пухленькую ручку, посмотрѣлъ на личико, посмотрѣлъ въ глаза.

— Она очень хорошенькая дѣвушка, подумалъ онъ, и добрая — мать любить. Не помочь-ли имъ?

При одной этой мысли, Сатрапьеву сдѣлалось какъ-то хорошо. Онъ задумался.

— Да, она очень и умна, разсуждалъ онъ съ собою, очень хорошо было-бы.....

И у него хотѣла проявиться новая мысль, но онъ утомился — умерла она при самомъ зародышѣ.

— Кажется, я нынче совсѣмъ опоздалъ завтракать, произнесъ про себя Сатрапьевъ, сядясь въ карету, и приказалъ кучеру торопиться.

На другой день въ кабинетъ Сатрапьева происходила слѣдующая сцена:

Кирсановъ въ глубокомъ раздумьи держалъ въ рукахъ надорванное заемное письмо Ивана Борисовича съ надписью рукою Сатрапьева, что деньги по этому письму получены имъ всею сполна, и, по видимому, не зная, что съ нимъ дѣлать, а Сатрапьевъ говорилъ наставительно Кирсанову:

— Вотъ, молодой человѣкъ, вчера вы спорили, что я не получу денегъ. Я вамъ сказалъ, что приму свои мѣры и получу деньги: вотъ и получилъ.

— Но знаете-ли, Федоръ Константиновичъ, чего стоитъ это Екатеринѣ Ивановнѣ? Она ничего мнѣ не сказала, пославши къ вамъ; но я увѣренъ, что она или продала, или заложила для васъ вещи своихъ дочерей. Ей не откуда больше взять денегъ. Человѣку съ такимъ большимъ состояніемъ, какое у васъ, получать такимъ образомъ деньги, выжатыя изъ послѣдней крови дѣлаго семейства, грѣшно!

— А, можетъ быть, и не грѣшно, сказалъ Сатрапьевъ, улыбаясь и удерживая Кирсанова, желавшаго удалиться.

Улыбка Сатрапьева удивила Кирсанова. Она не была ни тупою, ни холодною. Такъ улыбаться могутъ только самые добрые люди, а Сатрапьевъ, сколько понималъ Кирсановъ, не принадлежалъ къ числу послѣднихъ.

— Что-же это значитъ? спросилъ самъ себя Кирсановъ. Сатрапьевъ-же говорилъ ему:

— Вы послушайте меня, старика, не торопитесь. Денегъ я не получаю, и не хочу получать. Екатеринна Ивановна — хорошая женщина, она отдастъ безъ всякихъ бумагъ, когда у нея будутъ деньги; а теперь, я слышалъ, дѣла-то ея плохи.

Кирсановъ поклонился съ глубокимъ чувствомъ.

— Я понимаю, сказалъ онъ, благородство вашего поступка. Но простите меня великодушно, если я вамъ скажу, — вы поторопились. Право заем-

наго письма вы могли передать миѣ. Я могъ получить эти деньги, сколько—бы ихъ пришлось, изъ уѣзднаго суда и отдать потомъ ихъ семейству Тампль. Вѣрьте миѣ, что онѣ нуждаются часто даже въ бездѣлницахъ.

— Но дурнаго нѣтъ въ томъ, что я сдѣлалъ. Вы ужъ черезчуръ законникъ, — на васъ не угодишь! Впрочемъ, мы это дѣло съ вами поправимъ, продолжалъ Сатрапьевъ, фамиллярно потрепавъ по плечу Кирсанова. Поклонитесь отъ меня М-ме Тамплъ, отдайте ей письмо и скажите, что я всегда къ ея услугамъ.

Кирсановъ поклонился Сатрапьеву, съ чувствомъ пожалъ ему руку и спросилъ:

— А еще порученій отъ васъ никакихъ не будетъ?

— Рѣшительно никакихъ. Заходите ко миѣ въ свободное время вечеромъ потолковать. Я думаю передать вамъ свои дѣла.

Кирсановъ удался весьма довольный поступкомъ Сатрапьева и удивлялся его начинающемуся перерожденію.

Что касается до Сатрапьева, онъ съ своей стороны былъ также очень доволенъ самимъ собою. Въ первый разъ въ жизни онъ сдѣлалъ доброе дѣло, — и на душѣ его было какъ-то легко и пріятно.

— Сегодня вечеромъ отправлюсь къ Полетаеву, — у него большая игра. Полетаевъ богатъ и играетъ плохо, да и прочіе—то играютъ не лучше. Я боюсь только иностраннаго графа; чортъ его знаетъ, какая у него фамилія, — никакъ не могу запомнить, — должно быть отъявленный шулеръ, — а держитъ себя какъ вельможа! Впрочемъ, онъ рѣдко бываетъ у Полетаева, а если на этотъ разъ будетъ участвовать въ игрѣ, я играть не буду.

Сатрапьевъ снова входилъ въ свое нормальное положеніе. У него даже мелькнула мысль, что онъ непременно долженъ выиграть, что Богъ ему поможетъ, потому что онъ сдѣлалъ доброе дѣло — подарилъ заемное письмо въ шесть тысячъ Екатериинѣ Ивановнѣ, которая въ нихъ пуждалась. — Достойно замѣчанія, что люди, подобные Сатрапьеву, всегда вмѣшиваются въ свои дѣла Бога и воображаютъ, что если они и дѣйствительно сдѣлали что-нибудь хорошее, то Онъ исключительно долженъ заниматься только ими.

На этотъ разъ желаніе Сатрапьева не осуществилось. Онъ измѣнилъ данному себѣ слову — не играть у Полетаева съ графомъ Диріонзнии (фамилію котораго онъ никакъ не могъ запомнить), Сатрапьевъ игралъ именно съ нимъ, и проигралъ около пяти тысячъ.

Бѣшенству Сатрапьева конца не было. Къ нему возвратилась опять прежняя его дурная страсть — жадность къ деньгамъ; онъ жалѣлъ не только о проигранныхъ деньгахъ, но и о заемномъ письмѣ, которое разорвалъ утрѣмъ.

— Въ азбукахъ, да въ прописяхъ пишутъ, говорилъ онъ самъ съ собою, что добрыя дѣла не остаются безъ вознагражденія. Скорѣе доброе дѣло не остается безъ наказанія.

Въ такомъ расположеніи духа Сатрапьевъ пріѣхалъ домой, переругалъ всѣхъ своихъ людей и одного изъ нихъ даже ударилъ. Наконецъ потребовалъ бутылку рейнвейна и, выпивъ ее небольше, какъ въ четверть часа, легъ спать съ неописанною яростію въ душѣ на Полетаева, на Дпріовизни, на Екатерину Ивановну и даже на самого себя.

Черезъ нѣсколько дней Кирсановъ заѣхалъ къ Сатрапьеву. Послѣдній принялъ его сухо и холодно, такъ что добрый Кирсановъ потерялъ охоту бывать у Сатрапьева, который опять остался вѣренъ самому себѣ. Минутная вепышка добра не принесла никакихъ хорошихъ результатовъ.

Такъ прошло полгода.

Далеко за полночь, зимою, въ январѣ мѣсяцѣ, Сатрапьевъ, возвратившись по обыкновенію съ картежнаго вечера, раздосадованный на небольшой проигрышъ, нашелъ у себя въ кабинетѣ запечатанный

конвертъ. Разломивъ печать, онъ увидалъ пригла- сительный билетъ на свадебный вечеръ и прочелъ слѣдующее: «Дѣйствительная Статская Совѣтница Екатерина Ивановна Тамплъ, урожденная Княгиня Т.... покорнѣйше проситъ пожаловать къ ней на свадебный вечеръ (такого-то мѣсяца и числа), по случаю бракосочетанія дочери ея, Александры Ива- новны Тамплъ, съ Генераль-Маіоромъ Николаемъ Васильевичемъ В...»

— Едва прошелъ годъ послѣ смерти отца, а дочка ужъ замужъ выходитъ! Платить долги — денегъ нѣтъ, а выдавать дочерей за генераловъ — есть деньги. А этотъ Кирсановъ съ такою жалостію говорилъ о недостаткахъ m-me Тамплъ, и я вѣрилъ; не нужно-бы было уничтожать заемнаго письма, теперь-бы получить, я думаю, можно было. Ду- ракъ я! однако на свадьбу поѣду.

Такъ думалъ и разсуждалъ самъ съ собою Са- трапьевъ, прочитавъ приглашенный билетъ, при- сланный Екатериною Ивановною.

Въ церковь Сатрапьевъ не поѣхалъ. Подъѣзжая къ дому, около десяти часовъ вечера, онъ прика- залъ своему кучеру остановиться. Его поразило безчисленное множество экипажей и освѣщеніе всего дома, которое отражалось не только на противопо- ложныхъ домахъ, но и на всей улицѣ. До него долетали неясные звуки музыки, и бальные костюмы

гостей мелькали въ окнахъ, незанавѣшенныхъ гардинами. Посмотрѣвъ нѣсколько минутъ на эту картину, Сатрапьевъ спросилъ самого себя: «неужели такую великолѣпную свадьбу Екатерина Ивановна дѣлаетъ на свой счетъ?» А между тѣмъ кучеру приказалъ ѣхать къ подъѣзду. При выходѣ его изъ экипажа, полиція очистила мѣсто, швейцаръ отворилъ дверь, человѣкъ снялъ съ него медвѣжью шубу, и онъ вошелъ въ залъ.

Екатерина Ивановна первая замѣтила его, пожала крѣпко руку, посмотрѣла съ признательностію въ глаза и подвела къ молодымъ.

Размѣнявшись привѣтствіями съ молодыми и съ Екатериной Ивановной, Сатрапьевъ удалился изъ гостиной въ залъ и прислонился къ колоннѣ, чтобы видѣть лучше гостей и посмотрѣть, нѣтъ — ли въ числѣ ихъ знакомыхъ — а знакомыхъ въ городѣ у него было очень много, такъ какъ онъ уже проживалъ въ немъ двѣ зимы. На этотъ разъ знакомыхъ не оказывалось, и Сатрапьевъ начиналъ уже скучать, какъ услышалъ, что кто-то назвалъ его по имени. Онъ обернулся; передъ нимъ стояла Олинька, и протягивала ему свою ручку. Сатрапьевъ поцѣловалъ эту миленькую, раздушенную ручку, и имъ овладѣло давно улетучившееся, ничѣмъ необъяснимое впечатлѣніе.

— За что вы насъ забыли, Ѳеодоръ Константиновичъ? Мы очень, очень обязаны вами и непрестанно вспоминаемъ объ васъ. Приглашали васъ къ себѣ два раза, — вы не были. Вы не хотѣли выслушать нашей благодарности. Я вамъ не выговорю дѣлаю, а говорю такъ, отъ сердца. Вѣдь мнѣ все простиительно.

Сатрапьевъ не слыхалъ, что говорила Олинька. Онъ созерцалъ ее. Въ первый разъ видѣлъ онъ ее въ легкомъ бальномъ костюмѣ съ обнаженными плечиками, бѣлыми какъ мраморъ. Онъ смотрѣлъ ей въ лице, въ глаза, на ножки. Олинька, дѣйствительно, была прелестна. Ручка ее покоплась въ рукѣ Сатрапьева, который не могъ отъ нея оторваться и не говорилъ ни слова.

— Видно, что вы неправы, продолжала Олинька, молчите, сказать нечего.

А Сатрапьевъ все смотрѣлъ ей въ глаза и не отвѣчалъ ни слова. Нечаянное появленіе Олиньки и ея взглядъ дѣйствовали на него магнетически. Онъ погружался въ какой-то сонъ, и по глазамъ Сатрапьева, никогда почти ничего не выражавшимъ, трудно было въ настоящую минуту опредѣлить—къ худшему, или къ лучшему проснется теперь чело-вѣкъ этотъ.

Олинька давно уже ушла отъ Сатрапьева, а ему казалось, что она все еще съ нимъ.

Заиграли мазурку. Около Сатрапьева засуетились гости, и онъ пришелъ въ себя.

— Во что—бы то ни стало, Олинька должна быть моею. Если—бы даже для этого нужно было пожертвовать двумя третями моего состоянія, я не задумаюсь. Буду дѣйствовать чрезъ Кирсанова. Онъ мнѣ поможетъ, подумалъ Сатрапьевъ, и отправился по комнатамъ искать своего будущего агента.

Результатомъ такого агентства былъ разговоръ Кирсанова съ Екатериной Ивановной, который мы прочли въ предшествовавшей главѣ.

ГЛАВА III.

ПРОДАЖА.

Екатерина Ивановна сидѣла въ комнатѣ Олиньки съ заплаканными глазами. Олинька, напротивъ, была спокойна и смотрѣла ей въ глаза съ необыкновенною твердостью.

— Я не знаю, *татап*, отчего вы плачете. Я, напротивъ, очень рада предложенію Сатрапьева, онъ человѣкъ богатый. Дмитрій Ивановичъ говорилъ, что Ѳедоръ Константиновичъ отдѣлитъ мнѣ часть своего состоянія, или купитъ домъ въ столицѣ, да кромѣ того подаритъ брилліантовъ на пятьдесятъ тысячъ. Ахъ, какъ это хорошо! Вы будете жить съ нами,

а если не захотите, я буду помогать вамъ. Ахъ, какъ хорошо! снова повторила Олинька, кинувшись къ матери и цѣлуя ея руки.

— Ребенокъ, ребенокъ! сказала мать, мой милый, добрый ребенокъ! Ты не понимаешь, что говоришь!

Слезы выступили на глазахъ Екатерины Ивановны. Она думала, какъ назвать тотъ бракъ, когда дѣвушку, полную жизни, здоровья, энергіи, отдають за старика пятидесяти-шести лѣтъ отъ роду, старика, который, можетъ быть, растратилъ свои силы еще на сороковыхъ годахъ своей жизни. «Это значитъ продать любимую Олиньку; продать за деньги! Никогда не соглашусь я пожертвовать Олинькою. Свадьба эта не принесетъ ей счастья, она сама не понимаетъ, чѣмъ жертвуетъ!»

Вошелъ Кирсановъ. Лицо его было какъ-то торжественнѣе обыкновеннаго. Послѣ обычныхъ пріѣтствій, онъ сказалъ прямо, даже не затрудняясь присутствіемъ Олиньки:

— Я долженъ сообщить вамъ непріятную новость: опекунскій совѣтъ отказалъ причислить недоимку къ капитальному долгу.

— Слѣдовательно имѣніе продадутъ? вскричала Екатерина Ивановна, также забывши о присутствіи своей дочери.

— Продали-бы, сказалъ спокойно Кирсановъ, но я принялъ мѣры. Ѳедоръ Константиновичъ, если угодно, предлагаетъ вамъ десять тысячъ рублей взять у него займы подъ заемное письмо, срокомъ на три года. Если вамъ угодно будетъ принять обязательное его предложеніе, то прикажите мнѣ, я съѣзжу къ маклеру, напишу заемное письмо, вы подпишете. Получивъ деньги, я внесу въ совѣтъ недоимку, и имѣніе такимъ образомъ будетъ спасено. По квитанціямъ, которыя у меня есть, видно, что вамъ останется еще около двухъ тысячъ для домашнихъ вашихъ расходовъ.

— Онъ! опять онъ! думала про себя Екатерина Ивановна и крѣпко жала себѣ руки. Что вы, злой, или добрый духъ?

— Ни то, ни другое; я только преданный человекъ. Прикажете заготовить для васъ заемное письмо?

— Да! сказала почти шопотомъ Екатерина Ивановна. И облокотившись обѣими руками на столъ, снова задумалась и тяжело вздохнула. Кирсановъ между тѣмъ вышелъ.

— О чемъ вы вздыхаете, *татап*? спросила Олинька. Вотъ вамъ новое доказательство, что Ѳедоръ Константиновичъ человекъ хорошій. Я не понимаю, почему пугаетъ васъ его предложеніе. Я съ своей стороны очень рада.

— А если ты рада, то я не буду мѣшать твоему счастью съ Ѳеодоромъ Константиновичемъ, сказала мать съ усиленіемъ. И видно было, что для этихъ простыхъ словъ, чтобы выговорить ихъ, вызваны были все силы и способности души ея. Она чувствовала, что лжетъ передъ Богомъ, лжетъ передъ совѣстію, лжетъ передъ своею дочерью, а Екатерина Ивановна была и честная женщина, и добрая мать. Тяжело ей стало, очень тяжело! Съ трудомъ дошла она до своей комнаты и отворила окно, которое выходило въ садъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Лицо ея горѣло, вспли блись, во рту былъ нестерпимый жаръ. Она смотрѣла на небо. Небо было свѣтло и чисто, въ саду пѣлъ зябликъ, легкій вѣтерокъ шептался съ листьями деревьевъ. Екатерина Ивановна закрыла лице руками — ей совѣстно стало смотрѣть на небо: женщина привыкла видѣть тамъ пребываніе Бога, а она обманывала Бога, продавала старику свою родную дочь, да и говоритъ еще о ея счастьи. Ей совѣстно едѣлалось смотрѣть даже на комнату, въ которой сидѣла. По крайней мѣрѣ, стѣны ея комнаты никогда не подмѣчали въ ней мысли лжи и обмана. Екатерина Ивановна упала на колѣна передъ образомъ Спасителя, висѣвшимъ въ углу комнаты, и ей показалось, что голубые небесные глаза Спасителя вѣзались въ ея душу и смотрятъ на нее

строго. Хочется ей молиться, а молитва какъ-то не складывается; хочется ей плакать, но нѣтъ слезъ. Только слыньѣ и слыньѣ стучать виски, да въ ушахъ слышится звонъ, звонъ не торжественный, а скорѣе похоронный.

— Письмо готово! сказалъ входящій Кирсановъ. Я вамъ помѣшалъ, вы молились. Молитесь молитесь, Екатерина Ивановна, о счастьи вашей дочери.

— А ручаетесь-ли вы, Дмитрій Ивановичъ, за ея счастье съ Сатрапьевымъ?

— За настоящее да, за будущее-же не ручаюсь. Оно въ волѣ Провидѣнія.

— Я обманула Провидѣніе и буду наказана.

— Вы могли сами обмануться, но не могли обмануть Провидѣніе, даровавшее свои непреложные законы добру и злу, Такъ думать — преступленіе. Оставьте, Екатерина Ивановна, ваши мрачныя мысли и поговоримте о дѣлѣ спокойнѣе. Я не знаю, почему вы почти полгода медлите согласиться на предложеніе Ѳедора Константиновича. Я знаю, онъ вамъ кажется пустымъ человѣкомъ, но въ душѣ онъ человѣкъ добрый. Въ немъ есть много хорошаго; все это, конечно, подавлено было и воспитаніемъ, и, можетъ быть, его образомъ жизни, но при сближеніи съ такимъ ангеломъ, какова Ольга Ивановна, онъ долженъ, мнѣ кажется, воскреснуть къ добру, на сколько оно возможно душѣ его. По

совѣсти сказать, что для Ольги Ивановны большаго счастья отъ этого брака я не вижу, но извините, если не вижу за то и никакого несчастья. Браки по расчету нерѣдко бываютъ счастливѣе, нежели браки по любви.

Екатеринѣ Ивановнѣ становилось легче, когда она слушала Кирсанова. Онъ какъ будто подстерегъ ея собственныя мысли.

— Что—же сказать Ѳедору Константиновичу, если онъ намекнетъ мнѣ опять о своемъ предложеніи?

— Скажите ему, что я согласна, но что я еще должна говорить съ Олинькою. Простите меня, если я попрошу васъ, Дмитрій Ивановичъ, оставить меня одну. Мнѣ что—то не хорошо.

Кирсановъ немедленно удалился. Екатерина Ивановна въ изнеможеніи упала на диванъ и схватила себя обѣими руками за голову. Она горѣла, какъ огонь. Въ комнату тихо вошла Олинька и спросила мать:

— Что у васъ, голова болитъ?

— Да, немножко! сказала Екатерина Ивановна, отнимая руки отъ головы.

Олинька подошла къ матери, поцѣловала ее въ голову и отскочила.

— У васъ, мама, сильный жаръ, — нужно послать за докторомъ.

— Итъ, пройдетъ! Я имѣла очень серьезный разговоръ съ Кирсановымъ о тебѣ, мой ангелъ, и уполномочила его сказать Оедору Константиновичу, что если ты будешь согласна выйти за него замужъ, то съ моей стороны препятствія нѣтъ.

— Наконецъ—то! весело вскричала Олинька, обнявши свою мать и цѣлуя у ней несчетно, — то руки, то голову, то щеки, то глаза. Ахъ, какъ я вамъ благодарна! Какъ будетъ весело! Онъ мнѣ привезетъ подарковъ, а я буду васъ дарить! Олинька прыгала и смѣялась какъ дитя.

Но странно! Когда Олинька ушла въ свою комнату, веселость ея исчезла, хотя и не было ни одной мысли, которая—бы могла тяготить ея душу. Она, также какъ и мать, смотрѣла въ окно, смотрѣла на небо, на солнце, на садъ, на прудъ, въ которомъ плескались домашнія утки, — между тѣмъ веселость ея не возвращалась, — только болѣзненно ныло ея сердце, какое-то томное предчувствіе лежало на душѣ. Но это болѣзненное чувство было мгновенно, и прежнее веселое расположеніе духа вновь возвратилось къ Олинькѣ; только было ей холодно, очень холодно, не смотря на то, что солнце палило. — Мнѣ будетъ хорошо замужемъ, подумала она, вздрагивая отъ холода.

Бѣдная Олинька! Ты радуешься своей гибели! А ты, Сатрапьевъ, по милости своего богатства,

къ недостающему у тебя количеству — тысячи душъ, приобретаешь покупкою новую душу, незаписанную по ревизіи, безъ совершенія формальной купчей крѣпости и даже безъ взноса процентныхъ денегъ!...

ГЛАВА IV.

ПОСЛѢДСТВІЯ ПРОДАЖИ.

Женитьба имѣла на Сатрапьева благотѣльное вліяніе. Многія изъ дурныхъ привычекъ его совсѣмъ оставили. Конечно, онъ еще былъ далекъ отъ того, чтобы разсматривать внутреннее свое достоинство, но много уже общала добра въ послѣдствіи и перемѣна во внѣшнемъ образѣ его жизни. Онъ сталъ болѣе слѣдить за собою, чище и опрятнѣе одѣваться, пересталъ вовсе посѣщать общество игроковъ; слѣдовательно, сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы по-крайней-мѣрѣ казаться, если не быть, порядочнымъ человѣкомъ.

Олинькѣ была предоставлена отъ ея мужа полная свобода. Не думаю, чтобъ это было сдѣлано имъ по убѣжденію (у Сатрапьева отъ роду не было никакого убѣжденія), но сдѣлано потому, что Сатрапьевъ не зналъ, какъ иначе сдѣлать-бы. Думать о томъ, что выходило изъ предѣловъ его обыденной жизни, онъ не могъ; всякой новости у него никог-

да не могла предшествовать какая либо опредѣлительная мысль, или воля, — все предоставлялось судьбѣ, которой онъ, какъ и всѣ малодушные, вѣрилъ безусловно.

Какъ-бы то ни было, Олинька не могла роптать на свою участь. Сатрапьевъ былъ съ ней предупредителемъ и нѣженъ, на сколько это было для него доступно. Олинька была счастлива однимъ уже тѣмъ, что мужъ очень уважалъ мать ея и даже убѣждалъ ее постоянно жить съ ними вмѣстѣ. Какъ благоразумная женщина, Екатерина Ивановна отказалась отъ обязательнаго приглашенія своего зятя, опасаясь какихъ либо непріятностей. Не одинъ, а множество примѣровъ между ея родными и знакомыми доказали ей, что люди, самые близкіе по родству, по дружбѣ, ссорились именно изъ-за того, что жили вмѣстѣ. При каждомъ домѣ есть непременно соръ и пыль, — соръ никому не нравится и пыль также, даже когда ее въ глаза пускаютъ. Лучше подальше отъ сора и пыли, думала Екатерина Ивановна, — и была права. Чрезъ такую-то именно тактику она и пріобрѣла отъ Сатрапьева глубокое къ себѣ уваженіе. Довольно, если я скажу, что заемное письмо въ десять тысячъ рублей, данное ему Екатериною Ивановною, когда ей нужно было спасти свое имѣніе, онъ уничтожилъ въ глазахъ ея. Бѣдная Екатерина Ивановна — при не

счастливыхъ обстоятельствахъ, которыя ее окружали, приняла этотъ подарокъ,—по внутреннее ея достоинство было потрясено до основанія. Она думала, что не переживетъ этого уничтоженія, — однакожь пережила, оставивъ Сатрапьева однажды навсегда съ тою мыслию, что *онъ, Сатрапьевъ, очень уважаетъ мать своей жены, потому что подарилъ ей два заемныхъ письма, одно—до свадьбы, а другое — послѣ свадьбы.* Въ другихъ формахъ у Сатрапьева не могло выразиться уваженіе къ Екатеринѣ Ивановнѣ.

Что касается до свѣта, онъ считалъ жену Сатрапьева счастливою ужъ по одному великолѣпному дому, котораго не было лучше почти во всемъ городѣ, и который былъ купленъ Сатрапьевымъ, вскорѣ послѣ свадьбы, на имя жены. Были и завистники, которые говорили, что Олшнька не стоитъ этого счастья, т.—е. дома, который купилъ мужъ и который стоилъ по крайней мѣрѣ сто тысячъ, — да брилліантовъ, которыхъ подарено ей было на пятьдесятъ тысячъ. Этимъ жалкимъ завистникамъ, этимъ цѣновщикамъ чужаго благосостоянія, цифра—сто пятьдесятъ тысячъ казалась очень великою для такой маленькой женщины, какою была Олшнька. Они думали, чего только можетъ не доставать ей при такихъ огромныхъ средствахъ. Жалкіе люди! У Сатрапьева немного было средствъ, дарованныхъ

человѣку Провидѣніемъ и природою, — а безъ этихъ средствъ, если ихъ мало у мужа, для женщины весь міръ — пустыня. Женщина создана для любви, — отнимите отъ нея это чувство, и вы не замѣните такой потери никакимъ богатствомъ. Правда, и богатство имѣетъ свои привилегіи, оно займетъ на время, какъ игрушка, — но скоро и надоѣстъ, и женщина, смотря на драгоценную вещь, будетъ зѣвать отъ скуки. Сначала ей только скучно, а потомъ грустно, — сознаетъ она свое одиночество и пойметъ, что судьба сдѣлала ее птичкою въ раззолоченной клѣткѣ. Все хорошо — клѣтка золотая, корма много, вода всегда чистая, — да воли нѣтъ и нѣтъ любви, — а въ садкахъ, хоть-бы они изъ брилліантовъ были сдѣланы, любовь плохая для птички. И позавидуетъ такая женщина небогатой, но счастливой своимъ супружествомъ, подругѣ, для которой въ любви постоянное лѣто, тогда какъ для нея постоянная зима. Правда, и у ней, въ супружеской жизни, есть свое солнце, но солнце зимнее — свѣтитъ, а не грѣетъ. Молодой женщинѣ нужна горячая любовь, — а старикъ такой любви дать не можетъ. Какъ всякая молодая женщина, Олинька также время отъ времени чувствовала свое одиночество; ей было грустно, очень грустно, — но такая грусть не могла овладѣть всѣмъ существомъ ея, потому что у нея проявилось уже другое чув-

ство, въ которомъ она была вся сосредоточена, — *чувство матери*. Олянька была беременна.

Сатрапьевъ былъ очень доволенъ послѣднимъ обстоятельствомъ. Его восхищала мысль, что знаменитый родъ Сатрапьевыхъ, ведущій свое начало отъ знаменитаго Персидскаго Сатрапа при Александрѣ Македонскомъ, не пропадетъ. Онъ былъ даже увѣренъ, что у него родится сынъ, и что этотъ сынъ составитъ славу всей фамиліи. Но какъ составить, какимъ путемъ пойдетъ къ будущей славѣ, какое онъ съ своей стороны долженъ дать ему воспитаніе и направленіе — это Сатрапьеву и въ голову не приходило. Онъ для будущаго своего сына желалъ только титула высокопревосходительства, — будь оно гражданское, или военное, — все равно; непрочьбы отъ титула и сіятельства. «Примѣровъ много, думалъ онъ, когда въ награду за службу возводили въ графское и въ княжеское достоинства изъ дворянъ, записанныхъ только въ третью часть дворянской родословной книги. Почему-же будущему сыну Сатрапьева не быть пожалованнымъ въ графское или княжеское достоинство, когда предки его и самъ онъ записаны не въ третью, а въ шестую часть дворянской родословной книги?»

Однажды вечеромъ, когда, подъ вліяніемъ такихъ мыслей, Сатрапьевъ одинъ сидѣлъ у себя въ

кабинетѣ, а жена его была у матери, человѣкъ подалъ ему запечатанное письмо.

— Отъ кого это? спросилъ Сатрапьевъ.

Не могу знать-сь. Человѣкъ въ передней дожидается.

Распечатавъ письмо, Сатрапьевъ осмотрѣлъ почеркъ.

— Рука не знакомая, сказалъ онъ — и началъ читать письмо.

Вотъ его содержаніе:

«Милостивый Государь, Ѳеодоръ Константиновичъ! Преданный вамъ человѣкъ желаетъ спасти ваше имя отъ насмѣшекъ общества. Ваша супруга очень часто бываетъ у своей матери. Бывать часто у матери, конечно, не грѣхъ, — но вотъ въ чемъ грѣхъ: — у матери вашей супруги бываютъ часто Кирсановъ и другіе молодые люди; супруга ваша очень молода, а вы очень стары. Думаю, — вы очень рады будущему вашему ребенку, — но вашъ-ли онъ? — Вотъ вопросъ, который преданный вамъ человѣкъ желаетъ, чтобы вы разрѣшили самому себѣ.» Подписи не было.

Минуты три Сатрапьевъ пробылъ въ состояніи какого-то оцѣпненія, потомъ неистово зазвонилъ, и когда явился человѣкъ, который подавалъ ему письмо, онъ сказалъ ему: «Степанъ! введи ко мнѣ человѣка, который принесъ письмо!»

— Онъ ушелъ—съ, *скажи* Тимоою, что отвѣта не нужно.

Раздалась сильная пощечина, такъ что эхо отъ этой пощечины отдалось въ смежныхъ комнатахъ—залѣ и гостиной. Человѣкъ зашатался на мѣстѣ.

— Выпустить! кричалъ въ неистовствѣ Сатрапьевъ; да я запорю тебя, въ солдаты отдамъ, а жену съ дѣтьми на поселеніе отправлю.

— Воля ваша, баринъ! Я *этого* человѣка не видалъ и не впускалъ. Отъ него взялъ письмо Тимоою, отдалъ мнѣ его въ залѣ, когда я убиралъ комнату, *скажи*: отдай письмо барину, — человѣкъ дожидается. Вотъ какъ я пришелъ въ переднюю, и спрашиваю Тимоою: «гдѣ молъ *этой* человѣкъ, что письмо—то подаль?» А онъ и говоритъ: «ушелъ — отвѣта, *дискать*, не нужно». Я ни въ чемъ не виноватъ, а виноватъ Тимоою.

— «Пошли сюда Тимошку».

И невинный, но избитый Степанъ отправился весьма довольный, что невинность его стоила ему только не болѣе одной оплеухи. Явился Тимоою. При взглядѣ на него, глаза Сатрапьева налились кровью.

— Ты отпустилъ человѣка, который принесъ письмо?

— Какъ-же я могъ держать его? отвѣчалъ поблѣднѣвшій Тимооей своему барину. Посудите сами, баринъ, онъ говоритъ — отвѣта ненужно.

Сатрапьевъ бросился на Тимоою, какъ ястребъ на голубя, схватилъ его обѣими руками за волосы и долго таскалъ, нагнувши почти до пола. И откуда взялась сила у такого старичишки? Когда онъ кончилъ свою операцію надъ Тимоою, въ обѣихъ рукахъ осталось у него по значительному клочку волосъ.

Ни одного звука, ни одного лишняго движенія не сдѣлалъ Тимооей во время барской расправы, какъ будто не было въ немъ даже чувства боли. Онъ смотрѣлъ только помутившимися глазами на своего барина, и со страха не могъ выговорить ни слова.

Наконецъ Сатрапьевъ въ изнеможеніи упалъ въ кресло. Прошло нѣсколько минутъ, онъ вздохнулъ свободнѣе.

— Ты не знаешь, отъ кого это письмо?

— Никакъ нѣтъ-съ! отвѣчалъ испуганный и трепещущій человѣкъ.

— Или ты долженъ узнать, отъ кого письмо, или пойдешь у меня въ солдаты. Безъ зачета и сорокалѣтняго примутъ. Пошелъ вонъ!

Оставшись одинъ, Сатрапьевъ облокотился на столъ и крѣпко задумался. И по-мѣрѣ-того, какъ онъ думалъ, лице его дѣлалось спокойнѣе, только

одна досада, но уже не злость и не бѣшенство, отражалась на немъ.

— Тьфу, какая скверность! вскричалъ вдругъ онъ, ударивши по столу рукою, такъ, что зазвенѣлъ колокольчикъ, — я думаю о своемъ будущемъ сынѣ; а если родится дѣвчонка, и притомъ чужая, вотъ утѣшеніе—то на старости лѣтъ!

Въ это время вошелъ Стенапъ, получившій пощечину, и сталъ молча у дверей, ожидая приказаній своего разгнѣваннаго барина.

— Ты что тутъ, болванъ?

— Изволили-съ звонить!

Сатрапьевъ вспомнилъ, что онъ нечаянно зазвонилъ, и сказалъ своему человѣку, на этотъ разъ безъ всякой досады, чтобы онъ вышелъ вонъ, что ничего не нужно, и, когда придетъ барыня, доложилъ—бы ей, что онъ чувствуетъ себя несовсѣмъ хорошо и будетъ спать у себя въ кабинетѣ.

Сатрапьевъ заперся на ключъ и легъ на диванъ одѣтый.

По приѣздѣ отъ матери, Олинька не обратила особеннаго вниманія на то, что мужъ ея заперся въ кабинетѣ. Это было не въ первый разъ, — и она постоянно оправдывала подобнаго рода поступки своего мужа привычками, превратившимся у него въ природу. Нѣтъ надобности говорить о такого рода привычкахъ: онѣ очень многообразны и извѣ-

стны каждому. Не смотря на это, часто онѣ бываютъ очень тяжелы для обоихъ супруговъ. Молоденькая жена Сатрапьева умѣла всегда понимать и извинять ихъ. Но теперь было ей не до того. Достоинства и недостатки мужа были вытѣснены тяжелою мыслію, подъ вліяніемъ которой она возвратилась домой. У своей матери встрѣтила она свою двоюродную тетку, Татьяну Борисовну Б., о которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ ней было два достоинства: одно внѣшнее — она была женою генераль-лейтенанта и имѣла хорошую обстановку по своему богатству и титулу; другое внѣшнее — она любила болтать, никогда не давая себѣ отчета, на сколько можетъ принести пользы, или вреда болтовня ея: ея дѣло было сказать, а о послѣдствіяхъ своихъ разсказовъ она никогда не думала. Въ послѣдній вечеръ, жертвою болтовни она избрала Олиньку, и въ продолженіе четырехъ часовъ наговорила ей множество ужасныхъ примѣровъ относительно несчастныхъ послѣдствій рожденія перваго ребенка; какъ напримѣръ, умерла Прасковья Ивановна, какъ умерла сестра ея, Наталья Борисовна.

Большое несчастіе для женщины, когда она очень впечатлительна! А Олинька была именно такою. Съ жадностію вслушиваясь въ разсказы почтенной своей тетушки, она дошла до того убѣжденія, что ей

непремѣнно должно умереть родами, и, когда — по естественному влеченію сердца человѣческаго имѣть внутри себя хоть слабую надежду на счастливые результаты — она обратилась къ своей тетушкѣ съ вопросомъ: — можетъ быть, все кончится благополучно? та отвѣчала: — «не думай, душа моя, у тебя — то именно такіе признаки беременности, которые не ведутъ ни къ чему хорошему». Такимъ образомъ, послѣднія своими глупыми разговорами лишила Олиньку даже надежды ласкать когда-нибудь своего ребенка.

Правду говорятъ, что счастье и несчастье зависятъ отъ малыхъ причинъ. Всею, что говорила тетка, Олинька не вѣрила, — но странно, подавить укоренившейся въ ней мысли о смерти она не могла. Хорошо-бы, думала она, посоветоваться съ матерью — но боялась огорчить ее. Мужа-же своего она въ этомъ отношеніи, совершенно справедливо, ставила ничѣмъ; только зѣвнетъ, да скажетъ: «все это, мой ангелъ, вздоръ», и скажетъ это не по убѣжденію, а потому, что нужно-же сказать что-нибудь. Несчастную мысль о смерти Олинька сосредоточила въ самой себѣ и была очень рада, что мужъ оставилъ ее одну.

Раздѣвшись съ помощію горничной, она легла въ постель и скоро заснула. Ей снилось, что лежитъ

она въ голубомъ гробу, обитомъ золотомъ; въ головахъ ея стоитъ мать, до такой степени убитая горемъ, что не можетъ плакать; а въ ногахъ мужъ и даетъ ей въ руку какую-то бумагу, но это не церковная бумага, а какъ-будто прошеніе, написанное на гербовой бумагѣ; за тѣмъ являются люди, является духовенство, и тащатъ этотъ гробъ безъ отпѣванія на кладбище. Олинька все это чувствуетъ, а если чувствуетъ, то сознаетъ, что она жива; и хочетъ или движеніемъ тѣла, или звукомъ голоса выказать признаки жизни, — но нѣтъ силы ни для движенія, ни для звука. И слышитъ она, что гробъ ея принесли къ могилѣ и заколачиваютъ гвоздями; и вотъ наконецъ чувствуетъ она, какъ опустили гробъ въ могилу и какъ мужъ вмѣстѣ съ губернаторомъ бросили комъ земли на гробъ ея. Ударъ былъ такъ силенъ, что сдѣлалъ сотрясеніе во всемъ гробу, она пронзительно закричала и проснулась. Сердце ея билось, руки и ноги судорожно тряслись. Въ комнатѣ было совершенно тихо и темно. Только, летая изъ угла въ уголъ, жужжала испуганная муха, отыскивая мѣсто, гдѣ бы могла сѣсть. Отъ одного этого жужжанія Олинькѣ сдѣлалось страшно; она слышала его во всѣхъ фибрахъ своего тѣла, въ головѣ, сердцѣ, въ рукахъ, ногахъ. Господи! подумала она, что это со мною дѣлается! и начала шопотомъ читать молитву.

На другой день, не было уже супружеского счастья между Сатрапьевыми. Мужъ опасался, что жена его родить ненавистную, и притомъ чужую для него дѣвчонку, а жена думала, что она умереть первыми родами.

ГЛАВА V.

РОЖДЕНІЕ ДОЧЕРИ

Тяжелая мысль о неизбежной смерти имѣла очень вредныя послѣдствія. За нѣсколько дней до родовъ, малѣйшая боль приводила Олинку въ ужасъ: она блѣднѣла, тряслась лихорадочно всѣмъ тѣломъ, призывала мать, мужа, если онъ былъ дома, посылала за докторами и за акушеркою. Каждый разъ и много, и долго нужно было убѣждать ее, что время родовъ не пришло еще. — Призовите-же священника, говорила она, — я хочу передъ родами исповѣдаться и пріобщиться. Два раза отказывали ей въ ея желаніи, на третій разъ она настояла на своемъ, — и когда исполнила святой долгъ, почувствовала себя нравственно лучше, хотя все ей было грустно, очень грустно. Умереть въ девятнадцать лѣтъ, и умереть въ тѣхъ страшныхъ родовыхъ мученіяхъ, о которыхъ говорила тетка, ей не хотѣлось. Она молила Бога, чтобы Онъ по-

слалъ ей по-крайней-мѣрѣ безпамятство при мукахъ.

— Да что ты, дитя мое? Чего ты боишься? говорила постоянно ей мать. Всѣ женщины рождать. Я не имѣла того здоровья, какое ты имѣешь, но въ продолженіи замужества имѣла семерыхъ дѣтей, и всѣхъ родила благополучно.

— Да я ничего и не боюсь, обыкновенно отвѣчала на это Олинька: я ко всему готова. Она никакъ не хотѣла высказаться передъ матерью откровенно. Глухія слова глухой теткы она берегла въ себѣ какъ святую тайну.

— Къ чему-же ты готова, мой ангелъ? Этого я не понимаю.

— Къ боли и къ мукамъ.

Но, конечно, боль будетъ,—безъ того нельзя, говорила мать.

— И муки будутъ? спрашивала скороговоркою Олинька.

— Ну, конечно, небольшія и муки будутъ, простодушно отвѣчала мать.

При этомъ Олинька вздрагивала и чувствовала, какъ холодъ мгновенно пробѣгалъ по всему ея тѣлу и, сосредоточиваясь въ поясницѣ, причинялъ ей мгновенную, но нестерпимую боль. «*Ma tante* правду говорила», думала Олинька, завертываясь въ теплую одежду, «вотъ и *tata* сознается». Бѣд-

ная мать! догадывалась-ли она, какой дѣлала вредъ своей дочери своими словами! Нервическое разстройство Олиньки и самыя слова утѣшенія обращало въ душевныя страданія.

Наступило время родовъ. По утру, въ одиннадцать часовъ, когда Олинька пила жиденкій кофе, почувствовала она необыкновенную боль въ поясницѣ. Призванная акушерка на этотъ разъ объявила ей, что она скоро будетъ матерью.

Говорять, что самыя величайшіе храбрецы есть величайшіе трусы. Ни испуга, ни страха не отразилось на миленькомъ лицѣ Олиньки. Она съ твердостью выслушала извѣстіе о роковыхъ для нея часахъ. На этотъ разъ она справедливо могла сказать: «я ко всему готова».

Былъ октябрь мѣсяцъ. Олинька подошла къ окну и взглянула на небо. Солнце прямо свѣтило ей въ глаза. Можетъ быть, не дальше, какъ завтра, не увижу я, разсуждала она сама съ собою, ни неба, ни солнца!» Взглянула внизъ, городъ кипитъ жизнію, и идутъ, и ѣдутъ, все какъ будто веселые; они и не догадываются, что такъ близко отъ нихъ страдаетъ человѣкъ; «и чрезъ нѣсколько дней, думала она, когда повезутъ мой трупъ въ могилу, пойдутъ и поѣдутъ тѣ же самыя люди; нѣкоторые поклонятся моему праху, а нѣкоторые и того не сдѣлаютъ; не подумаютъ они обо мнѣ, какъ я объ

нихъ теперь думаю, забудутъ даже, что имъ встрѣтился покойникъ». На глазахъ Олиньки навернулись слезы. Она отошла отъ окна и хотѣла сѣсть на диванъ, но, снова почувствовавъ боль, начала, подерживаемая акушеркою, ходить по комнатѣ.

Кто-то очень тихо и осторожно постучался въ дверь. Горничная шепотомъ спросила: кто? — Я, отвѣчалъ тихо Сатрапьевъ, доложи Ольгѣ Ивановнѣ, можетъ-ли она принять меня съ докторомъ и акушеромъ. Нервы Олиньки до такой степени были разстроены, что она изъ другой комнаты слышала весь этотъ разговоръ шепотомъ, и просила мужа войти. Докторъ освидѣтельствовалъ пульсъ ея, а представленный ей акушеръ, поклонившись вѣжливо, отозвалъ въ сторону акушерку и началъ съ нею разговаривать весьма тихо. Олинька впиалась въ нихъ обоимъ глазами, но разговора не слыхала. Последнія только слова акушерки, сказанныя довольно громко: «впрочемъ ничего особеннаго нѣтъ, все хорошо», — ее очень порадовали. Медики вышли.

— Ты зачѣмъ пригласилъ акушера? спросила Олинька своего мужа. Развѣ ты подозрѣваешь чтонибудь нехорошее?

— Нельзя-же не пригласить, мой другъ; всѣ порядочные люди, сказывалъ князь Валеріанъ Валеріановичъ, приглашаютъ въ такихъ случаяхъ акушера и просятъ его не отлучаться на всякій слу-

чай изъ дому. Ну и я то-же сдѣлалъ. Нельзя-же, мой другъ!

Олинька подошла къ мужу, поцѣловала его въ голову и взглянула въ глаза съ такою нѣжностію, что въ Сатрапьевѣ вновь проявилось забытое имъ чувство, то самое чувство, которое онъ испытывалъ при встрѣчѣ съ Олинькою на свадьбѣ старшей сестры ея. — Если я умру, сказала Олинька, обвинивши его шею руками, тебѣ жаль меня будетъ? И она опять смотрѣла ему въ глаза съ такою невинностію, что въ пустой душѣ Сатрапьева начало уже проявляться благородное чувство.

— Что это ты говоришь, другъ мой, какъ это можно! Позволь мнѣ удалиться. Я опасаюсь, не беспокою-ли тебя.

— Зачѣмъ ты такъ скоро хочешь уйти отъ меня? Кто знаетъ будущее? Можетъ быть, и захотѣлъ-бы ты побыть такъ, да не съ кѣмъ будетъ!

У старика сжалось сердце и навернулись слезы. Онъ замахалъ руками и выбѣжалъ изъ комнаты Олиньки, чтобы скрыть отъ нея свое волненіе. Она невинна! думалъ Сатрапьевъ, утирая платкомъ слезы; подлое письмо напрасно меня беспокоило; хорошо еще, что я молчалъ объ немъ. Вотъ я и наблюдалъ за нею, — Кирсановъ у насъ почти не бываетъ, она къ матери не просится два мѣсяца съ того самаго времени, какъ я получилъ это про-

клятое письмо. Свадьба наша была семнадцатаго января, а нынче восемнадцатое октября; первые два мѣсяца безъ меня она никуда не выѣзжала, и большею частію мы были дома, да и у насъ никого не было; все вздоръ и выходить — и письмо, полученное Тимошкою, и предположенія моей сестры. Помнится мнѣ, послѣ свадьбы священникъ далъ мнѣ, не знаю для чего, метрическое свидѣтельство о моемъ бракѣ, оно должно быть въ бюро. И Сатрапьевъ началъ рыться въ бумагахъ. Найдя выписку изъ приходскихъ метрическихъ книгъ о своемъ бракѣ, онъ снова прочелъ со вниманіемъ и съ замѣтнымъ удовольствіемъ: «семнадцатое января», какъ будто не довѣрялъ своей памяти. Хорошо-бы было имѣть теперь метрику о рожденіи сына!

Пока мужъ по метрикѣ желалъ опредѣлить невинность своей жены, и весь сосредоточивался въ мысли имѣть сына, будущаго богача и генерала, страданія Оляпки усилились до высшей степени. Раздался оглушительный крикъ, какъ будто-бы человека рѣзали тупымъ ножомъ. Этотъ страшный оглушительный крикъ, не смотря на закрытыя двери, разнесся по всѣмъ огромнымъ комнатамъ Сатрапьева, и каждый въ домѣ слышалъ его около себя, надъ самыми своими ушами. Люди Сатрапьева вскочили съ мѣстъ и перекрестились, Сатрапьевъ съ

своей стороны вздрогнулъ и выронилъ метрику; а Екатерина Ивановна, скрестивши руки, со слезами усердно молилась въ своей комнатѣ передъ иконою Спасителя. Въ послѣдній моментъ крика вырвался изъ ея груди почти такой-же крикъ, и она громко зарыдала, — то былъ голосъ матери къ Богу о жизни ея дочери и ея ребенка! Вопль ея дошелъ до Провидѣнія, и внутренно сознала Екатерина Ивановна, что страданія Олиньки кончились и что дочь ея сама уже сдѣлалась матерью.

Въ дверяхъ показалась акушерка и сказала торжественно Екатеринѣ Ивановнѣ: «поздравляю васъ со внучкою.» Екатерина Ивановна вскочила, спросила о здоровьи Олиньки, крѣпко обняла акушерку, а когда послѣдняя объяснила ей, что все кончилось благополучно, она зарыдала, но рыданіе это было выраженіемъ радости и благодарности къ Богу, передъ ликомъ котораго она снова встала на колѣна.

А изъ комнаты Екатерины Ивановны, акушерка отправилась къ Сатрапьеву и поздравила его съ новорожденною дочерью.

— Такъ у меня родилась дочь? спросилъ Сатрапьевъ грубо акушерку и, не спросивши ея о здоровьи своей жены, попросилъ удалиться. Новорожденная дочь была непріятна отцу; своимъ рожденіемъ она разрушила самые лучшіе и завѣтные будущіе его планы! Сатрапьевъ не могъ связать

своихъ мыслей; было у него какое-то чувство было какое-то желаніе, но до такой степени безсвязныя, что онъ не могъ отдать въ нихъ никакого себѣ отчета.

Былъ вечеръ. Утомленный событіями этого дня, Сатрапьевъ крѣпко спалъ. Въ полурастворенную дверь его кабинета непрестанно показывались то мужскія, то женскія головы людей. По всему замѣтно, что его желали разбудить, но, видя крѣпко спящимъ, возвращались назадъ; крѣпостные люди боялись потревожить сонъ своего барина.

Вошла акушерка и довольно нецеремонно разбудила Сатрапьева. Потягиваясь и протирая глаза, онъ съ досадою спросилъ ее: «что нужно? почему его разбудили?»

— Пожалуйста сію-же минуту къ Ольгѣ Ивановнѣ, — она желаетъ васъ видѣть.

Сатрапьевъ неохотно отправился въ комнату своей жены, и когда вошелъ, оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Олимпика лежала на спинѣ; лице ея было покрыто смертною блѣдностію и судорожно передергивалось каждое мгновеніе; зрачки глазъ совершенно закатились; горловая часть на полдюйма вошла во внутренность, и дыханіе замѣтно было въ одной груди; руки стояли въ воздухѣ, какъ будто что-то ловили, нервы и мускулы у рукъ такъ напряжены были сильно, что никакая физическая сила не могла-бы

привести ихъ въ нормальное положеніе. Убитая отчаяніемъ и горемъ, съ видомъ совершенно помѣшавшейся жепщины, въ головахъ у Олиньки стояла ея мать и шептала молитву; два доктора, акушеръ и акушерка молча стояли въ погахъ и ожидали благодѣтельныхъ послѣдствій только отъ силъ природы. Болѣзнь Олиньки выходила за предѣлы Человѣческихъ познаній. По всему замѣтно было, что медики съ акушеромъ скорѣе были зрителями, нежели дѣйствующими лицами. Правда, какая-то непозвѣстная Сатрапьеву женщина ставила пиявки, но даже Сатрапьевъ догадался, что это была только медицинская проба, а не дѣйствительное средство.

Прошло болѣе пяти минутъ, и Олинька оставалась въ томъ-же положеніи. Вдругъ, какъ будто какая-то невидимая сила приподняла ее на воздухъ; ноги сначала свело, потомъ выпрямилло съ такою быстротою, что затрещала кровать; глаза зублуждали, челюсти пришли въ движеніе; Олинька прикусила языкъ, на губахъ и во рту ея показалось цѣлое море крови.

— Къ чему пиявки, говорила женщина, ставившая ихъ Олинькѣ, обращаясь къ окружающимъ, да развѣ вы не видите, что она кончается? Екатерина Ивановна безъ чувствъ упала въ кресло; Сатрапьевъ всплеснулъ руками и поклонился Олинькѣ, какъ уже умирающей, до земли.

— Не тревожьтесь напрасно! сказалъ одинъ изъ медиковъ, державшій за руку Олиньку, — болѣзнь не отняла еще всѣхъ силъ жизни; это кризисъ, съ которымъ должны окончиться конвульси. Но опасюсь, чтобы послѣ конвульсій не появилось тифа, или выпотѣнія въ мозгу.

И когда жизнь Олиньки висѣла на волоскѣ, ребенокъ ея, въ смежной комнатѣ, выражалъ крикомъ свое существованіе. Событіе въ домѣ было такъ важно, что всѣ забыли малютку. Ребенка нужно вынести въ другую комнату, сказали единогласно всѣ медики, и его вынесли хладнокровно, какъ выносятъ лишнюю мебель.

Бѣдное дитя, родившееся подъ несчастнымъ созвѣздіемъ, ты для всѣхъ непріятно! Непріятно для отца, потому что родилось съ именемъ Екатерины, а не Бориса. Какъ дѣвочка, ты разрушаешь глупые отцовскіе планы! Непріятно для добрѣйшей твоей бабушки, потому что рожденіе твое заставило такъ много страдать любимую ея дочь. Лучше—бы было тебѣ, бѣдный ребенокъ, или совсѣмъ не родиться, или умереть при самомъ рожденіи! Много принесешь ты вмѣстѣ съ собою страданій своей матери, которая одна только въ цѣломъ мірѣ и будетъ любить тебя, и страданія твоей матери будутъ такъ велики, что самыя конвульси ея будутъ однимъ изъ легкихъ страданій; тѣ по—крайней—мѣрѣ

сопровождалась безпамятствомъ,—но придетъ время, чрезъ тебя, именно черезъ тебя, несчастѣйшій ребенокъ, время страдапія сознательнаго для твоей матери; и будетъ она просить у Господа Бога сумасшествія, или безпамятства, и Богъ не услышитъ такой молитвы.

ГЛАВА VI.

ПРИЧИНЫ ВУДУЩАГО ПРОЦЕССА.

У Сатрапьевыхъ была сестра, Оедосья Константиновна, которая, назадъ тому сорокъ лѣтъ до нашего разсказа, бѣжала изъ дома родительскаго съ учителемъ французскаго языка, по фамиліи *Ребе*, выдававшимъ себя за природнаго парижанина, между тѣмъ какъ черты лица его прямо обличали въ немъ Іерусалимскаго дворянина. При извѣстной трусости Іудейскаго племени, до дерзости смѣлый поступокъ Ребе — увезти изъ дома Сатрапьевыхъ дочь и обвѣнчаться съ нею, можетъ только объясниться необыкновенною жадностію этого господина къ деньгамъ. Жалко, что на этотъ разъ храбрость Ребе не принесла ему никакихъ результатовъ; — родители Сатрапьевыхъ не только лишили *madame* Ребе своего благословенія, но и самое дѣло о будущемъ своемъ наслѣдствѣ облекли въ такія формы, что дочь ихъ не могла получить послѣ ихъ смерти никакого на-

слѣдства. Положеніе госпожи Ребе было—бы самое плачевное, если—бы къ счастью не умерли ея родители, и Сатрапьевы не оказали—бы ей своей помощи. Последніе, опасаясь, чтобы почтенный зять ихъ, который начиналъ лечить зубныя боли въ обществахъ, не сдѣлался въ послѣдствіи публичнымъ Московскимъ зубодеромъ и не поставилъ надъ своею квартирою вывѣски дантиста, дали Ребе небольшой капиталъ и убѣдили его слушать лекціи въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ онъ въ послѣдствіи и получилъ званіе лекаря. Званіе лекаря было выгодно и для Ребе, которому открывалась дорога вступить на службу и быть чиновникомъ, и было пріятно Сатрапьевымъ, которые избавлялись отъ стыда имѣть своимъ зятемъ нѣчто въ родѣ цирюльника.

Къ чести обоихъ Сатрапьевыхъ должно отнести то, что они не оставляли своей сестры и, будучи отъ природы скупы, много помогали ей матеріально съ тремя дѣтьми ея и съ мужемъ. Последний, при помощи Сатрапьевыхъ, былъ уже докторъ медицины и статскій совѣтникъ, слѣдовательно потомственный дворянинъ, что очень радовало Сатрапьевыхъ. Одно только казалось несовмѣстнымъ съ достоинствомъ рода Сатрапьевыхъ, что зять ихъ былъ докторъ, а имъ хотѣлось, чтобы зять ихъ былъ баринъ въ томъ смыслѣ слова, въ которомъ они его понимали.

Докторъ какой дворянинъ! говорили Сатрапьевы своему зятю: герба приличнаго не составишь, ты лучше откажись отъ этого званія и иди въ гражданскую службу.

— А чѣмъ я буду жить? говорилъ вкрадчиво Ребе.

— Мы тебѣ дадимъ капиталъ. И дѣйствительно, дураки Сатрапьевы дали своему зятю капиталъ въ семьдесятъ тысячъ; а умный Ребе, отказавшись отъ званія медика, напелъ съ этими деньгами претепленькое мѣстечко въ комиссаріатѣ и не очень жалѣлъ о своихъ потерянныхъ визитахъ и о своихъ больныхъ, которыхъ морилъ онъ и отъ которыхъ, прежде нежели уморить, получалъ деньги.

Устроивши такимъ образомъ дѣла свои, Ребе жили прилично и про запасъ имѣли деньги; въ послѣдствіи—же времени надѣялись быть страшно богатыми. У госпожи Ребе, какъ извѣстно изъ повѣсти, были два родныхъ брата, старые холостяки, стоявшіе уже одною ногою въ гробѣ. Съ невыразимымъ наслажденіемъ переносилась госпожа Ребе въ будущее, когда оба почтенныхъ брата ея, Михаилъ и Ѳеодоръ Константиновичи Сатрапьевы, покончатъ расчетъ съ міромъ и перейдутъ въ вѣчность. Г-жа Ребе очень желала обоимъ своимъ братьямъ царства небеснаго, но только поскорѣй, чтобы самой, хотя немного, воспользоваться тѣмъ

временными благами, которыя были въ средствахъ у Сатрапьевыхъ. Четыре милліона денегъ и двѣ тысячи душъ имѣть очень не вредно! «Не для себя желаю я богатства, говорила всѣмъ и каждому Ѳедосья Константиновна, но для дѣтей своихъ», и при этомъ набожно возводила глаза къ небу. Говорятъ, что г-жа Ребе съ молоду была красавица, но теперь опредѣлить красоту ея было очень трудно. Когда-то черныя блестящія глаза ея—теперь совсѣмъ потускнѣли; когда-то бѣлое и нѣжное лицо ея—сморщилось; зубовъ у нея было мало, волосъ также; много только было зависти, злости и недоброжелательства. Не мало приходилось мужу терпѣть отъ этихъ трехъ милыхъ добродѣтелей своей супруги,—но никогда не выражались онѣ въ ней съ такою всесокрушающею силою, какъ въ то время, когда она получила вѣсть о женитьбѣ своего брата Ѳедора Константиновича на Олинкѣ Тамплъ. Она до такой степени озлилась, что послѣдніе остатки мяса на ея тѣлѣ совсѣмъ исчезли; ея было жалко, она походила скорѣе на скелетъ, обтянутый желтымъ сафьяномъ, нежели на живое, движущееся существо. «Что, думала она въ припадкѣ бѣшенства, если у моего почтеннаго брата будутъ еще дѣти—тогда всѣ мои мечты о будущности и счастіи моихъ дѣтей, о богатствѣ—сонъ, который никогда не сбудется! Да дѣтей быть не можетъ, братъ очень

старъ для этого». А между тѣмъ, по волѣ судьбы, на смѣхъ Ѳеодосѣ Константиновичъ, — Оливька сдѣлалась беременна, Ребе интриговала, ничто не помогло: у Оливьки родилась дочь, и ее приглашаютъ навѣстить больную и новорожденную!

Была темная октябрьская ночь. Вѣтеръ вылъ и дождикъ, стуча по окнамъ, просился въ комнаты. На улицахъ не видно было рѣшительно ничего. Правда, кой гдѣ въ городѣ свѣтились фонари, но свѣтились такъ слабо, что едва-ли съ этимъ свѣтомъ могла сравниться самая дальняя звѣздочка на небѣ. Страшно было за человѣка, которому пришлось-бы путешествовать въ эту темную и бурную ночь; а между тѣмъ какой-то единственный человекъ шелъ по городу, ощупывая предметы то палькою, то рукою. Не далеко отъ дома, гдѣ жили Ребе, онъ остановился, простоялъ неподвижно минуты двѣ и робкими шагами началъ ощупью приближаться къ ихъ подъѣзду. На самомъ подъѣздѣ онъ опять остановился, снялъ съ себя промокшую шинелишку, стряхнулъ съ нея воду, вытеръ носовымъ платкомъ сапоги (калошъ на немъ не было); потомъ пошаркавши ногами на подъѣздѣ минуты три, онъ тихо позвонилъ въ колокольчикъ. — Кто это идетъ въ такую пору? подумалъ человекъ и отперъ дверь. Не говоря ни слова, послѣдній молча повелъ пришедшаго въ комнаты, какъ давно уже знакомаго

господамъ своимъ. Оедосья Константиновна съ своимъ супругомъ сидѣла около самовара и разливала чай.

При входѣ гостя, ни Ребе, ни жена его не поднялись съ своего мѣста, сдѣлали, вмѣсто поклона, нѣчто въ родѣ движенія, и указавши ему на стулъ, сказали почти въ одинъ голосъ: садитесь, г. Оеклистовъ. Тотъ сѣлъ на самый конецъ стула и не успѣлъ сказать трехъ словъ, какъ подъ нимъ образовалась лужа.

— Дождикъ ужаснѣйшій и такой пронзительный вѣтеръ, что проникаетъ въ кости, сказалъ Оеклистовъ, стуча почти зубами.

— Вы очень озябли — пейте чай, сказалъ Ребе.

— Хорошо-бы пуншику, Эдуардъ Карловичъ, лучше-бы подкрѣпился и согрѣлся.

— Вотъ ромъ въ графинчикѣ — налейте. Оеклистовъ очень обрадовался, отпилъ половину стакана чаю, а другую дополнилъ ромомъ.

— Принесли съ собой бумаги? спросилъ у Оеклистова Ребе.

— Какъ-же-съ, принесъ; — онъ вынулъ огромную пачку полусырыхъ бумагъ. Перерылъ для васъ весь архивъ: вотъ указъ 1770 года марта 13, а вотъ это 1803 года марта 30; послѣдній — это 1815 г. апрѣля 30; есть еще позднѣйшіе указы. Все одно, во всѣхъ указахъ, что въ боковыхъ ли-

ніяхъ сестры при братьяхъ не имѣютъ права на наслѣдство.

— Однако это для насъ страшный законъ, сказалъ Ребе едва слышно.

— А что, если умереть Ѳеодоръ Константиновичъ, то конечно наслѣдница послѣ него дочь?

— Безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ Ѳеклистовъ, низходящая линія-съ.

— А если послѣ Ѳеодора умереть старшій нашъ братъ Михайлъ Константиновичъ, а моя племянница, дочь Ѳеодора Константиновича, жива будетъ?

— Опять она-же наслѣдница, потому что въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ, сказалъ Ѳеклистовъ.

— Но я вамъ говорю, если умереть братъ Ѳеодоръ, возразила г. Ребе.

— Все равно, наслѣдуютъ дѣти, сказалъ Ѳеклистовъ.

— А мои дѣти ничего не наслѣдуютъ?

— Точно такъ-съ, сказалъ Ѳеклистовъ.

Изъ сухой груди Ѳедосьи Константиновны готово было вырваться проклятіе, и не вырвалось это проклятіе потому только, что она закашлялась.

Муж пристально смотрѣлъ ей въ глаза, чтобы она не проговорилась. Сдѣлалось всеобщее молчаніе, но кажется всѣ эти три лица понимали другъ друга.

Отвратительно было смотрѣть на этихъ трехъ годовъ. На блѣдномъ и полномъ лицѣ Ребе и въ его черныхъ глазахъ, подъ видомъ добродушія, замѣтны были коварство и эгоизмъ. Безъ чувства жалости и безъ состраданія зарѣзалъ-бы этотъ чело-вѣкъ даже роднаго брата, мѣшавшаго ему на доро-гѣ жизни, какъ будто дѣлалъ привычную для него операцію надъ трупомъ. Достойная его супруга бы-ла настоящая мегера. Она была такъ отвратитель-на и зла, что всѣ три фуриі на картинѣ Рубенса—передъ нею красавицы. Изъ нихъ еще лучше всѣхъ былъ небритый, нечесанный, съ лужею подъ собою, въ худомъ фракѣ и мокрыхъ сапогахъ—Оеклистовъ. Въ немъ вы видѣли только грязнаго чело-вѣка, и грязень онъ былъ и нравственно дурень отъ бѣд-ности, отъ горькихъ обстоятельствъ, отъ дурнаго воспитанія, отъ сквернаго общества, вообще отъ внѣшней обстановки жизни. Дайте ему другую об-становку, состояніе Ребе, которымъ они недоволь-ны, и Оеклистовъ могъ быть хорошимъ чело-вѣкомъ, по крайней мѣрѣ можно было ручаться, что онъ хуже Ребе не былъ-бы.

— Благодарю васъ за бумаги, сказалъ Ребе, обращаясь къ Оеклистову, и давая ему въ руки си-нюю ассигнацію, прибавилъ: «вотъ вамъ за труды.»

Радостно выбѣжалъ на улицу Оеклистовъ, не было для него тьмы, ему свѣтила синяя ассигнація,

спасавшая его семейство на цѣлую недѣлю отъ холода и голода. Оеклистовъ шелъ твердыми уже шагами и не ошупывалъ дороги, какъ прежде, а тѣма та же, тотъ же свистъ и завываніе вѣтра и тотъ-же проливной дождь.

— Какая страшная погода, сказалъ Ребе, дойдеть-ли Оеклистовъ до дому?

— Ну, чортъ съ нимъ, если бы и не дошелъ, сказала Ребе. — Не карету-же для него закладывать!

Г. Ребе улыбнулся.

Произошла продолжительная пауза. — «Дѣла наши плохо идутъ,» заговорилъ наконецъ Ребе. Письмо, посланное мною къ твоему почтенному брату, — не подѣйствовало. Ты старалась намекать ему не одинъ разъ, что отъ него не могутъ быть дѣти, я наукою и примѣрами всегда искусно старался доказать, что въ 65 лѣтъ нельзя имѣть дѣтей. Такая наша тактика кончилась тѣмъ, что старій дуралей и роконосецъ жену свою послѣ первыхъ ея родовъ вотъ уже болѣе года еще сильнѣе любить. Я не надѣялся, чтобъ жена его, эта нищая, встала послѣ конвульсій; безъ нея можетъ быть и ребенокъ-бы умеръ, а теперь они оба очень здоровы. Худо, очень худо!!!

— Да, хорошаго не много, сказала посинѣвшая отъ злости Оедосья Константиновна.

— Знаешь-ли что, Фани? Если-бы умерли Оедоръ Константиновичъ и его дочка, то не только его имѣніе, но и все имѣніе и деньги Михаила Константиновича достались-бы современемъ намъ, а если-бы мы съ тобою умерли, то нашимъ дѣтямъ, а это все равно!

Ребе замолчалъ и всматривался въ лице жены своей. Последняя впиалась въ него глазами. Второй разъ — въ этотъ вечеръ они понимали другъ друга.

На столовыхъ часахъ ударилъ часъ пополудни.

— Пойдемъ спать, сказалъ Ребе, да подумаемъ о средствахъ безъ риска сдѣлать то, чтобы твой почтеннѣйшій братецъ съ ея милою дочкою умерли.

Оедосья Константиновна набожно перекрестилась.

Трудно было по лицу этой злой женщины опредѣлить: просила-ли она Бога простить ей преступную мысль о братоубійствѣ, или въ избыткѣ ложной набожности благодарила Бога за то, что онъ озиралъ ея мужа такою *свѣтлою и прекрасною мыслию*.

ГЛАВА VII.

ОТЪѢЗДЪ.

Въ тотъ вечеръ, когда у гг. Ребе зародилась извѣстная уже читателю преступная мысль, Олпнь-

ка сидѣла въ своемъ кабинетѣ, освѣщенномъ множествомъ лампъ до такой степени, что становилось больно глазамъ, кто входилъ къ ней. Олинъка очень любила свѣтъ подобнаго рода. Но, не смотря на свѣтъ, на роскошь, которая окружала ее, она была грустна и задумчива. Не только не радовали, но, кажется, тяготили ее и стѣны, обитыя малиновымъ бархатомъ, и коверъ персидскій во всю комнату, и бронзовыя статуетки, и вообще вся богатая и роскошная обстановка. Въ рукахъ у Олинъки была книга, которую она время отъ времени перелистывала; но видно было, что это дѣлалось машинально. Мысли ея далеки были отъ чтенія. Завываніе—ли вѣтра и бури, или смутное предчувствіе будущаго несчастія наводило грусть на душу Олинъки, неизвѣстно.

— Охъ, какая невыразимая тоска! подумала про себя Олинъка, и позвонила въ колокольчикъ.

Явилась дѣвушка и спросила ее: что прикажете?

— Гдѣ баринъ?

— У себя въ кабинетѣ, все читаютъ письмо, которое изволили получить недавно.

— Спроси его, не можетъ—ли онъ войти ко мнѣ ненадолго.

Чрезъ десять минутъ послѣ настоящаго разговора съ горничной, Сатрашевъ сидѣлъ рядомъ съ Олинъкой и говорилъ ей:

— Я сегодня получилъ письмо, которое меня очень огорчило. Олинька съ испугомъ посмотрѣла на своего мужа. На лицѣ Сатрапьева не было замѣтно ни малѣйшаго огорченія.

— Мы понесли съ тобой очень чувствительную потерю, лишились троюроднаго нашего дяди по моей матери — Игнатія Петровича Зарубинскаго. После него мы съ братомъ Михаиломъ должны раздѣлить по 200 душъ, потому что у него нѣтъ никого родныхъ кромѣ насъ. Почтенный старецъ! Миѣ его очень жалко.

— Странно, сказала Олинька: вотъ скоро два года я замужемъ, а о твоёмъ дядѣ первый разъ слышу.

— Развѣ я тебѣ ничего не говорилъ? сказалъ смѣшавшись Сатрапьевъ; впрочемъ, это очень просто: Игнатій Петровичъ весь свой вѣкъ прожилъ въ деревнѣ. Славный былъ хозяинъ — и эти двѣсти душъ, которыя миѣ должны достаться, лучше пяти-сотъ; начать съ того, что онѣ не заложены и земли при нихъ на каждую душу не меньше, какъ въ нашемъ имѣніи. Миѣ его очень жалко, продолжалъ Сатрапьевъ, принуждая себя ко вздоху, котораго однакожъ не послѣдовало.

— Что-же, мы поѣдемъ на похороны? спросила грустно Олинька.

— Какъ это можно? Во первыхъ онъ умеръ за 900 верстъ отсюда, въ Саратовской губерніи, а во вторыхъ — его давно уже схоронили. Вотъ съ послѣдствомъ не знаю что дѣлать; брату Михайлѣ, который живетъ недалеко отъ имѣнія дядюшки, нельзя довѣрять — выдѣлать скверную часть; Кирсановъ, вѣроятно, не поѣдетъ — служба не позволитъ; нужно будетъ самому ѣхать въ свое имѣніе и тамъ заняться дѣломъ о наследствѣ.

— Конечно ты и меня возмешь съ собой?

— Это невозможно, мой другъ, сказалъ Сатрапьевъ — тебѣ не доѣхать 900 верстъ съ ребенкомъ; теперь отъ Рязани до Саратова каторжная дорога; самыя лучшія лошади шестернею дѣлаютъ въ часъ не болѣе 5 верстъ.

— Ты-бы завтра поговорилъ съ Кирсановымъ, можетъ быть ему служба и не помѣшаетъ ѣхать; человѣкъ онъ честный, намъ очень преданный, дѣла знаетъ очень хорошо, и вѣрно кончитъ твое дѣло лучше тебя.

— То есть раздѣлить насъ съ братомъ? ну, это вопросъ, мой ангелъ; взять для себя хорошую и выгодную часть изъ имѣнія, я и самъ съумѣю не хуже Кирсанова, сказалъ съ достоинствомъ Сатрапьевъ; впрочемъ, Дмитрію Ивановичу можно довѣрить дѣло, если онъ поѣдетъ.

И супруги, разговаривая еще далеко за полночь, остановились на томъ, чтобы завтра посоветоваться съ Кирсановымъ. И когда Сатрапьевы собирались идти въ спальню, вѣтеръ рвануль съ такою силою ставни въ кабинетъ Олиньки, что онѣ растворились сами собою и потомъ черезъ секунду такъ захлопнулись, что стекла не только въ лѣтней, но и въ зимней рамѣ разлетѣлись въ дребезги и зазвенѣли по комнатѣ. Вѣтеръ и дождь ворвались въ комнату.

— Посмотрите, Оедоръ Константиновичъ, какая страшная погода, какая тьма! Что долженъ чувствовать тотъ, который теперь ѣдетъ въ дорогѣ? Я не пушу васъ, сказала Олинька, прижавшись къ своему мужу.

Въ разныхъ комнатахъ Сатрапьева раздался звукъ часовъ — пробилъ часъ пополудни.

Сатрапьевъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, и схвативши за руку Олиньку, сказалъ ей: мнѣ что-то страшно и холодно, мой ангелъ, — уйдемъ скорѣе въ спальню.

И когда Сатрапьевъ и Олинька выходили изъ кабинета, послѣдняя чувствовала, что рука мужа ея дрожала, все еще подъ вліяніемъ какого-то непостижимаго страха. У Олиньки, напротивъ, не было страха, но только болѣзненно ныло сердце и какъ будто что-то въ немъ оторвалось. Олинька

вздрыгнула и еще крѣпче прижалась къ своему мужу.

Вѣрять-ли, не вѣрять-ли предчувствіямъ, для меня все равно. Я высказалъ фактъ, хорошо мнѣ извѣстный!

На другой день утромъ, Олинька жаловалась своему мужу на бессонницу и головную боль, а Сатрапьевъ жаловался на кошмаръ.

— Какая была вчера ужаснѣйшая ночь! сказала Олинька, пойдѣмъ посмотримъ, все-ли въ моей комнатѣ приведено въ порядокъ.

Войдя въ комнату Олиньки, они, благодаря порядку, заведенному въ домѣ вліяніемъ ея матери, не нашли ни малѣйшихъ признаковъ вчерашняго происшествія. Стекла были вставлены; коверъ, хотя и былъ еще нѣсколько сыръ, но, за мебелью, сырости этой вовсе не было замѣтно.

— Посмотри, ангелъ мой, какъ у тебя хорошо, точно вчера ни чего и не было; моимъ людямъ нужно отдать справедливость, а особенно Тимоѣю.

Тимоѣей извѣстенъ уже читателю. Это былъ тотъ самый человѣкъ, котораго Сатрапьевъ безчеловѣчно билъ за подачу анонимнаго письма.

— Неправда ли, другъ мой, ты довольна моими людьми?

Олинька молчала. Человѣкъ доложилъ о пріѣздѣ Дмитрія Ивановича Кирсанова.

— Проси его ко мнѣ въ кабинетъ, сказалъ Сатрапьевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! возразила Олинька, прикажи просить его сюда, ко мнѣ въ комнату. Я хочу слышать вашъ разговоръ; я не хочу, чтобы ты ѣхалъ въ теперешнее время. Олинька бросилась на шею къ своему мужу и поцѣловала его съ любовью дочери.

— Хорошо, хорошо! пусть будетъ по твоему, сказалъ ласково Сатрапьевъ. Проси сюда Дмитрія Ивановича.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Кирсановъ. — Олинька встрѣтила его улыбкою, а Сатрапьевъ дружески пожалъ ему руку.

Замѣтно было, что въ эту минуту Сатрапьевъ былъ очень симпатиченъ къ Кирсанову.

— Извините, мы васъ пообезпокоили, Дмитрій Ивановичъ. Намъ хотѣлось—бы съ вами посоветоваться на счетъ одного нашего дѣла.

— Я васъ слушаю, сказалъ Кирсановъ, сядя на стулъ и поставивъ на столъ шляпу.

— У насъ умеръ дядя. По смерти его осталось 400 душъ крестьянъ и добрая земля. Мы съ братомъ Михаиломъ Константиновичемъ единственные наследники. Что намъ теперь дѣлать?

— Нужно будетъ предъявить права на наследство, сказалъ Кирсановъ. Я вамъ составлю для

этого прошеніе и поколѣнную роспись, которую вы потрудитесь подписать сами и три благородныхъ свидѣтеля, знающіе хорошо вашу родословную; потомъ, подписавши прошеніе и приложивши деньги на публикаціи, какъ на вызовъ наслѣдниковъ, такъ и кредиторовъ съ должниками, отошлете прошеніе по принадлежности въ уѣздный судъ....

— Нужно—ли мнѣ для этого ѣхать въ Саратовскую губернію? спросилъ Сатрапьевъ.

— Я затрудняюсь отвѣчать вамъ на этотъ вопросъ, Ѳедоръ Константиновичъ; будутъ публики, которыя продолжатся болѣе полугода, а прежде окончанія публикъ, судъ не приступитъ, да и не можетъ приступить къ раздѣлу, — развѣ для ввода во временное владѣніе; но для этого вы можете дать довѣренность Михаилу Константиновичу.

— Объ этомъ нужно будетъ подумать. Извините меня, если я васъ не надолго оставляю съ женой; мы рискуемъ остаться безъ обѣда; разговоръ нашъ затянется, кажется, на долго, а я еще не отдавалъ повару никакихъ приказаній, сказалъ торопливо Сатрапьевъ и вышелъ изъ комнаты.

— Нельзя—ли вамъ, Дмитрій Ивановичъ, съѣздить самимъ на мѣсто въ Саратовскую губернію, если только это необходимо нужно? сказала Олинька, не смотря прямо въ глаза Кирсанову.

— Первый разъ въ жизнь свою, я вамъ отказываю, Ольга Ивановна; мнѣ нельзя ѣхать.

Олинька свои черные прелестные глаза устремила вопросительно на Кирсанова.

— Я назначенъ ассесоромъ въ Т.... казенную палату и чрезъ мѣсяцъ уѣзжаю.

Олинька никогда не имѣла никакого особеннаго чувства къ Кирсанову, кромѣ чувства благодарности, за постоянное его вниманіе къ ихъ семейству. На этотъ разъ она смутилась, поблѣднѣла, но не говорила ни слова.

— Мнѣ-бы хотѣлось, продолжалъ Кирсановъ, дать вамъ совѣтъ, если вы только захотите принять его; можетъ быть, онъ послѣдній. Остерегайтесь, ради Бога, Федосьи Константиновны и ея почтеннаго супруга. Эти люди на все способны и васъ ненавидятъ. У насъ въ городѣ есть одинъ пьянющка приказный—нѣкто Оеклистовъ; онъ распускаетъ ужасные слухи по городу, будто-бы Ребе, при вашей жизни, при жизни вашей миленькой Катеньки, при жизни Федора Константиновича, добиваются уже до наслѣдства и вашего супруга и его брата. Конечно, большаго довѣрія къ словамъ такого человѣка, какъ Оеклистовъ, нельзя имѣть, но все опасно. Чего хотятъ эти люди? Я у васъ былъ только одинъ, который слѣдилъ за вашимъ счастьемъ, сказалъ Кирсановъ, приближаясь къ Олинь-

къ. Я убѣдилъ вашу почтенную маменьку выдать васъ замужъ за Оедора Константиновича. Вы не знаете, чего мнѣ это стоило. Мнѣ казалось, что вы, окруженные богатствомъ, будете счастливы. Конечно, Оедоръ Константиновичъ вамъ далеко не ровень по лѣтамъ, но въ немъ много добрыхъ качествъ, и нужно отдать вамъ справедливость, вы его на старости лѣтъ перевоспитали. Можетъ быть, я слишкомъ много на себя бралъ; но мнѣ казалось, что при мнѣ, именно при мнѣ, вы не могли быть совершенно несчастны. Я слѣдилъ за каждымъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ вашимъ и вашего мужа. И что—же? вотъ два года, какъ вы замужемъ, а худаго ничего нѣтъ. Я не имѣлъ еще никакихъ причинъ расканваться, что устроилъ вашъ бракъ. Я долженъ скоро проститься съ вами и предоставить васъ заботливому вниманію одной только вашей татан. Кромѣ ея, никому; и вдругъ — слышу, что у васъ есть враги, почтенные Ребе — эти люди, которыхъ я не любилъ по инстинкту. Безъ меня они постоянно будутъ окружать васъ, а я буду не въ силахъ слѣдить за ихъ поступками для вашего спокойствія. Если вамъ будетъ тяжело отъ этихъ людей, Ольга Ивановна, вспомните обо мнѣ — о преданномъ вамъ человѣкѣ. Никакое разстояніе не помѣшаетъ мнѣ къ вамъ пріѣхать. Вы знаете, Ольга Ивановна, какъ глубоко и какъ

искренно.... Кирсановъ увлекся; видно было, что онъ хотѣлъ сказать больше, но не сказалъ; только при послѣднихъ словахъ вспыхнулъ, сжалъ крѣпко руку Олиньки и, наклонившись, поцѣловалъ ее.

Олинька чувствовала, какъ одна горячая слеза упала на ея руку, и чувствовала она, какъ эта слеза взволновала всю кровь ея. Только отчего взволновалась вся кровь ея и что эта была за слеза со стороны Кирсанова, она не могла дать себѣ отчета — слеза любви, или только дружбы. Дмитрій Ивановичъ не договорилъ послѣднихъ словъ.

Вошелъ Сатрапьевъ. Олинька все была еще подъ вліяніемъ волненія, но лицо Кирсанова, какъ будто волшебствомъ, въ одно мгновеніе измѣнилось. Оно было спокойно и холодно.

Въ жизнь мою я не знавалъ человѣка, который-бы умѣлъ такъ владѣть собою, какъ Кирсановъ!

— Ты какъ будто разстроена, моя милая, сказалъ Сатрапьевъ, обращаясь къ Олинькѣ.

— Я просила Дмитрія Ивановича вмѣсто тебя ѣхать въ Саратовскую губернію по твоему дѣлу, а онъ отказался; тебя-же я не пущу, рѣшительно сказала Олинька со слезами.

— Ахъ, какой ты ребенокъ, Ольга! сказалъ Сатрапьевъ, нагибаясь и цѣлуя въ голову свою жену. О чемъ ты плачешь? Не большая бѣда, если

и самъ поѣду. Да отчего-же Дмитрій Ивановичъ отказывается?

— Дмитрія Ивановича назначили на службу куда-то въ какую-то губернію и онъ черезъ мѣсяцъ уѣзжаетъ.

— Что это вы насъ оставляете? намъ очень жалко разстаться съ вами; право, теперь я не знаю, что мнѣ дѣлать. Вы сказали, что будутъ вводить во временное владѣніе имѣніемъ дяди?

— Я уже говорилъ вамъ, сказалъ Кирсановъ, дайте довѣренность Михаилу Константиновичу: ему тамъ близко хлопотать по дѣлу и онъ все сдѣлаетъ, что нужно для вашихъ интересовъ.

— Скорѣй для своихъ. Вы не знаете брата, а я его знаю. Нѣтъ, ужъ я поѣду самъ. Покойный батюшка говорилъ всегда—*свой глазокъ—смотрокъ*.

И не смотря на убѣдительныя просьбы Ольги Ивановны, Сатрапьевъ рѣшился непременно ѣхать въ Саратовскую губернію. Единственное снисхожденіе, которое онъ сдѣлалъ своей женѣ, состояло въ томъ, что онъ отложилъ отъѣздъ свой до отъѣзда Кирсанова, съ которымъ согласился ѣхать вмѣстѣ. Новое мѣсто службы Кирсанова было ровно на половинѣ пути въ Саратовскую губернію. Напрасно умоляла своего мужа Олинька взять ее съ собой. Опъ ей положительно отказалъ въ этомъ.— Какъ можно ѣхать съ ребенкомъ, говорилъ Са-

трашевѣ, такую даль и въ такое время; притомъ— же я буду жить въ домѣ дяди, въ степной глуши, гдѣ нѣтъ сосѣдей; да ты умрешь, мой ангелъ, отъ скуки. Ты теперь сама видишь, что тебѣ должно остаться дома. Я тебя оставляю на попеченіи сестры и зятя.

Ольга Ивановна встревожилась и взглянула на Кирсанова. Последний, обращаясь къ Сатрапьеву, рѣзко сказалъ ему: лучше вы оставьте Ольгу Ивановну на попеченіи ея матери и Бога.

Безтолковый Сатрапьевъ не понялъ благороднаго намека Кирсанова и только добавилъ: что—же? и это можно.

Прошелъ мѣсяцъ. Олнька, съ заплаканными глазами, сидѣла въ кабинетѣ своего мужа, который въ свою очередь былъ также очень грустенъ. Какое—то тяжкое предчувствіе гнѣздилося въ его сердцѣ. При всей скупости и жадности даже къ ничтожнымъ пріобрѣтеніямъ, — ему не хотѣлось ѣхать въ Саратовскую губернію. Онъ готовъ былъ отказаться, но какъ глухой человѣкъ стыдился остаться. Между ложнымъ стыдомъ и стыдомъ истиннымъ, онъ не зналъ, да и не могъ знать никакого различія. Олнька сидѣла рядомъ съ своимъ мужемъ, а Екатерина Ивановна съ Кирсановымъ сидѣли на диванѣ. Всѣ были заняты своими мыслями и молчали. Чемоданъ и вещи были уложены,

экипажъ готовъ, лошади заложены, кучеръ и чело-
вѣкъ ходили уже около экипажа, ожидая толь-
ко, чтобы усадить своего барина съ Кирсано-
вымъ въ карету. По старинному обыкновенію, Са-
трапьевъ съ провожающими готовъ былъ встать и
помолиться въ дорогу, какъ въ дверяхъ показалась
Федосья Константиновна съ своимъ достойнымъ су-
пругомъ.

— Ахъ, добрый братецъ, вы уже уѣзжаете!
Ахъ, добрая Ольга Ивановна — вы плачете! и она
бросилась обнимать и цѣловать то Сатрапьева, то
Олиньку.

Съ какимъ-то чувствомъ внутренняго отвращенія
смотрѣли Екатерина Ивановна и Кирсановъ на Фе-
досью Константиновну, когда послѣдняя бросилась
цѣловать Олиньку. Имъ было страшно за нее, по-
тому что сколько ни старалась madame Ребе при-
дать лицу своему нѣжность и доброту, на немъ не
отразилось ни того, ни другаго — оно было вѣрно
самому себѣ. Скорѣе казалось, что Федосья Кон-
стантиновна хочетъ укусить Олиньку, нежели по-
цѣловать. Г. Ребе стоялъ потупившись, но глаза
его прыгали въ разныя стороны. Только однимъ
честнымъ натурамъ провидѣніе и природа дарятъ
право смотрѣть прямо и открыто и на небо и въ
глаза каждому; но какъ скоро человѣкъ оставляетъ
путь чести, онъ, какъ свинья, лишается этого чи-

сто—человѣческаго права. Провидѣніе клеймитъ его свинствомъ.

Такимъ образомъ, есть цѣлое сословіе людей, на которыхъ лежитъ такой отпечатокъ, и честные люди, въ первый разъ встрѣчаясь съ ними, предчувствуютъ въ нихъ или подлецовъ, или злодѣевъ, такъ точно, какъ Кирсановъ предчувствовалъ въ Ребе будущаго подлеца и злодѣя.

— Вотъ, Дмитрій Ивановичъ уѣзжаетъ. Вамъ, братецъ, и вамъ, Ольга Ивановна, не нужно—ли повѣреннаго? спросила Федосья Константиновна.

— Не Фекистова—ли, который приносилъ вамъ указы о томъ, что сестры при братьяхъ не имѣютъ права на наслѣдство? спросилъ Кирсановъ, и потомъ продолжалъ: я уже сдѣлалъ распоряженіе на этотъ счетъ — Екатеринѣ Ивановнѣ, Ольгѣ Ивановнѣ и Федору Константиновичу рекомендовалъ повѣреннаго. Онъ очень умный и честный человѣкъ *и замѣнитъ меня вполне*. Последнія слова сказалъ Кирсановъ съ удареніемъ на каждомъ словѣ.

Федосья Константиновна зашипѣла какъ змѣя. Братъ ея слышалъ весь разговоръ, но ничего не понималъ.

— Сядемте, сказалъ Сатрапьевъ, пора ѣхать. Черезъ минуту Сатрапьевъ всталъ, за нимъ встали всѣ и начали молиться. Набожнѣе всѣхъ молилась Федосья Константиновна.

Черезъ десять минутъ по мостовой загремѣла тяжелая старинная карета.

— Господи, прости грѣхъ мой! сказала Олинька, рыдая на груди матери. Я люблю его!

— Кого? спросила встревоженная мать.

— Кирсанова, проговорила едва слышно Олинька.

— Что ты, другъ мой! вспомни, что ты замужемъ, что ты сама мать.

И добрая Екатерина Ивановна перекрестила дочь свою.

— Боже мой, Боже мой! думала Екатерина Ивановна: не допусти видѣть мнѣ несчастныхъ послѣдствій этого неровнаго брака, этой несчастной продажи своей дочери!

ГЛАВА VIII.

ИНТРИГА.

Сатрапьевъ, отъѣзжая въ Саратовскую губернію, общалъ Олинькѣ пробыть тамъ не болѣе мѣсяца; но прошло два, а его нѣтъ. Только въ началѣ третьяго уже мѣсяца, Олинька получила отъ него письмо, съ страшными ореографическими ошибками, похожее скорѣе на счетъ изъ мелочной лавки, нежели на письмо порядочнаго человѣка. Въ этомъ письмѣ увѣдомлялъ онъ Олиньку, что дѣло о на-

слѣдствѣ дяди задержало его въ Б... и что онъ не можетъ опредѣлить, когда онъ возвратится; совѣтовалъ ей не скучать, чаще видаться съ его сестрою и зятемъ, а мать свою не отпускать отъ себя. Если дѣла задержатъ его до весны, писалъ онъ, то совѣтовалъ Олинкѣ отправиться вмѣстѣ съ матерью въ Москву и нанять дачу въ Сокольникахъ, расхваливая, какъ умѣлъ, Московскую дачную жизнь.

Олинька умерла-бы съ тоски послѣ отъѣзда мужа съ Кирсановымъ, если-бы ея не поддерживали совѣты матери, которую она боготворила. Къ счастію послѣдней, певишная дочь ея ошиблась въ своихъ чувствахъ въ отношеніи Кирсанова. Сознавая, что у ней нѣтъ болѣе преданнаго человѣка, какъ Кирсановъ, и лишаясь его присутствія, Олинька дѣйствительно чувствовала, что ей недостаетъ безъ него многого. Она вообразила, что не переживетъ его отъѣзда, но пережила, заплативши за минувшую вспышку къ Кирсанову — нѣсколькими бессонными ночами. Попеченіе ея матери и безпредѣльная любовь къ ея миленькой малоткѣ Катинкѣ, которая начала уже ходить около стульевъ, — вытѣснили изъ ея сердца чувство къ Кирсанову, которое, при другой обстановкѣ, могло-бы дѣйствительно перейти изъ чувства уваженія въ чувство любви.

Изъ всего разсказаннаго мною видно, что, можетъ быть, невысказавшійся Кирсановъ и любилъ Олиньку, но Олинька его только уважала и ошибочно приняла чувство глубокаго уваженія за воз-
раждающееся чувство любви.

Екатерина Ивановна слѣдила за поступками своей дочери и за ея чувствами, и была очень рада, что черезъ нѣсколько недѣль дочь ея совершенно успокоилась. Все вниманіе Екатерины Ивановны, сосредоточенное въ этомъ пунктѣ, сдѣлало для нея незамѣтнымъ то, что было у нея почти каждый день передъ глазами. Кирсановъ, за нѣсколько дней до отъѣзда, представилъ вмѣсто себя въ повѣренныя своего друга Лидскаго. Это былъ брюнетъ, съ черными блестящими глазами, съ матовымъ лицомъ, просвѣщенный и съ хорошимъ положеніемъ въ обществѣ.

Между Кирсановымъ и Лидскимъ была огромная разница. Первый о дѣлахъ серьезныхъ, гдѣ не могло не просвѣчиваться глубокое чувство, говорилъ холодно и спокойно, какъ будто стыдился выражать свои чувства открыто, если-бы они были даже благородны. Лидскій, напротивъ, о бездѣлицахъ говорилъ съ энергіею и съ жаромъ. Рѣчь его лилась рѣкою и увлекала за собою cadaго. Лидскій умѣлъ говорить такъ, что его нельзя было не слушать.

Слова его и въ обществѣ дѣйствовали на всѣхъ обаятельно.

Такой человѣкъ не могъ остаться незамѣченнымъ Олинкой, имѣвшей отъ роду не много болѣе 20-ти лѣтъ и старика мужа. Еще въ первый разъ — это было на четвертый день послѣ отъѣзда мужа — когда Лидскій сдѣлалъ другой визитъ, не такой уже церемонный, какъ первый съ Кирсановымъ, Олинка, послѣ получасоваго разговора, прощаясь съ Лидскимъ, крѣпко пожала ему руку, какъ давно знакомому человѣку, и, по уходѣ его, сказала съ увлеченіемъ своей матери: — «какой пріятный человѣкъ этотъ Лидскій! въ его обществѣ нельзя скучать». Добрая Екатерина Ивановна совершенно согласилась съ своею дочерью и не замѣтила ея увлеченія.

Въ самое короткое время Олинка до такой степени привыкла къ обществу Лидскаго, что ей было очень скучно, если она не видала его сутки, и считала тотъ день потеряннымъ, въ который его не было: а Лидскій, съ своей стороны, не урѣживалъ бывать въ домѣ Сатрапьева. Третій визитъ онъ сдѣлалъ послѣ втораго черезъ шесть дней; четвертый — черезъ три дня, а потомъ уже началъ бывать почти каждый день.

Однажды вечеромъ въ концѣ января мѣсяца, когда Олинка по обыкновенію сидѣла въ своемъ ка-

бинетъ, освѣщенная множествомъ лампъ, раздался звонъ колокольчика, и черезъ нѣсколько минутъ явился передъ нею Лидскій. На этотъ разъ онъ былъ одѣтъ очень изящно.

— Вы меня простите, Ольга Ивановна, что я пріѣхалъ къ вамъ немного поздно. Предполагалъ быть у васъ утромъ, но не позволила служба.

— Да развѣ вы служите?

— Немного—я причисленъ къ канцеляріи здѣшняго губернатора; впрочемъ, на дняхъ получу отставку. У меня такъ много частныхъ дѣлъ, что я не могу служить въ канцеляріи, какъ нужно; а служить кой-какъ не желаю; впрочемъ, я думаю, Ольга Ивановна, заниматься добросовѣстно и частными дѣлами тоже есть служба общественная, слѣдовательно и государственная; и въ занятіяхъ подобнаго рода, если они исполняются благородно, не только много пользы для общества, но даже много поэзіи. Спасти другому честь, или состояніе, видѣть на себѣ благословеніе цѣлаго семейства — святое дѣло. Въ этомъ отношеніи, въ жизни повѣреннаго есть много дней и часовъ, о которыхъ отрадно вспомнить. Сами согласитесь, что для человека слишкомъ много, если онъ, строго разбирая свои поступки, можетъ сказать, положи руку на сердце, что онъ жилъ, а не прозябалъ, какъ растеніе, а честный адвокатъ можетъ сказать это;

напримѣръ я, Ольга Ивановна, имѣю весьма ограниченное состояніе, хотя отецъ мой и генераль былъ; но отъ честнаго труда не нажилъ много и, я не могу жить въ такихъ роскошныхъ комнатахъ, въ какихъ вы живете, по смерти не воздвигнуть мнѣ великолѣпнаго памятника; но я знаю, если обстоятельства и горькій опытъ жизни не измѣнятъ моихъ убѣжденій—по смерти моей воздвигнется мнѣ другой памятникъ: бѣдный человѣкъ, которому я спасъ его честь и состояніе по его дѣлу, придетъ къ моей могилѣ, поклонится ей и уронитъ теплую слезу. Вотъ памятникъ, котораго лучше соорудить нельзя. Этого памятника не видятъ люди, но видятъ Богъ.

Олинъка съ жадностью вслушивалась въ каждое слово Лидекаго. Она понимала эту честную и благородную душу.

— Вы вынче какъ-то грустно настроены, Николай Александровичъ, сказала Олинъка.

— Нѣтъ, я этого не скажу.

Послѣдовало продолжительное молчаніе.

— Нужно будетъ завтра отослать въ опекунскій совѣтъ деньги по залогу имѣнія вашей матушки. На дняхъ я говорилъ вамъ уже объ этомъ.

— Деньги готовы, сказала Олинъка. Съ этимъ словомъ она вышла изъ кабинета и чрезъ нѣсколько

минуть вручила Лидскому пакетъ. Последній положилъ пакетъ въ боковой карманъ.

— Нужно мнѣ подписывать какія нибудь бумаги? сказала Олинька улыбаясь. Мнѣ всегда смѣшно, когда вы меня заставляете подписывать бумаги. Вы, точно учитель, подсказываете мнѣ каждую букву для моего подписа, и стоите всегда нагнувшись надо мной. Воображаю, какъ вамъ это должно быть не-пріятно, сказала Олинька кокетливо. Лидскій улыбнулся.

— На этотъ разъ я очень жалѣю, сказалъ онъ, что не могу подвергнуть себя этой не-пріятности. Вамъ подписывать нечего. Катерина Ивановна еще вчера подписала объявленіе въ совѣтъ.

— Во все время знакомства, сказала Олинька, вы только заставляете меня подписывать какія-то скучныя бумаги, но я слышала, что вы пишете стихи.

Лидскій подошелъ къ лампѣ и сказалъ: у меня на этотъ разъ есть съ собою, я вамъ прочту, но заранѣе предупреждаю, что стихи плохи, — будьте снисходительны. Лидскій вынулъ изъ кармана очень хорошо и четко написанные на почтовой бумагѣ стихи свои.

— Ахъ, какъ мило переписаны, сказала Олинька, ставши позади стула Лидскаго и нагнувшись къ нему такъ, что онъ могъ слышать ея дыханіе. Чи-

тайте, читайте, я васъ такъ слушаю, продолжала Олинька.

Лидскій началъ читать сначала тихо, потомъ громче, съ свойственною ему энергіею и воодушевленіемъ. Въ стихахъ высказывалась у него сначала страстная любовь къ женщинѣ, которую онъ любилъ уже и которая его такъ-же любитъ, потомъ опасеніе, что любовь этой женщины можетъ со временемъ отъ различныхъ обстоятельствъ охладѣть, и наконецъ, что такое охлажденіе можетъ быть причиною его смерти, и когда Лидскій читалъ послѣднія строфы:—

И бѣлый саванъ обовѣтъ
Меня могильной пеленою,
И хоръ церковный пропоетъ:
Покойся въ мирѣ подъ землею.
Мнѣ въ руки хартію дадутъ,
И трупъ недвижимый, остылый
Живые люди отнесутъ
Къ усопшимъ братіямъ въ могилу.
Но жди меня, я оживу,
Перелечу чрезъ безконечность,
Тебя отъ міра оторву —
И унесу съ собою въ вѣчность!

кто-то тихо отворилъ дверь, но они оба не слышали. При послѣднихъ строфахъ, которыя прочелъ читатель, Олинька, съ намѣреніемъ, или безъ намѣренія, положила руку на плечо Лидскаго и такъ близ-

ко къ нему нагнулась, что ея прелестное личико касалось почти лица его.

— Я кончилъ, сказалъ Лидскій. Олинъка быстро приподнялась и осмотрѣла комнату. Громовой ударъ не сдѣлалъ—бы такого въ ней сотрясенія, какое она почувствовала въ эту минуту. Въ дверяхъ стояла madame Ребе съ свойственною ей одной ядовитою улыбкою.

— Вы занимаетесь стишками. Это очень пріятное занятіе. Оедоръ Константиновичъ вамъ будетъ очень благодаренъ, говорила Ребе, обращаясь къ Лидскому, что вы такъ мило занимаете, въ отсутствіе его, Ольгу Ивановну. Безъ васъ она очень—бы скучала.

Лидскій смѣшался. Олинъка вспыхнула отъ стыда и негодованія.

Чтобы имѣть рѣшительное вліяніе на Олинъку, Ребе рѣшилась на открытую войну, воображая, что Олинъка, какъ ребенокъ, не въ состояніи будетъ съ ней бороться. Но на этотъ разъ Ребе ошиблась.

Олинъка приняла ея вызовъ. Она была невинна, ей было нечего бояться, и вѣчно добрая, чувствительная и благородная, она посмотрѣла на Ребе съ такимъ презрѣніемъ, что Ребе въ свою очередь смѣшалась.

Погублю я тебя, вкравшуюся въ наше семейство нищую, думала про себя Ребе.

Олинька съ своей стороны думала: эту злую женщину, которой совѣтовалъ мнѣ Кирсановъ остерегаться, я выживу изъ своего дома. Не смотря на всю любовь къ ней моего мужа, я достигну того, что она въ нашемъ домѣ принята никогда не будетъ.

Можетъ быть, Олинька осталась—бы при одномъ желаніи — освободиться отъ Ребе, но помогла судьба.

Въ первый разъ въ жизни, Олинька чувствовала въ себѣ столько силы и столько мужества и при томъ въ новомъ, непонятномъ для нея чувствѣ, — чувствѣ ненависти. По какому-то безотчетному настроенію духа, ей всегда было страшно, когда докладывали о пріѣздѣ Ребе. Съ этой-же минуты, она ихъ не боялась. Врагъ открытый менѣе страшенъ, нежели врагъ ожидаемый.

— Неудбно—ли садиться, заговорила хладнокровно Олинька, обращаясь къ madame Ребе. Это смѣшно, мы все стоимъ еще, — и Олинька сѣла въ свое кресло.

— Ольга Ивановна еще все подъ вліяніемъ вашихъ стиховъ, заговорила Ребе, обращаясь къ Андскому. Мнѣ очень понравился конецъ, въ которомъ пишете, *что если вы даже и умрете, то и тогда не оставите Ольги Ивановны въ покоѣ: и хорошо и страшно!*

Какъ человѣкъ горячій, Лидскій задрожалъ отъ такого наглаго оскорбленія. Честная его душа не довѣряла даже Кирсанову, когда онъ говорилъ о Ѳедосѣ Константиновнѣ, какъ о женщинѣ, способной на все, на оскорбленіе, даже на злодѣйство. Онъ теперь только начиналъ понимать эту женщину, и сознавалъ, что Кирсановъ, который просилъ беречь Олиньку отъ ея вліянія, былъ правъ; понималъ теперь, что Ольга Ивановна не могла быть счастлива съ мужемъ; что на пути къ счастью и къ семейному ея спокойствію, Ребе стояла поперегъ дороги и заслоняла собою путь къ тому и другому. Лидскій чувствовалъ, что кровь прилила къ его сердцу, но онъ молчалъ; когда-же взглянулъ на Олиньку, которая сидѣла въ креслахъ, какъ приговоренная къ смерти, онъ уже не могъ больше владѣть собою и рѣшился не развязывать, но разсѣчь гордіевъ узелъ, который завязывала для нихъ почтенная Ребе.

— Позвольте вамъ сказать, Ѳедосья Константиновна, что я здѣсь имѣю нѣкоторое значеніе. Я уполномоченъ довѣренностію по всѣмъ дѣламъ Ѳедора Константиновича.

— Ну извините, я не думаю, чтобы вы были уполномочены братомъ довѣренностію по дѣлу любезности съ его женой.

Олинька сдѣлала въ креслахъ нетерпѣливое движеніе. Лидскій вышелъ изъ себя и сказалъ:

— Васъ спасаетъ одно, что вы дама.

— А если-бы я была мужчиною, прошипѣла Оедосья Константиновна, что-бы вы тогда сдѣлали?

— Я-бы вышвырнулъ васъ въ окно. Съ вами церемониться, какъ я вижу, нечего, продолжалъ Лидскій. Я васъ знаю, знаю также достойнаго вашего повѣреннаго Оеклистова, знаю ваши соображенія насчетъ будущаго наслѣдства послѣ вашихъ братьевъ: вамъ мѣшаетъ Ольга Ивановна — мѣшаетъ даже и ребенокъ ея. Но остерегайтесь, я буду слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ и за каждымъ вашимъ движеніемъ. Изъ послѣдняго поступка вашего я убѣдился, что Кирсановъ правильно обрисовалъ портретъ вашъ. Чтобы покончить съ вами однимъ разомъ, я сдѣлаю вотъ что. Лидскій взялъ со стола колокольчикъ и громко зазвонилъ.

Оедосья Константиновна быстро вскочила со стула и хотѣла удалиться, но Лидскій заслонилъ ей дорогу и учтиво сказалъ: позвольте мнѣ имѣть честь покорнѣйше попросить васъ немного посидѣть здѣсь. Оскорбленіе, нанесенное вами Ольгѣ Ивановнѣ, а слѣдовательно вашему брату и всему здѣшнему дому, такъ велико, что я считаю необходимымъ присутствіе Екатерины Ивановны.

На звонъ колокольчика явился люди.

— Попросите сюда, сказалъ Лидскій, Екатерину Ивановну — скажите — очень нужно.

Нужно замѣтить, что Екатерина Ивановна, еще за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ, по убѣдительной просьбѣ Сатрапьева, переѣхала жить къ своей дочери.

Вошла Екатерина Ивановна, въ послѣднее время очень слабая и больная.

— Что вамъ нужно? спросила она кротко Лидскаго.

Олинька не понимала даже, что вокругъ нея дѣлается — такъ она была разстроена.

— Здѣсь былъ маленькій случай. По желанію Ольги Ивановны, я прочелъ ей стихи къ своей невѣстѣ.

— Да развѣ вы женитесь? спросила Екатерина Ивановна.

— Женюсь на Самарской, которую люблю больше года; на дняхъ благословятъ насъ.

— Однако вы избрали красавицу. Жалко, что она не богата.

Едва-ли умирающій, испуская послѣдній тяжелый вздохъ свой, и оставляя за этимъ вздохомъ все, дорогое его сердцу, — можетъ чувствовать то, что чувствовала Олинька, сидя въ своемъ креслѣ. Она начинала любить Лидскаго, который объ ней ни-

когда и не думалъ. Олинкѣ сдѣлалось такъ тяжело, что она не могла даже плакать. Слезы замерли на ея сердцѣ.

Федосья Константиновна встала со стула и хотѣла удалиться, но безпощадный Лидскій снова пообезпокоилъ присѣсть ее, сказавши: мы еще не кончили.

— Когда я читалъ стихи, началъ Лидскій, обращаясь къ Екатеринѣ Ивановнѣ, Ольга Ивановна стояла за моимъ стуломъ и смотрѣла на написанные мною стихи чрезъ мою голову. Въ это время, неизвѣстно какъ, очень тихо, вошла Федосья Константиновна.

— Очень просто: Федосья Константиновна сидѣла у меня больше двухъ часовъ и захотѣла повидаться съ Олинкой. Но я не понимаю, къ чему всѣ эти подробности.

— Подробности эти были причиною оскорбленій, которыя Федосья Константиновна не застуднилась нанести Ольгѣ Ивановнѣ въ ея домѣ. Посмотрите на Ольгу Ивановну, въ какомъ она положеніи.

Олинка имѣла видъ умирающей. Екатерина Ивановна вздрогнула. Со дня конвульсій, она не видала ея въ такомъ состояніи.

— Что съ тобой, моя бѣдная Ольга?

— Скажите Оедосьѣ Константиновнѣ, чтобы она не посѣщала болѣе нашего дома, сказала Олинька едва слышно.

Лидскій громко сказалъ Оедосьѣ Константиновнѣ: Ольга Ивановна проситъ маман свою передать вамъ, чтобы вы, а вѣроятно также и супругъ вашъ, уволили отъ своихъ посѣщеній домъ этотъ. Впрочемъ, кажется, это ваше и личное желаніе. Вы уже два раза собиравшесь уйти, и я васъ удерживалъ, но третій разъ не смѣю. И Лидскій отворилъ дверь кабинета.

Не говоря ни слова и никому не поклонившись, почти выбѣжала изъ комнаты madame Ребе. Еслибы въ эту минуту самъ дьяволъ заглянулъ въ душу Оедосьи Константиновны, — онъ-бы ей позавидовалъ. У него никогда не было столько злости, сколько было теперь въ душѣ Ребе къ Олинькѣ, къ Лидскому, Кирсанову, Екатеринѣ Ивановнѣ и даже ко всему роду человѣческому.

На другой день Олинька захворала, а мужъ ея, черезъ десять дней послѣ этого происшествія, въ одинъ и тотъ-же день получилъ два письма—одно отъ Екатерины Ивановны, а другое отъ своей сестры. Екатерина Ивановна жаловалась Сатрапьеву на Ребе въ оскорбленіи ея дочери и въ причинахъ настоящей ея болѣзни, а послѣдняя оправдывалась своею необыкновенною привязанностію къ чести брата.

На этотъ разъ предполагаемая Оедосьею Константиновною интрига не только не осуществилась, но и значительно повредила ей въ глазахъ ея брата. Оедоръ Константиновичъ писалъ ей, чтобы она не посѣщала ихъ домъ, по—крайней—мѣрѣ до его пріѣзда. Казалось, что семейное зло этимъ должно было и кончиться, но оно только еще начиналось, какъ мы увидимъ впоследствии.

ГЛАВА IX.

Продолженіе интриги.

Мѣсяць до женитьбы Лидскаго много принесъ горя бѣдной Олинкѣ. Она страшно похудѣла отъ болѣзни, продолжавшейся болѣе мѣсяца. Румянецъ совсѣмъ исчезъ съ ея пухленькихъ и розовенькихъ щечекъ; между тѣмъ красота ея нисколько отъ того не пострадала — напротивъ, скорѣе выигрывала: на задумчивомъ лицѣ ея болѣе выражалось и мысли, и чувства, и желанія. Въ ней уже вы видѣли женщину, въ полномъ значеніи этого слова, переработавшую отъ горькаго опыта жизни — женщину, которая всегда больше нравится, нежели *женщина-ребенокъ*.

Во время ея болѣзни Лидскій женился. Что должна была чувствовать несчастная Олинка, любившая

Лидскаго, только извѣстно ей одной. По всѣмъ вѣроятіямъ, со времени свадьбы Лидскаго, она должна была страдать еще болѣе, но вышло напротивъ, — она начала съ этого времени видимо поправляться. Подавила—ли она силою своей воли эту несчастную любовь, или сознавая свое и внутреннее и виѣшнее достоинство, сказала себѣ: «я молода, хороша собой, общество называетъ меня умной; даже при рѣдкихъ моихъ выѣздахъ въ свѣтъ, я не имѣю недостатка въ поклонникахъ, поставленныхъ въ общественномъ мнѣніи много выше Лидскаго; стоитъ-ли послѣ того думать объ этомъ человѣкѣ?» или убѣжденная въ могущество красоты своей, она думала, что она заставитъ любить себя Лидскаго больше этой конфетной куколки Самарской, — мнѣ неизвѣстно. Я передаю читателямъ фактъ по однимъ виѣшнимъ признакамъ, и, можетъ быть, очень ошибаюсь. Сердце женщины — глубокий колодезь, въ которомъ трудно видѣть скрытую ею туда мысль, или чувство, хотя—бы вы вооружились всѣми возможными микроскопами.

Какъ—бы то ни было, только Лидскій первый мѣсяцъ супружества бывалъ у Ольги Ивановны рѣдко, а послѣ перваго мѣсяца онъ началъ бывать такъ же часто, какъ и прежде. Не хочу до времени опредѣлнить читателямъ, отчего посѣщенія Лидскаго могли быть часты. Правились—ли ему умъ и лю-

безность Олиньки; не подстерегъ—ли онъ ея любви къ себѣ и не льстило—ли это его самолюбію, или просто ему было жалко не отвѣчать любви такой прелестной женщины, или онъ началъ истинно любить Олиньку, а въ чувствахъ къ Самарской, теперь женѣ его, просто ошибся, какъ ошиблась Олинька въ своихъ чувствахъ къ Кирсанову? Пусть эту тайну разрѣшать послѣдствія. Я—же съ своей стороны скажу одно, что частые визиты Лидскаго въ домъ Сатрапьевыхъ крѣпко не нравились его женѣ и всему семейству Самарскихъ. Въ городѣ начали носиться весьма оскорбительные слухи на счетъ визитовъ Лидскаго; распространяясь день ото дня болѣе и болѣе, они сдѣлались извѣстны всѣмъ и каждому въ городѣ, даже самой Олинькѣ, которая презирала и этими слухами и людьми, которые ихъ распускали. Олинька стояла выше этихъ сплетень; отношенія ея къ Лидскому были чисты и никакъ не заходили за предѣлы дружбы. Не знала только ничего объ этихъ слухахъ Екатерина Ивановна, которая, какъ я сказалъ прежде, въ послѣднее время сдѣлалась очень больна и слаба. Ея добрые совѣты научили—бы Олиньку быть осторожной и не презирать даже нелѣпыми городскими слухами, которые могли довести ее до гибели.

Къ несчастію Олиньки, она воспользовалась совѣтомъ своего мужа провести лѣто на одной изъ

Московскихъ дачъ и переписалась по этому предмету съ жившей въ то время въ Москвѣ почтенной своей тетушкой, Татьяной Борисовной Б... Вѣчная хлопотунья и вѣчная болтушка, Татьяна Борисовна объѣздила все до одной Московскія дачи, загоняла свою четверку лошадей, наконецъ нашла дачу, дала задатокъ и отписала Олинкѣ. Олинька убѣдила Екатерину Ивановну ѣхать съ нею. За нѣсколько дней до перваго мая, она уже была въ Сокольникахъ.

Скучно было Лидскому безъ Олиньки. Онъ не выдержалъ и, не смотря на явное отвращеніе его жены жить въ Москвѣ и дышать однимъ воздухомъ съ Сатрапьевой, которую она ненавидѣла, — Лидскій настоялъ на своемъ и также нанялъ дачу въ Сокольникахъ, куда и переѣхалъ на лѣто.

Послѣ этого нѣтъ надобности говорить, что гг. Ребе, взявши на себя наблюдательную полицейскую обязанность слѣдить за поступками Ольги Ивановны, не остались хладнокровными зрителями такихъ происшествій. Они также со своимъ семействомъ переѣхали въ Москву, но только не въ Сокольники. Они хотѣли *видѣть, но не быть видимыми*.

Въ Москвѣ, недалеко отъ Красныхъ воротъ, въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ, окна котораго выходили во дворъ, часу въ десятомъ утра, сидѣли

въ залѣ два главных члена секретной наблюдательной комиссіи по дѣламъ Ольги Ивановны Сатрапьевой и Николая Александровича Лидскаго, посвятившіе себя добровольно въ это достойное званіе — Эдуардъ Карловичъ Ребе и стоящая его во всѣхъ отношеніяхъ супруга его, Федосья Константиновна.

— Скажи, пожалуйста, спросила со злостью Федосья Константиновна своего мужа, зачѣмъ ты навязалъ намъ на шею пьяницу Оеклистова, заставилъ его въ выдти въ отставку, даешь ему жалованье, держишь у себя и позволяешь еще принимать ему его жену, эту уличную потаскушку? Я не понимаю, какимъ образомъ она сюда попала; вѣдь Оеклистовъ не живетъ съ ней.

— Не сердись, Фани, за вещи, которыхъ ты не понимаешь. Оеклистова оставить было пельзя; онъ каналья и все понимаетъ, много будетъ болтать, какъ это уже и случилось, а такія вещи не только могутъ повредить, но и подвергнуть ответственности насъ обоихъ. Оеклистовъ человѣкъ нужный и оказалъ уже намъ большую услугу: убѣдилъ свою жену пріѣхать въ Москву, въ шести верстахъ отъ Москвы нанять дачу и временно пріѣзжать туда покутить съ однимъ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ она въ связи.

— Я не вижу еще никакой услуги.

— Молодаго человѣка, сказалъ Ребе, Ѳеклистова будетъ называть Николаемъ Александровичемъ Лидскимъ, а сама будетъ называться Ольгой Ивановной Сатрапьевой. Ѳеклистова подъ этимъ именемъ наняла и дачу.

Ѳедосья Константиновна вытаращила свои тусклые глаза на своего супруга и ядовитая улыбка мелькнула на тонкихъ губахъ ея.

Послѣ продолжительнаго молчанія она спросила: далъ денегъ?

— Двѣ тысячи.

— Но если все это откроется?

— Нельзя ничему открыться. — Ѳеклистовъ въ моихъ рукахъ: ему нельзя теперь болтать много, не опасаясь попасть въ уголовную палату и идти по Владиміркѣ, женѣ его также, любовнику ея также; братъ твой далеко, ему достаточно будетъ только слуховъ и справокъ. Къ тому-же, Ольга Ивановна, кажется, беременна отъ Лидскаго. Если-бы даже и не была беременна, то ты непременно должна отписать своему брату о ея беременности отъ Лидскаго; мнѣ это весьма нужно для будущихъ моихъ дѣйствій.

— Я теперь знаю, что написать; посмотримъ, моя красавица, кто скорѣй не будетъ принять въ домѣ моего брата — ты, или я.

И Оедосья Константиновна давно не была такъ довольна и счастлива, какъ въ этотъ день! У ней исчезло разстройство желудка, на которое она постоянно жаловалась. Она пообѣдала съ аппетитомъ. У ней пропала безсонница, которою она страдала. Въ эту ночь она спала спокойно и передъ ней мелькали во снѣ какіе-то дивные образы и видѣлось золото. На другой день, она объявила сосѣдкѣ, посѣтившей ее утромъ, что она спала сномъ праведника.

А несчастная Олинька, въ несчастный день и минуты совѣщанія Ребе, не предчувствуя и не подозрѣвая близкой своей гибели, сидѣла по обыкновенію съ Лидскимъ, слушала его стихи о банцери и хохотала до истерики.

ГЛАВА X.

СПРАВЕИ.

Склонивъ голову на столъ, сидѣлъ задумчиво въ доревенской своей спальнѣ Оедоръ Константиновичъ. Слезы дрожали на его рѣсницахъ. Въ первый разъ онъ испытывалъ несчастье; а что такое несчастье, что такое потеря, онъ не зналъ во всю жизнь свою; правда, были и потери: — Сатрапьевъ когда-то лишился родителей, но жалѣть ихъ было нечего.

Во первыхъ потому, что они при жизни отдали все свое имѣніе дѣтямъ, а во вторыхъ потому, что черезъ-чуръ долго жили. Хладнокровно, какъ будто сваливъ ненужную мебель въ сарай, онъ отпиралъ тѣла ихъ на кладбище, и черезъ двѣ недѣли, сидя за картами, едва-ли помнилъ, что они когда нибудь существовали. Были когда-то и несчастія, онъ иногда проигрывалъ порядочную сумму въ карты. При скупости Сатрапьева, это было дѣйствительно несчастіе, но надъ этимъ несчастіемъ онъ не задумывался. Явится послѣ проигрыша домой, треснетъ перваго попавшагося ему человѣка, и на душѣ сдѣлается легче, и онъ заснетъ спокойнѣе. На другой день останется одно только воспоминаніе о несчастіи, на третій день маленькій выигрышъ въ карты и — все забыто. Вообще вся жизнь Сатрапьева сложилась такъ, что ему некогда было думать. Поутру встанетъ, пьетъ чай, потомъ поговорить съ поваромъ, который постоянно думалъ за Сатрапьева, что ему кушать. Послѣ разговора съ поваромъ нужно ѣхать съ визитами. Покончивши визиты — обѣдать, послѣ обѣда — отдохнуть, отдохнувши часика два или три — снова пить чай; за тѣмъ ѣхать, или въ клубъ, или въ гости, поиграть въ карты и — пріѣхавши домой въ часъ полуночи — ужинать и ложиться спать.

Нынче какъ завтра, завтра какъ послѣ завтра, и не задумался никогда человѣкъ этотъ ни надъ однимъ человѣческимъ вопросомъ. Чувства у него никогда никакого не было; развѣ время отъ времени проявлялась чувственность, которую онъ тотчасъ могъ удовлетворять, благодаря своему богатству. Желаній у него опредѣлительныхъ также не было никакихъ, кромѣ минутныхъ желаній богатства, а много и долго желать ему даже и богатства было некогда; при томъ—же у него было и свое богатство.

Дѣйствительно, человѣкъ этотъ, этотъ жалкій Сатрапьевъ, *только водился*, а не жилъ на бѣломъ свѣтѣ!

И вотъ этотъ человѣкъ, на пятьдесятъ шестомъ году, связываетъ судьбу свою съ судьбою восьмнадцатилѣтней, но мыслящей женщины, и ужъ видите вы, что изъ души такого человѣка вырываются время отъ времени человѣческіе звуки мысли, чувства и желанія, хотя нестройные и несвязные, но и то хорошо, если вы ихъ или слышите, или замѣчаете. Родившаяся мысль, какъ дитя, можетъ современемъ вырасти и укрѣпиться. На 58 году отъ рожденія задумался только человѣкъ этотъ!

Былъ іюль мѣсяцъ. Сатрапьевъ всталъ со стула и подѣлалъ къ открытому окну. Величественная степь, какъ желтое море, разстилалась передъ его

глазами. Небо было свѣтло, ни одно даже легонькое облачко не заслоняло собой ни одной звѣздочки небесной. Ярко свѣтилъ мѣсяць, какъ будто иллюминированный пунцовымъ бенгальскимъ огнемъ. Только въ іюльскіе дни, и то въ однѣхъ степныхъ губерніяхъ, вы всю природу видите золотистою, какъ будто смотрите на нее сквозь палевое стекло, и золотистый отливъ въ природѣ не пропадаетъ даже вечеромъ. Было уже около девяти часовъ вечера. Утомленная зноемъ, вся природа погрузилась въ дремоту, дѣлалось тихо, точно въ могилѣ; изрѣдка съ шумомъ пронесется цапля, отыскивая болото, закричитъ испуганно, крикъ ея разольется далеко по степи, за крикомъ раздастся эхо, тише, тише, тише и — замреть въ пространствѣ; да незнающій усталости, нашъ миленькій русскій пѣвчій, жаворонокъ, поетъ свою однообразную, но мелодическую пѣснь.

Жалко было видѣть Сатрапьева. Три безсонныхъ ночи, которыя онъ провелъ, по милости письма дражайшей своей сестрицы, страшно его измѣнили. Морщины совсѣмъ избороздили лицо его. Постоянно живой старичокъ, Сатрапьевъ дѣлался развалиной; но распадаясь физически, онъ готовъ былъ воскреснуть нравственно. Жадно всматриваясь и вслушиваясь въ природу, которая была передъ его глазами, онъ, какъ будто прозрѣвшій слѣпой, въ

первый только разъ видѣлъ небо, звѣзды и мѣсяцъ; какъ будто изцѣлившійся отъ глухоты, первый разъ слышалъ пѣніе жаворонка.

Сатрапьевъ плакалъ, смотря на природу.

Мимо его окна прошелъ торопливо запоздавшій въ полѣ крестьянинъ босикомъ и въ плохомъ кафтаникѣ.

Сатрапьевъ зарыдалъ. Онъ думалъ: вотъ крестьянинъ наработался и торопится къ своей простой, но честной женѣ, которая его приласкаетъ, и всегда его ласкать будетъ, а когда будетъ умирать бѣднякъ этотъ, она закроетъ ему глаза, а я лишенъ этого счастія...

И богатый Сатрапьевъ позавидовалъ участи бѣдняка—крестьянина, и *созналъ* онъ, что счастіе не въ одномъ богатствѣ. Это было первое чисто—человѣческое сознаніе Сатрапьева!

— Нѣтъ, я не могу выносить этого положенія, завтра—же поѣду самъ въ Москву. Сатрапьевъ машинально подошелъ къ столу и вынулъ изъ него роковое письмо отъ сестры своей; оно было писано по—французски, но мы, съ позволенія читателей, переведемъ его.

«Полная грусти и отчаянія пишу къ тебѣ, дорогой братъ, эти несчастныя строки; я собиралась къ тебѣ писать больше мѣсяца, но дрожала рука, когда бралась за перо. Я увѣрена, что письмо

«мое потрясетъ тебя до основанія, но истина прежде всего: у тебя нѣтъ болѣе жены. Она пала во мнѣніи общественномъ до такой степени низко, что никакая человѣческая сила не въ состояніи «возстановить ея положенія въ обществѣ, кромѣ «тебя. Пріѣзжай поскорѣе и убѣдись самъ, Кромѣ «дачи въ Сокольникахъ, которую она наняла и въ «которой живетъ вмѣстѣ съ матерью, она еще наняла дачу въ деревнѣ N., куда ѣздитъ однажды «въ недѣлю иногда съ Лидскимъ, а иногда и съ «другими молодыми людьми — ведетъ себя тамъ «развратно и безславить твое имя, которое ты «далъ ей. Говорятъ, молодая жена Лидскаго, ты «зналъ ее — она дочь Самарскихъ, надавала мужу пощечинъ, выцарапала глаза, такъ что Лидскій не могъ болѣе недѣли показаться въ общество, и, слышно, хочетъ она подать прошеніе о «разводѣ, потому что Ольга Ивановна будто-бы теперь беременна отъ Лидскаго. Подадутъ прошеніе, «скандалъ будетъ — предупреди скандалъ и пріѣзжай скорѣй. Не думай, чтобъ я писала это изъ «злости за то, что Ольга Ивановна выгнала меня «изъ дому; нѣтъ, призываю Бога въ свидѣтели,— «изъ желанія только помочь какъ-нибудь твоему «горю. Я христіанка и давно простила жену твою, «а тебя и прощать нечего. Я тебя никогда не почитала виноватымъ; ты, подъ вліяніемъ только

«своей жены, которую любилъ и которая не стоила твоей любви, могъ запретить мнѣ бывать у тебя въ домѣ. Въ Москву я пріѣхала, чтобъ опредѣлить сына Василья на службу; порадуйся, я успѣла и опредѣлила тоже по комиссаріатской части, по особымъ порученіямъ, какъ и мужъ; теперь хорошо — обоимъ служба не помѣшаетъ жить, гдѣ угодно». За тѣмъ слѣдовалъ московскій адресъ Ребе, написанный огромными буквами.

Чуть—ли не въ десятый разъ перечитывалъ письмо это Сатрапьевъ, и когда хотѣлъ сложить его, двѣ крупныя слезы упали на бумагу. Ему сдѣлалось что—то душно и грустно. Онъ снова подошелъ къ окну. Природа по прежнему была величественна и прекрасна, и снова вглядывался и вслушивался онъ въ волшебную природу—и, вдругъ, какъ будто по мановенію невидимой сверхъестественной силы, онъ склонился на колѣни, и, простирая руки къ небу, упалъ до земли.

Вѣчно ничтожный Сатрапьевъ былъ—великъ въ эту минуту! Онъ молился за жену свою!

Чрезъ два дня, Сатрапьевъ, поручивши дѣла свои и имѣніе дяди въ распоряженіе брата, ѣхалъ въ своей каретѣ въ бѣлокаменную, торопясь несказанно, какъ будто служилъ по полиціи и спѣшилъ на пожаръ.

Нѣтъ надобности утомлять читателя, какъ онъ ѣхалъ, сколько времени ѣхалъ, на какихъ именно станціяхъ была задержка — скажу только одно, что пріѣхавши въ Москву, Сатрапьевъ не поѣхалъ ни къ женѣ, ни къ сестрѣ, а остановился въ гостиницѣ и въ тотъ-же день въ наемномъ экипажѣ поѣхалъ въ деревню N. навести справки.

— Гдѣ дача Сатрапьевой? спросилъ Ѳедоръ Константиновичъ, пріѣхавъ въ деревню N., первого встрѣтившагося ему крестьянина.

— А вонъ кажись на горѣ большая съ голубою крышкою. Она одна только хорошая—то и есть.

Сатрапьевъ подѣхалъ къ дачѣ.

Подивитесь, читатели, что нехитрый Сатрапьевъ прибѣгнулъ къ хитрости; и послѣ этого еще говорятъ, что нѣтъ ничего новаго подъ луною! Онъ пригласилъ къ себѣ хозяина этой дачи и спросилъ его, не можетъ-ли онъ уступить ему этой дачи на мѣсяць: «я далъ-бы вамъ какую угодно цѣну — мнѣ нравится мѣсто и особенно рѣка около дачи; а мнѣ велѣно купаться до сентября», говорилъ Сатрапьевъ.

— Она уже занята одною барынею.

Сердце Сатрапьева сильно забилося.

— Можно знать ея фамилію?

— Отчего—же нельзя? сказала подошедшая хозяйка. Ее зовутъ Ольга Ивановна, а фамилія—Сатрапьева.

— Да можетъ она мнѣ уступить дачу? сказалъ Сатрапьевъ.

— Нѣтъ, ужъ извините, она не уступить вамъ дачи ни за какія деньги, возразила хозяйка — и лукаво улыбнулась.

У старика Сатрапьева захватило духъ — онъ закашлялся.

— Но если—бы я предложилъ вамъ за дачу тысячу рублей ассигнаціями за одинъ мѣсяць, что-бы вы тогда сказали?

Хозяинъ съ хозяйкою посмотрѣли другъ на друга.

— Я думаю, это можно будетъ устроить, заговорила хозяйка, если вы можете повременить дня три. Ей можно будетъ отказать, когда она пріѣдетъ, а она непременно пріѣдетъ или завтра, или послѣ завтра. Въ самомъ дѣлѣ, говорила хозяйка разгораясь, — наняла, какъ порядочная женщина, одна; мы думали, она жить будетъ постоянно, а она только временно пріѣзжаетъ съ какимъ—то сорванцомъ Николаемъ Александровичемъ Лидскимъ. Зажгутъ свѣчи, цѣлую ночь пьютъ шампанское, да развратничаютъ, того и гляди, что пожаръ сдѣлаютъ; хоть—бы посовѣстилась — мужъ есть, хоть

старикъ, говорятъ, но человѣкъ хорошій, да и сама—то беременна.

Оеклистова была дѣйствительно беременна.

Сатрапьевъ не проронилъ ни одного слова и во все время разсказа хозяйки тряся, какъ въ лихорадкѣ; онъ чувствовалъ, что у него подкашиваются ноги.

Вынувши на скоро изъ бумажника пачку ассигнацій безъ всякаго счета и отдавая ихъ хозяину въ видѣ задатка, онъ съ трудомъ добрелъ до экипажа и, усѣвшись въ него, закричалъ кучеру, чтобы онъ ѣхалъ къ Краснымъ воротамъ.

Сатрапьевъ, полный отчаянія и горя, отправился къ сестрѣ своей, подѣлиться съ ней горемъ и посоветоваться.

Хуже этого ничего нельзя было придумать.

Какъ хотите, но въ жизни cadaго человѣка есть предопредѣленіе, котораго онъ ни предвидѣть, ни отвратить не можетъ.

ГЛАВА XI.

ОТВЕРГНУТАЯ ЖЕНА.

Ребе собирались обѣдать, какъ раздался звонъ колокольчика, и, чрезъ нѣсколько минутъ, въ дверяхъ показался Сатрапьевъ.

Въ избыткѣ фальшивыхъ чувствъ, Оедосья Константиновна всплеснула руками, и кинувшись на шею пріѣзжему брату, вскричала: «мой милый, мой добрый братъ, какъ я рада!»

— Ахъ какой пріятный сюрпризъ, какое счастье! сказалъ потушившись Эдуардъ Карловичъ. Этотъ подлецъ поцѣловалъ у Сатрапьева руку. — Дѣти, ступайте сюда, закричали въ одинъ голосъ гг. Ребе. Явились два сына и дочь Лидія; одному изъ нихъ было 22 года, другому 20; дочь Лидія, небольшого роста, полненькая, не дурна собою, имѣла отъ роду 18 лѣтъ. Дѣти очеь низко поклонились своему дядѣ, племянница сдѣлала реверансъ, и потомъ всѣ трое, подобно отцу своему, поцѣловали у Сатрапьева руку.

—Есть-ли у васъ особая комната? заговорилъ Сатрапьевъ: проведите меня, а между прочимъ пошлите въ гостиницу за вещами и за моимъ чемоданомъ. Что, я не стѣсню васъ?

— Какъ это можно, сказала Оедосья Константиновна; я вамъ очищу кабинетъ Эдуарда Карловича; вамъ тамъ будетъ спокойно.

— Ведите-же меня скорѣй, меня едва и ги таскаютъ.

— Ахъ добрый мой братецъ, что съ вами?

— Скажите лучше — несчастный, сказалъ Сатрапьевъ.

Федосья Константиновна принудила себя ко вздоху и, по обыкновенію, набожно возвела глаза къ небу.

— Кто могъ думать, заговорилъ Ребе, не смотря въ глаза Сатрапьеву, — Ольга Ивановна всегда казалась такою благородною женщиной! При послѣднихъ словахъ Ребе развелъ руками, съ видомъ челоуѣка, который рѣшительно не знаетъ, что ему дѣлать.

— Видно, на все есть воля Божія, сказалъ съ глубокимъ чувствомъ Сатрапьевъ; изъ груди его вырвалось нѣчто въ родѣ стопа. Онъ приподнялся съ креселъ, на которыхъ сидѣлъ; Ребе подхватили его за руки и повели въ назначенную для него комнату. Сатрапьевъ съ трудомъ дошелъ до кабинета и, въ изнеможеніи, упалъ почти на диванъ.

Предупрежденный лакей стоялъ въ дверяхъ кабинета и ожидалъ приказаній.

— Меня что-то душить, заговорилъ Сатрапьевъ, развязывая галстукъ. Мнѣ нужно раздѣться, я попрошу тебя, сестра, удалиться и забыть обо мнѣ, обѣдать я не буду, но Эдуардъ Карловичъ пусть останется. — Я-бы желалъ поговорить съ нимъ четверть часа, если это не сдѣлаетъ разницы въ нашемъ обѣдѣ.

— Совершенно никакой, сказалъ Ребе. Федосья Константиновна въ это время вышла.

— Мнѣ что-то очень дурно, говорилъ Сатрапьевъ, разстегивая свою одежду; назадъ тому не больше двухъ часовъ я слышалъ ужасныя вещи.

Старикъ понурилъ свою сѣдую голову и рука его остановилась неподвижно на послѣдней неразстегнутой пуговицѣ сюртука его Ребе всматривался на Сатрапьева изъ-подлобья. — Ты понимаешь, Эдуардъ, о комъ я говорю.... Старикъ вздохнулъ и склонился еще ниже. Цѣлая минута прошла въ молчаніи.

— Я былъ приготовленъ къ несчастію, — заговорилъ Сатрапьевъ, — но когда лично самъ узналъ объ немъ, мнѣ что-то очень сдавило грудь, сдѣлалось грустно и тяжело. Мнѣ все тяжело, даже тяжело видѣть тебя и сестру.

Сатрапьевъ былъ такъ разстроенъ, что не замѣчалъ присутствія лакея. Ребе-же давно замѣтилъ это и чтобы скорѣй освободиться отъ его присутствія, какъ свидѣтеля, сказалъ, обращаясь къ Сатрапьеву: «вы раздѣньтесь, я васъ освидѣтельствую, — человѣкъ, раздѣнь Оедора Константиновича и сейчасъ-же приготовь постель». Человѣкъ началъ раздѣвать Сатрапьева. Послѣдній машинально повиновался, и пока человѣкъ раздѣвалъ его, явилась дѣвушка, собрала для Сатрапьева постель на другомъ огромномъ диванѣ и вышла, по прика-

занію его барина, вмѣстѣ съ человѣкомъ. Ребе самъ довелъ Ѳедора Константиновича до постели.

— Ложитесь, я васъ послушаю, сказалъ Ребе. Сатрапьевъ легъ, а Ребе приложилъ лѣвое ухо къ его груди.

— Да, сказалъ какъ будто про себя въ раздумьи Ребе — начало аневризма.

— То есть, начало близкой смерти?

Ребе молчалъ и смотрѣлъ себѣ на руки.

— А я еще могъ-бы жить, сказалъ грустно Сатрапьевъ. Мнѣ еще только 58 лѣтъ, вѣдь это вы только съ сестрою прибавляли мнѣ лишнихъ десять.

Ребе упорно молчалъ.

— Я желаю видѣть жену свою и съ ней поговорить наединѣ, хочу видѣть свою милую Катеньку.

У Сатрапьева проявлялось отцовское чувство и онъ начиналъ забывать, что ребенокъ его родился не съ именемъ Бориса.

— Завтра утромъ, въ 11 часовъ, распорядитесь пригласить ихъ. Богъ великъ, сказалъ Сатрапьевъ, можетъ быть, моя Ольга еще исправится. Пожалуйста, вы это для меня сдѣлайте, а теперь ступайте обѣдать — васъ давно ждутъ.

Въ то время, когда происходила эта сцена, у подъѣзда Олинкиной дачи раздался нетерпѣливый

звонъ колокольчика и въ комнату ея быстро вошелъ встревоженный Лидскій.

— Что съ вами, Николай Александровичъ? вы такъ звоните, что я рискую остаться безъ колокольчика, сказала улыбаясь Олинъка.

— Однако не до смѣху, сказалъ Лидскій. Ѳедоръ Константиновичъ живетъ здѣсь въ Москвѣ; я его не больше часа назадъ встрѣтилъ на Мясницкой улицѣ.

Олинъка помертвѣла и сказала едва слышно: можетъ быть, вы ошиблись.

— Я не ошибся, Ольга Ивановна; онъ здѣсь и живетъ у вашихъ доброжелателей Ребе, по-крайней-мѣрѣ Ѳедоръ Константиновичъ къ нимъ поѣхалъ; конечно, вы можете догадаться, что я слѣдилъ за нимъ, также точно, какъ слѣдилъ въ свое время за почтенными Ребе. Они не успѣли еще пріѣхать въ Москву, а я зналъ уже ихъ квартиру.

— Боже мой, Боже мой, говорила Олинъка, ломая себѣ руки, что мнѣ теперь дѣлать?

— Бхать къ своему мужу, сказалъ торжественно Лидскій. Чего вы боитесь? Точно, мы любимъ другъ друга, хотя никогда и не высказывались, но эту любовь благословилъ Богъ, она чиста, какъ непорочные ангелы. Мы видѣлись каждый день, это была потребность душевная, но ни вы, ни я — не забывали и не забыли своихъ святыхъ обязанностей.

Мы смѣло можемъ смотрѣть и на небо и въ глаза каждому честному человѣку.

— А общественное мнѣніе? спросила Олинька съ лихорадочнымъ движеніемъ.

— Не думаю, чтобы оно сложилось противъ насъ. Людская молва, возбужденная сплетнями Ребе и имъ подобныхъ. — можетъ быть и противъ насъ, но не общественное мнѣніе. Поѣзжайте, поѣзжайте скорѣй къ мужу, Ольга Ивановна. Я имѣю много причинъ думать, что онъ въ Москвѣ недавно.

— Сегодня я не могу, я такъ разстроена, сказала съ отчаяніемъ Ольга Ивановна. Я поѣду завтра утромъ въ двѣнадцать часовъ. Сегодня-же не могу, чувствую, что силы меня совсѣмъ оставляютъ. Господи, поддержи меня! говорила она про себя.

На другой день, въ 12 часовъ утра, блѣдная и разстроенная вошла Олинька къ Екатеринѣ Ивановнѣ проститься. Какъ въ послѣднее время ни была слаба и здоровьемъ и зрѣніемъ Екатерина Ивановна, однако она замѣтила и разстройство, и нервическую дрожь своей дочери.

— Что съ тобой, милая Олинька? спросила она съ участіемъ и беспокойствомъ, — ты очень разстроена!

— Не разстроена, но немного больна; хочу проѣхать въ городъ: можетъ быть, лучше будетъ.

Олинька скрыла свое несчастіе отъ своей матери.

— Что-же, поѣзжай.

Олинька поцѣловала руку матери, вышла изъ комнаты и снова воротилась.

— Благословите меня, тата, сказала Олинька, подходя къ матери. Больше она не могла владѣть собою, бросилась въ ея объятія и, прижимая ее къ себѣ, горько заплакала.

Екатерина Ивановна съ испугомъ спросила ее: да что наконецъ съ тобою, мой ангелъ?

— Ничего, ничего, тата. Нервы очень разстроены, сказала Олинька и шатаясь вышла изъ комнаты. Лидскій ожидалъ ее въ залѣ и проводилъ до экипажа.

— Не отчаявайтесь, Ольга Ивановна, говорилъ, однакожъ съ отчаяніемъ въ душѣ, Лидскій. Все кончится хорошо.

— Я увѣрена, что все-бы кончилось хорошо; но вспомните, гдѣ онъ и куда я должна ѣхать. Переносить незаслуженный позоръ и униженіе въ глазахъ такихъ людей, какъ Ребе — ужасно. Вѣдь только вы одни знаете чистоту моихъ поступковъ, да еще Богъ, на котораго я надѣюсь. При послѣднихъ словахъ Олинька сѣла въ коляску и подала

руку Лидскому, которую онъ поцѣловалъ почти-тельно.

— Ступайте теперь къ маман, проговорила она — утѣшать ее и дожидайтесь моего возвращенія.

Лошади тронулись и она уѣхала.

Меньше нежели черезъ часъ, коляска возвратилась обратно. Лидскій выбѣжалъ встрѣчать Ольгу Ивановну и въ глазахъ ея прочиталъ весь ужасъ ихъ обоюднаго положенія. Олинька была такъ слаба, что онъ почти внесъ ее въ комнаты.

— Скажите-же мнѣ наконецъ, Лидскій, сказала она, схвативши его за руки и смотря ему въ глаза съ такимъ отчаянiемъ, что Лидскій прислонился къ дивану: — скажите мнѣ, я васъ спрашиваю — кто я? Мужъ меня не принялъ!

Николай Александровичъ мялъ въ рукахъ свою шляпу. Нянюшка ввела въ это время ребенка; 2-хъ лѣтняя Катенька сдѣлала ручкою своей мамашѣ.

— Няня, оставь ребенка и выдь вонъ, сказала Олинька. Няня повиновалась.

— Нѣтъ, я еще не одна, сказала Олинька, заливаясь слезами и цѣлуя у своей маленькой дочери головку и глазки. Ребенокъ ласкался къ матери и ручками водилъ по лицу ея, какъ будто утирая слезы своей матери. — Да! у меня еще есть утѣшеніе, моя миленькая дочь, моя малютка Катень-

ка. Посмотрите, Николай Александровичъ, какъ хороша она! Но за то она одна и никого больше на бѣломъ свѣтѣ, даже самъ Богъ, совершенно справедливо, оставляетъ меня. Я много передъ нимъ виновна.

— Но у васъ есть еще мать и есть преданные люди....

— Добрая и рѣдкая мать моя становится очень слаба. Она меня не поддержитъ по прежнему, потому что сама имѣетъ нужду въ поддержкѣ, притомъ я ничего ей передавать не буду. Мое несчастіе убьетъ ее.

— А я? спросилъ Николай Александровичъ.

— Съ этой минуты вы для меня не существуете. Мнѣ нѣтъ надобности скрываться — я васъ любила, Лидскій. Присутствіе ваше мнѣ каждый день было необходимо — какъ воздухъ чловѣку. Вы мнѣ говорили, что мы не нарушили своихъ обязанностей; неправда, Лидскій, мы ихъ нарушили! — Сколько страданій чрезъ наши частыя свиданія выпосить жена ваша и, можетъ быть, старикъ мужъ мой также страдаетъ. Конечно, по своему, по мужъ мой очень любилъ меня. Скажите мнѣ послѣ этого по совѣсти, правы ли мы оба?! Мы съ вами должны разстаться, и навсегда. Не старайтесь быть у меня, сказала она съ твердостію. — Васъ не при-

мутъ. Вотъ вамъ рука моя, проститесь со мной въ послѣдній разъ.

Лидскій съ жадностію схватилъ ея руку и покрылъ поцѣлуями.

Олинька тихо привлекла его къ себѣ и поцѣловала въ голову — Лидскій плакалъ.

— Говорятъ, мужчина жалокъ пемѣшонъ, когда онъ плачетъ, но — ты хорошъ, Лидскій! говорила Олинька, и она съ такою любовію посмотрѣла на влажные глаза его, что Лидскій совсѣмъ забылся, прижалъ Олиньку къ своему сердцу и напечатлѣлъ на губахъ ея самый страстный поцѣлуй. Олинька тихо старалась отстраниться отъ Лидскаго, который какъ будто проснулся отъ сна и, утирая платкомъ слезы, сказалъ съ отчаяніемъ:—простите меня, Ольга Ивановна — это первый и послѣдній вашъ подарокъ для меня. Даю вамъ слово исполнить свято вашу волю — не впадать васъ ; въ одномъ не могу дать вамъ слова — забыть васъ, это выше силъ моихъ. Когда говорилъ послѣднія слова Лидскій, — слезъ уже не было. Опъ былъ мужчиною.

— Я уѣзжаю послѣ завтра въ свой домъ; пробывши тамъ мѣсяцъ, постараюсь убѣдить маман уѣхать отъ сплетень въ ея Владимірское имѣніе. Тамъ, вдали отъ свѣта, отъ людей и отъ всѣхъ пересудовъ, посвящу я себя моей прелестной Ка-

тенькѣ, займусь ея воспитаніемъ, и если уже не суждено мнѣ быть, въ глазахъ свѣта, хорошею женою, то по крайней мѣрѣ сѣумѣю быть хорошею матерью.

При всемъ своемъ великомъ горѣ, Олинька была спокойна. Ничто не поддерживаетъ такъ много женщину въ ея страданіяхъ, какъ чувство матери.

— Прощайте, Лидскій.

— Прощайте, прелестная Ольга Ивановна.

Лидскій удалился, но въ дверяхъ снова обернулся, взглянулъ послѣдній разъ страстно на ту, которую любилъ глубоко, махнулъ рукою съ видомъ челоѣка, лишившагося даже всякой надежды на счастье, и вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА XII.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ И ДВА ПРОШЕНІЯ.

Перейдемъ теперь къ Ребе и послушаемъ, что они говорили въ то время, когда Олинька прощалась съ Лидскимъ.

— Кажется, сюда пріѣзжала наша милая родственница. Какъ это случилось, не понимаю. Вчера твой братъ просилъ, чтобы она пріѣхала къ нему; но мы условились не давать ей знать. Что это

значить, Фанп? говорилъ Ребе въ спальнѣ своей жены и обращаясь къ ней съ подобными вопросами.

— Я сама не понимаю, отъ кого она могла узнать о прїѣздѣ своего мужа, отвѣчала Ѳедосья Константиновна. Но я съ ней разомъ покопчила. Какъ только увидала, что она подъѣзжаетъ, я тотчасъ вызвала Игнашку, поставила его въ передней и велѣла ему сказать, какъ скоро войдетъ Ольга Ивановна, скажи, что Ѳедоръ Константиновичъ ея не принимаетъ и принимать никогда не хочетъ; а сама вошла въ залъ, заперла переднюю на ключъ, ключъ вынула, чтобы послушать, такъ-ли скажетъ Игнашка, а между тѣмъ и посмотрѣть въ замочную скважину, какъ себя чувствуетъ наша знатная ба-рыня. Вижу, входитъ такая гордая, разряженная, но только блѣдна и губы посинѣли, и прямо безъ доклада лѣзетъ въ залъ, а понимаешь, залъ-то запертъ. Я немного отстрашилась отъ двери — она остановилась и спрашиваетъ человѣка: мужъ мой дома, Игнатій? а тотъ и говоритъ — дома, только никогда не приказалъ принимать васъ. Я смотрю въ скважину и вижу — моя Ольга Ивановна сначала вся вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и начала утирать лице платкомъ, потомъ ее совсѣмъ зашатало; она начала выходить изъ комнаты, придерживаясь за стѣну, а Игнашка — хоть-бы тронулся съ мѣста. Подбѣжала къ окну и вижу, что человѣкъ ее

почти несетъ къ коляскѣ. Только коляска уѣхала, я къ брату. Нужно-же было испытать его, не знаетъ-ли онъ чего объ ея пріѣздѣ. Съ тобой мнѣ посо-вѣтоваться было некогда, да и нельзя, ты сидѣлъ съ своимъ комиссаріатскимъ начальникомъ. Вообра-зи-же, что вышло! Ты знаешь, окна брата выхо-дятъ въ садъ, мостовой на дворѣ нѣтъ, слѣдова-тельно изъ этой комнаты не видно и не слышно, кто пріѣдетъ, а между тѣмъ онъ встрѣтилъ меня вотъ какими словами: «къ вамъ, кажется, кто-то пріѣзжалъ? я жду Ольгу, ей пора пріѣхать». У меня опустились руки, я подумала на Тимофея, который въ эту минуту убиралъ комнаты брата. Я взглянула на лакея и онъ взглянулъ на меня; я очень смутилась и не знала, что отвѣчать, но вспом-нила о моемъ комиссаріатскомъ начальникѣ, спра-вилась и сказала: «къ мужу пріѣхалъ его началь-никъ, экипажъ его и теперь у нашего подъѣзда». Тимошка опять взглянулъ мнѣ въ глаза и, призна-юсь, очень нагло; я потушилась, а братъ мой въ это время разъ десять спросилъ меня: «что-же не ѣдетъ Ольга? Теперь часъ пополудни, а я просилъ Эдуарда Карловича передать ей чрезъ кого-нибудь, что я желаю ее видѣть и, помнится, отъ одиннадцати до двѣнадцати часовъ. Я-бы самъ поѣхалъ къ ней, продолжалъ братъ, но мнѣ очень нездоровится». Думаю, не хорошо, нужно предупредить такую глу-

пость со стороны брата, она много можетъ повредить намъ, — и попросила брата выслать чело­вѣка, чтобы говорить свободнѣе, Тимошка удалился, но снова посмотрѣлъ на меня насмѣшливо. Какъ скоро чело­вѣкъ вышелъ, я взяла стулъ, подѣла къ постели брата, на которой онъ сидѣлъ, и сказала ему: «мнѣ очень больно, но я должна тебѣ сообщитъ непріятную новость — мы сегодня поутру по­сылали къ Ольгѣ Ивановнѣ Игнатя, чтобы она пожаловала сюда, и Ольга Ивановна не посовѣсти­лась сказать холопу, что она къ тебѣ не только нынче, но и никогда не поѣдетъ и что она съ та­кимъ — не могу даже передать тебѣ буквально без­совѣстныя слова ея». — Да говори-же, сказалъ не­терпѣливо братъ; я продолжала: «что она съ такимъ старымъ чортомъ, какъ ты, жить не хочетъ, и проситъ тебя оставить ее въ покоѣ — пропащая женщина»! Я наблюдала за братомъ, отъ этой минуты зависѣла вся наша будущность. Если-бы на него напалъ въ это время припадокъ доброты, что съ нимъ ино­гда бываетъ, то все потеряно; но, къ счастью, вижу, что глаза моего брата наливаются кровью; онъ вскочилъ въ бѣшенствѣ, закричавъ зубами и сказалъ: что-жъ она сдѣлаетъ съ Катенькой? Я ему отвѣчала: во первыхъ, лишить ее послѣ тебя наслѣдства, хорошо если половины, а то всего; за­тѣмъ будетъ ее воспитывать и учить своимъ при-

мѣрамъ. — Да какъ-же она лишитъ ее наслѣдства? спросилъ меня братъ со злостью, — ты сама не знаешь, что говоришь. Нѣтъ, очень знаю, отвѣчала я. Ты забылъ, что она беременна, только не отъ тебя, а отъ Лидскаго; ты забылъ, что она законная твоя жена и что новорожденный будетъ записанъ на твое имя; слѣдовательно, если у Ольги Ивановны родится дочь, то Катенька послѣ твоей смерти получитъ половину, а другую половину изъ наслѣдства твоего — получить дочь Лидскаго; а если родится у Ольги Ивановны сынъ, то онъ получитъ и все твое родовое имѣніе, да не только твое, но и все имѣніе послѣ брата Михаила Константиновича, а твоей дочери выдѣлять только седьмую часть. — Никогда этого ни будетъ! закричалъ братъ съ такою яростію, въ какой я его никогда не видала. Я возьму своего ребенка, свою Катеньку, она не будетъ у такой развратной матери, *хотя* ты съ своимъ мужемъ и сомнѣвалась, что Катенька мой ребенокъ. — Ахъ, добрый братъ! За что такой незаслуженный упрекъ? Мы люди и — могли усомниться; мы давно подозрѣвали въ Ольгѣ Ивановнѣ жену, недостойную тебя. Слава Богу, что она сама выказала себя открыто; ты видишь и знаешь все. Конечно, мы виноваты въ своей ошибкѣ, но эта ошибка отъ любви къ тебѣ, братъ. За что-же упрекъ? Не знаю, какъ случилось, но я за-

плакала; братъ разчувствовался, я продолжала: теперь я и никто не сомнѣвается, что Катенька твоя дочь; каждая черта лица этого ангела напоминаетъ тебя, такъ она на тебя похожа. Жалко, что такой ангель останется на рукахъ такой матери — она тебѣ не отдастъ Катеньки. — Я судомъ возьму своего ребенка, закричалъ братъ, и судомъ огражу права его наслѣдства, а мерзавца Лидскаго въ Сибирь упеку. Скажи Эдуарду Карловичу, чтобы онъ нашелъ мнѣ дѣловаго человѣка. Послѣ этого онъ попросилъ меня выдти вонъ, а самъ закутавшись нѣсколькими одѣялами, легъ въ постель. Кажется, я все хорошо сдѣлала, сказала Федосья Константиновна, заканчивая свой монологъ. Братъ послѣ этого теперь не поѣдетъ къ женѣ, — а намъ только это и нужно.

— Я не проронилъ ни одного твоего слова, Фанш, заговорилъ Ребе, но извини, если я тебѣ скажу—ты поступила опрометчиво; у тебя, кажется, совсѣмъ испарился изъ памяти камердинеръ твоего брата — Тимошей. Онъ большой плутъ и въ фаворѣ у Федора Константиновича.

— Большая ошибка съ твоей стороны; я подобныхъ вещей не забываю, поздравь меня и себя! Я съ Тимошкой все покончила.

— Что-же?

— Что? Конечно что! хамъ!! продалъ своего барина.

— Сколько-жъ ты ему дала?

— Триста рублей.

— Много, но дѣлать нечего; пойду навѣщу твоего брата, а послѣ посовѣтуюсь съ Θεоклистовымъ, какъ намъ лучше съ этою пищею начать дѣло.

Каждый день развивая ненависть въ Сатрапьевъ къ его будто-бы потерянной женѣ и дѣйствуя на проявлявшееся въ немъ отцовское чувство къ своей дочери, Ребе наконецъ достигли того, что несчастный Сатрапьевъ, подъ вліяніемъ адской хитрости своей сестры и ея мужа, подписать сначала *духовное завѣщаніе*, которымъ, по недостойному поведенію жены своей, лишалъ ее естественныхъ, церковныхъ и гражданскихъ правъ матери и права матери, въ отношеніи малолѣтней своей дочери, также и воспитаніе ея и опеку представлялъ сестрѣ своей Ребе и ея мужу; а будущаго ребенка, если онъ родится отъ его жены, просилъ правительство признать незаконнымъ и не давать ему никакой части изъ имѣнія, въ ущербъ его законной дочери! За тѣмъ жену свою лишивъ всякаго права на наслѣдство изъ благопріобрѣтеннаго имѣнія, завѣщалъ его сестрѣ своей.

Цѣль Ребе начала достигаться; но этого для нихъ было еще слишкомъ недостаточно. Цѣль только до-

стигалась, но не была достигнута. Лишь только узнали Ребе объ отъездъ Ольги Ивановны изъ Московской дачи въ свой домъ, они постарались доказать малодушному Федору Константиновичу, будто жена его дѣлаетъ это для того собственно, чтобы, съ одной стороны, не отдать Катеньку въ руки отца, а съ другой, весьма важной стороны, свободнѣе разрѣшиться отъ бремени чужимъ младенцемъ, и, въ заключеніе, убѣдили старика подписать два прошенія: одно въ консисторію о расторженіи брака по невѣрности жены его, беременной отъ другаго лица, а другое къ губернатору о преступной ея связи съ титулярнымъ совѣтникомъ Николаемъ Александровымъ Лидскимъ и о высылкѣ послѣдняго изъ города, какъ вреднаго члена общества.

Такой подлый поступокъ въ глазахъ Сатрапьева оправдывали почтенные Ребе необходимостью предупредить зло и не дать будто-бы возможности Ольгѣ Ивановнѣ нагло смѣяться надъ мужемъ.

И Ребе хладнокровно подавали, составленные Оеклистовымъ, бумаги, содержаніе которыхъ мы разберемъ впослѣдствіи и съ юридической и съ чисто человѣческой точки зрѣнія. Сатрапьевъ-же, подписывая эти бумаги, не былъ такъ хладнокровенъ, какъ его родственники; рука его дрожала и

чувствовалъ онъ, какъ будто что-то давило и ложилося тяжелымъ камнемъ на его совѣсть.

Духовное завѣщаніе брата, по его приказанію, Ребе положили себѣ въ комодъ, а два драгоценныя для нихъ прошенія сами свезли на почту, заранѣе разсчитывая на успѣхъ, особенно по прошенію къ губернатору.

Ребе у губернатора былъ домашнимъ человѣкомъ. Правитель канцеляріи былъ другъ ему, полиціймейстеръ тоже, — отлично!

А бѣдная наша Оленька, убитая горемъ, ѣхала въ свой домъ и въ свою губернію, полагая, что чаша страданій ея переполнилась, а она еще далеко не дополнилась. Ъдутъ въ слѣдъ за тобою, несчастная женщина, несчастнѣйшія для тебя бумаги, и будутъ эти бумаги холодно и строго разсматривать и судить люди, можетъ-быть сами болѣе другихъ достойные осужденія! И общество, которое вѣритъ больше всякому худому слуху, нежели хорошему, оттолкнетъ тебя отъ себя, бѣдная моя Ольга, и забросаетъ грязью; и ты, невинная, но обезумевшая несчастіемъ, наконецъ сама вообразишь, что ты виновна, и совѣстно будетъ тебѣ смотрѣть въ глаза каждому, закроешься ты вуалю, чтобы не видали тебя люди, куда ты пойдешь, или куда ты поѣдешь!!! ..

ГЛАВА XIII.

Слѣдствіе.

При такихъ обстоятельствахъ, которыя окружали Олнѣнку, ей недоставало только двухъ несчастій— *лишиться — матери, или дочери.* Но судьба, кажется, позаботилась и объ этомъ. Екатерина Ивановна, въ послѣднее время слабая и больная, по прїѣздѣ въ домъ захворала тифомъ и пролежала болѣе мѣсяца въ совершенномъ безпамятствѣ.

Въ продолженіе этого времени прїѣхалъ Сатрапъевъ вмѣстѣ съ Ребе и, остановившись у послѣднихъ въ домѣ, прислалъ къ Олнѣнкѣ своего чловѣка *Тимофея*, извѣстнаго уже читателямъ, съ весьма обязательнымъ порученіемъ: отобрать отъ барыни принадлежащія барину вещи и всѣхъ людей, находящихся въ ея домѣ и записанныхъ по послѣдней ревизіи за нимъ, г. Сатрапьевымъ.

Легко можно догадаться, что Ольга Ивановна тотчасъ-же исполнила желаніе своего мужа, и осталась во всемъ домѣ съ тремя слугами, собственно ей принадлежавшими. Конечно, такое количество людей не могло оставаться на долго. Чрезъ нѣсколько дней наняты были въ домъ новыя лица, въ томъ числѣ и няня для ребенка. съ которою мы познакомимся впослѣдствіи.

Въ послѣднее время Олинька почти постоянно находилась въ напряженномъ состояніи. Новыя несчастья и огорченія не дѣйствовали уже на нее такъ возмутительно, какъ прежде. Хладнокровно разставалась она съ людьми Ѳедора Константиновича, которые, прощаясь съ нею, искренно плакали и съ неподдѣльнымъ чувствомъ преданности цѣловали ея руку. Растрогала только очень ее четырехлѣтняя дворовая дѣвочка, протянувшая ей, съ рукъ своей матери, свои маленькія ручонки. Олинькѣ показалось, что у этой дѣвочки такое-же умное, но грустное выраженіе въ лицѣ, какъ у ея Кати. У Олиньки навернулись слезы. Она поцѣловала въ голову ребенка и, поклонившись въ послѣдній разъ людямъ, тихо пошла въ комнаты своей матери, отъ которой въ продолженіе почти трехъ недѣль не отходила ни на одну минуту.

Екатерина Ивановна находилась въ забытіи. Дыханіе ея было тяжело и неровно; лице блѣдно, какъ у умирающаго, глаза полузакрыты, правая рука спустилась съ кровати. Въ комнатѣ никого, — кроме дѣвушки, постоянно ходившей за больною. Олинька поручила ей выдти изъ комнаты, а сама придвинула кресла къ постели больной, положила на постель свѣсившуюся руку матери, поправила ей подъ головами подушку и, нагнувшись лицомъ къ изголовью матери, горько заплакала.

А давно уже не плакала моя бѣдная Ольга; плачь больше и больше, наплачешься, — легче будетъ, и съ твердостію перенесешь новое горе!

Дѣйствительно, Олнька плакала и долго и много, и когда въ послѣдній разъ утерла платкомъ свои заплаканные глаза, она взглянула на мать свою.

Постороннему сдѣлалось-бы страшно, если-бы вошелъ въ этотъ моментъ посмотрѣть на больную; она лежала въ томъ-же положеніи, только глаза закатились, а вѣки были открыты и блуждали во все стороны.

Казалось, надъ Екатериной Ивановной носился уже грозный ангелъ смерти.

Выплакавшая свое горе и свои страданія, Олнька была спокойна, какъ будто въ физическихъ страданіяхъ своей матери, она нашла новыя силы переносить свои нравственные.

— Едва-ли ты долго будешь со мною, добрая и рѣдкая мать моя. Господи, Господи! Не только я не ропщу на Тебя, но благословляю Твою святую волю за то, что мать моя умираетъ по крайней мѣрѣ съ полнымъ сознаніемъ моего счастья.

— Барыня, сказала шопотомъ вошедшая дѣвушка, та самая, которую высладала Олнька изъ комнаты, — пожалуйста внизъ, а я здѣсь побуду: васъ спрашиваетъ квартальный.

Олинька испуганно взглянула на дѣвушку, съ замѣраніемъ сердца вышла изъ комнаты, и сошла внизъ.

Въ нижнихъ комнатахъ, въ залѣ, она дѣйствительно встрѣтила полицейскаго чиновника, очень невзрачной наружности, который однакожь, при появленіи Олиньки, весьма вѣжливо поклонился.

Олинька инстинктивно предчувствовала новое несчастье и съ невыразимымъ волненіемъ и безпокойствомъ спросила надзирателя: что вамъ угодно?

— Я съ очень непріятною обязанностію явился къ вамъ, сударыня. Неудобно—ли вамъ будетъ, по волѣ его превосходительства господина военного губернатора, подписать вотъ эту бумагу, по которой вы обязываетесь никуда не выѣзжать изъ вашего дома и не отлучать отъ себя вашего ребенка впредь до рѣшенія дѣла.

Олинька чувствовала, что у ней начали холодѣть руки, ноги и лобъ; послѣдній покрылся холоднымъ потомъ, а сердце билось съ каждой секундой сильнѣе и сильнѣе, какъ будто хотѣло совсѣмъ вырваться изъ своего мѣста.

— До какого дѣла? спросила Олинька съ усиліемъ у полицейскаго чиновника. У меня нѣтъ никакихъ дѣлъ съ губернаторомъ, да я его и не знаю.

— Его превосходительству супругъ вашъ подалъ два прошенія: одно, какъ видно, изъ Москвы по

почтѣ, а другое третьяго дня здѣсь уже, должно быть, лично. Дѣло это они изволили поручить къ слѣдствію чиновнику при ихъ особѣ, Василью Дмитріевичу Лыкову, а Василій Дмитріевичъ изволили поручить частному приставу, по содержанию этихъ прошеній, отобрать отъ васъ объясненіе, а между-тѣмъ обязать васъ подпискою о невыѣздѣ изъ города вмѣстѣ съ вашею малолѣтнею дочкою, — имени, извините, не помню. Не прикажете-ли отдать вамъ прошенія? Извольте прочесть, сообразить и написать отвѣтныя пункты; вопросы-жъ приготовлены для васъ.

И квартальный отдалъ въ руки Олшныки всѣ находившіяся у него бумаги. Олшныка въ изнеможеніи опустилась на стулъ.

— Садитесь, пожалуйста, сказала она принужденно квартальному.

— Не беспокойтесь. — Вамъ не угодно-ли будетъ прочесть по порядку? Вотъ это первое прошеніе, присланное къ его превосходительству по почтѣ.

Олшныка начала читать такого рода, совершенно для нея новую, написанную на гербовомъ листѣ, бумагу: — «Его превосходительству, господину М. военному губернатору и разныхъ орденовъ кавалеру, отъ коллежскаго ассесора Осдора Константинова Сатрашьева покорнѣйшее прошеніе. Отлучившись отъ мѣсто жительства по дѣлу объ наслѣдствѣ послѣ моего умершаго родственника майора Зарубинскаго,

я далъ довѣренность на занятіе моими дѣлами, въ свое отсутствіе, титулярному совѣтнику Николаю Александровичу Лидскому, который, воспользовавшись моею довѣренностію и отсутствіемъ, соблазнилъ мою жену и вовлекъ ее съ собою въ преступную связь, въ слѣдствіе каковой связи, къ соблазну общества и къ крайнему моему безславію и несчастію, жена моя сдѣлалась беременною, и какъ уже слышно, на второй уже половинѣ своей беременности. Такой безчестный поступокъ со стороны жены моей вынудилъ меня обратиться къ особѣ вашего превосходительства и убѣдительно просить: произвести строгое изслѣдованіе о преступной связи моей жены Ольги Ивановой, урожденной Тамилъ, съ означеннымъ Лидскимъ и о ея беременности, принявъ въ милостивое вниманіе, что этотъ чуждый будущій ребенокъ, будучи записанъ на мое имя, можетъ лишиться наслѣдства законную мою дочь, трехлѣтнюю Екатерину; а что будущій ребенокъ дѣйствительно не мой, то это могутъ доказать Саратовскіе мои сосѣди по достающемуся мнѣ послѣ Зубринскаго имѣнію: 1, полковникъ Карлъ Карловъ Шиферъ, 2, поручикъ Сергѣй Абрамовъ Семяневъ и 3, провинціальныи секретарь Авдѣй Панкратьевъ Олуховъ, которые и могутъ подтвердить подъ присягою, что въ продолженіе 8 мѣсяцевъ безвыѣздно я жилъ въ Саратовскомъ имѣніи дяди мо-

его Зарубинскаго, и никуда не выѣзжалъ; слѣдовательно, жена моя отъ меня собственно беременною быть не могла.» Затѣмъ слѣдовали адреса мѣстожителства жены Сатрапьева, его самого и представленныхъ свидѣтелей, и въ заключеніе новая просьба — обязать жену Сатрапьева подпискою, чтобы она до рѣшенія дѣла не выѣзжала изъ города и не отлучала отъ себя ребенка; а титулярнаго совѣтника Лидскаго, обезславившаго имя Сатрапьева, выслать изъ губерніи. По окончаніи—же слѣдствія поступить какъ съ женою Сатрапьева, такъ и съ Лидскимъ, по закону.

Оеклистовъ былъ человѣкъ аккуратнѣйшій и, не смотря на то, что прошеніе его было безтолково, несвязно и смѣшано съ различными просьбами по одному и тому—же предмету, закончено было такъ: прошеніе сіе сочинялъ и переписывалъ коллежскій регистраторъ Оеклистовъ.

Честолюбивъ былъ Оеклистовъ и помѣстилъ безъ всякой надобности по закону свою фамилію въ прошеніи къ губернатору для того собственно, чтобы рельефно выказаться передъ начальствомъ.

Нельзя—же иначе. Ребе у губернатора былъ домашнимъ человѣкомъ и могъ за него, Оеклистова, какъ за умнаго, дѣльнаго и честнаго человѣка, замолвить словечко, а такое словечко, могло дать мѣстечко.

Читатель удивится, если я скажу, что прошеніе Сатрапьева къ губернатору не имѣло на бѣдную Олиньку никакого серьезнаго дѣйствія. Точно, пѣсколько разъ выступала краска на лицѣ ея, но опытный наблюдатель тотчасъ—бы подстергъ, что не чувство стыда или страха бросало кровь въ лице ея, но чувство негодованія на клевету и, можетъ быть, даже на самого клеветника. Прочитавши первую бумагу, Олинька молча положила ее на другой конецъ стола; квартальный подошелъ къ пей и подаль другую бумагу. Олинька начала читать ее.

Вторая бумага была слѣдующаго содержанія:

«Въ дополненіе къ поданному мною прошенію, покорнѣйше прошу особу вашего превосходительства, по развратному поведенію моей жены, Ольги Ивановой, урожденной Тамплъ, отобрать у нея, черезъ кого слѣдуетъ, законную мою дочь Екатерину, дабы послѣдняя не могла заразиться пагубными примѣрами своей недостойной матери» (Трехъ лѣтній—то ребенокъ!).

При чтеніи второй бумаги, Олинька не была такъ равнодушна, какъ при первой. Она сжала бумагу въ рукахъ своихъ, такъ, что квартальный надзиратель бросился защищать прошеніе и со страхомъ закричалъ:

— Помилуйте, что вы позволите дѣлать! вы можете разорвать прошеніе и меня отдадутъ подъ судъ.

На этотъ разъ Олинькѣ Богъ даровалъ сверхъестественныя силы. Она встала со стула съ такимъ достоинствомъ, что квартальный надзиратель вытянулся передъ ней, точно передъ полиціимейстеромъ.

— Скажите вашему губернатору, что нѣтъ силы, которая-бы могла оторвать отъ меня дочь мою. Ее далъ мнѣ Богъ и—не взять людямъ! Я не отдамъ ее ни мужу, который пишетъ на меня клеветы, ни губернатору, который, можетъ быть, вѣритъ этимъ клеветамъ.

— Да его превосходительство и не изволили ничего предписать объ отобраніи ребенка, а только изволили приказать—предложить вамъ: не угодно-ли вамъ будетъ самымъ отдать вашу дочку вашему супругу. Если-же не угодно, то вы извольте такъ и написать, что не изъявляете желанія отдать ребенка на попеченіе отца, а желаете его имѣть при себѣ, на своемъ попеченіи. Если прикажете, я такъ и напишу, а вы подпишите бумагу.

Олинька приказала подать чернилицу. Квартальный, подсевъ къ столу, началъ писать бумагу. Олинька смотрѣла на него съ такимъ глубокимъ чувствомъ благодарности, что не слыхала даже табачнаго запаха и водки, которыми было пропитано все существо полицейскаго чиновника, между тѣмъ какъ была отъ квартальнаго весьма близко и слѣдила за каждою буквою, которую писалъ онъ.

Квартальный кончилъ. Олинька тотчасъ-же подписала бумагу о томъ, что свою дочь на попеченіе мужа отдать не желаетъ, а будетъ воспитывать сама.

— Больше меня не будутъ беспокоить о Катенькѣ спросила торопливо Олинька у квартального.

— Думаю, что не будутъ, сказалъ потупившись квартальный. На лицѣ послѣдняго замѣтна была задняя мысль. Олинька не обратила на это никакого вниманія и хотѣла удалиться.

— Позвольте, заговорилъ жалобно квартальный, — у меня очищена только одна бумага, а ихъ три. Не угодно-ли будетъ росписаться въ подпискѣ о невыѣздѣ изъ города? Безъ этого нельзя, на то воля ихъ превосходительства.

— Но я не знаю, къ чему я буду подписывать такую бумагу. Миѣ и безъ того нельзя никуда ѣхать, у меня отчаянно больна мать.

— Это только одна форма, а въ сущности это ничего-съ.

Олинька подошла къ столу и подписала вторую бумагу.

— А вопросные пункты какъ-же-съ? Если позволите, я напишу вамъ отвѣты со словъ вашихъ.

— Но, можетъ, быть это долго? спросила Олинька со вздохомъ. Замѣтно она утомлялась.

— Въ полчаса можно кончить.

Олинька снова сѣла на стулъ и спросила петер-пѣлво: что—же вамъ еще отъ меня нужно?

— Позвольте узнать, какъ васъ зовутъ, сколько вамъ отъ роду лѣтъ, какого вы вѣроисповѣданія, и каждый-ли годъ бываете на исповѣди и у Святаго причастія?

— Къ чему—же вамъ всё эти подробности? спросила Олинька съ изумленіемъ.

— Да это всегда такъ бываетъ при слѣдствіи—форма—съ. Вотъ извольте посмотрѣть на бумагу: вопросъ здѣсь такой поставленъ.

Олинька прочла первый вопросъ и задумчиво отвѣчала: зовутъ меня Ольга Ивановна, отъ роду 22-й годъ.

Квартальный остановилъ Олиньку и спросилъ: но двадцати двухъ лѣтъ нѣтъ еще?

Олинька отвѣчала — нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, для ясности, нужно написать: 21 годъ.

— Какъ вамъ угодно.

— Вѣроисповѣданія православнаго?

— Да; но на исповѣди и у Святаго причастія нынѣшній годъ не была по болѣзни.

Квартальный писалъ: на исповѣди и у Святаго причастія послѣдній годъ не была.

— Какимъ образомъ вы изволили познакомиться съ титулярнымъ совѣтникомъ Лидскимъ? спросилъ квартальный.

— Онъ повѣренный мужа.

— Дѣйствительно—ли вашъ супругъ былъ въ отсутствіи 8 мѣсяцевъ и въ продолженіе этого времени г. Лидскій бывалъ у васъ почти каждый день?

— Совершенная правда.

— Былъ—ли вашъ супругъ въ продолженіе 8 мѣсяцевъ хотя одинъ разъ, то есть навѣщалъ—ли васъ?

— Ни разу.

— Не имѣли—ли вы съ г. Лидскимъ связи и не изволите—ли быть отъ него беременны?

Олнька вскочила со стула, какъ ужаленная змѣею; лице ея горѣло, глаза блистали; задыхаясь отъ негодованія, она почти закричала на квартального: Какъ вы смѣете спрашивать меня о подобныхъ вещахъ въ моемъ домѣ?

Квартальный принялъ на себя жалобный видъ и, указывая на вопросъ, уже заготовленный, отвѣчалъ ей, что это не его вопросы и не его вина, что онъ человѣкъ маленькій и исполняетъ только то, что ему прикажутъ.

Олнька въ волненіи прошла три раза по комнатамъ и съ пунцовой краскою на лицѣ, сказала повелительно квартальному: пишите-же, если вамъ

нужно, что я уважала Лидскаго за его умъ и любовь, что находила всегда удовольствіе быть въ его обществѣ, но въ связи съ нимъ не была и не беременна!

— Все-ли вы кончили? спросила Олинька, обращаясь къ квартальному, когда онъ дописалъ послѣдній отвѣтъ.

— Теперь все; извольте только подписать отвѣтныя ваши пункты.

Олинька подписалась подъ отвѣтами, что заняло около 20 минутъ времени. Она наконецъ изнемогла отъ горя и усталости.

— Все-ли теперь? Неужели вы будете меня еще мучить вашими ужасными бумагами?

— Только подпишите послѣднюю-съ.

— Послѣдняя ваша будетъ четвертая, а вы мнѣ сказали, что у васъ только три. Въ чемъ-же ваша бумага?

— Форма-съ. Нужно подписать бумагу, что вы допускаете Василья Дмитріевича Лыкова и еще двухъ чиновниковъ, командированныхъ губернаторомъ, Брюхова и Красноперова, къ производству вашего слѣдствія, и что вы на нихъ не имѣете никакого подозрѣнія.

— Я ихъ совсѣмъ не знаю, сказала Олинька, дайте вашу бумагу, я подпишу, и за тѣмъ успокойте меня.

Квартальный подалъ бумагу; Олинька подписала ее, не читавши. Она была блѣдна, какъ смерть и съ трудомъ спѣла на стулъ.

Квартальный началъ откланиваться, а Олинька почти безотчетно опустила свою руку въ карманъ и, вынувши что-то, подала квартальному. На лицѣ послѣдняго отразилось неизъяснимое удовольствіе.

Исполненный чувства благодарности, квартальный надзиратель подошелъ къ столу, обмакнулъ въ чернилицу перо и къ цифрѣ 21 годъ прибавилъ незамѣтно *и*. Бѣдной Ольгѣ Ивановнѣ выходилъ двадцать первый годъ, она дѣлалась несовершеннолѣтнею. При такомъ оборотѣ дѣла, приличіе-бы было имѣть на воспитаніи Катеньку отцу, нежели несовершеннолѣтней матери, на которую притомъ брошена уже тѣнь подозрѣнія касательно образа ея жизни.

Квартальный вышелъ, а Олинька бросилась на верхъ, къ своей дорогой Катенькѣ, забывши всеѣмъ умирающую мать свою.

Въ это время спалъ ея ангелъ, и грустная улыбка скользила на его маленькихъ и мленькихъ губкахъ. Олинька простояла около него минуты три и опустилась на колѣни. Боже мой, Боже мой! сказала она, всплеснувши руками; я безъ ропота перенесу все—клевету, позоръ, насмѣшки общества, да смерть моей рѣдкой матери, но не перенесу потери этого ангела. Неужели Ты, Богъ

мой, вѣчно правосудный, отнимешь у меня послѣднее счастье? За что-же? я никогда никого не обижала, любила всѣхъ и каждого именно такъ, какъ Ты велѣлъ. И Ольга Ивановна въ отчаяніи ломала себѣ руки.

Въ первый разъ, убитая и подавленная множествомъ горькихъ обстоятельствъ униженія, стыда и горя, Олинька измѣняла самой себѣ. Молитва ея была смертельнымъ грѣхомъ; она не покорялась, но роптала на святую волю провидѣнія!

Между тѣмъ Екатерина Ивановна не выздоравливала. На другой день послѣ допроса, собравшіеся по приглашенію Ольги Ивановны медики объявили единогласно, что съ больною нужно употребить какое нибудь рѣшительное средство. Они положили, не смотря на слабость больной, дать ей теплую ванну. Послѣ такого рѣшительнаго средства, больная пролежала 24 часа между жизнію и смертію, и когда Олинька прощалась съ своею матерью, воображая ее умершею, на лицѣ и лбу больной начали показываться крупныя капли теплаго пота. Блѣдное, почти мертвое лицо Екатерины Ивановны отразило на себѣ чуть замѣтный румянецъ. Жизнь взяла перевѣсъ надъ смертію. Больная открыла потушившіеся свои глаза* и едва слышно сказала: *пить*.

Ольга Ивановна схватила со стола приготовленное для нея питье, налила его въ серебряную лож-

ку и дала выйти матери. Больная шла съ жадностію. Тихо растворилась дверь и еще тише вошелъ докторъ. *Гдѣ я, Ольга?* спросила тихо Екатерина Ивановна дочь свою. *Мнѣ что-то спать хочется.* И больная начала забываться.

Докторъ взялъ за руку Ольгу Ивановну и вывелъ тихо изъ комнаты больной.

— Поздравляю васъ, сказалъ онъ обращаясь къ Ольгѣ Ивановнѣ. Ваша мама воскресла изъ мертвыхъ. Теперь я ручаюсь за скорое ея выздоровленіе.

Оленька примкнула къ старику-доктору и поцѣловала его въ плечо.

Растроганный докторъ говорилъ Оленькѣ:—Оставьте больную вашу маму на попеченіе дѣвушки, которая за ней ходить, на нее можно положиться, но успокойтесь сами; вы такъ много заботились о больной, что сами захворать можете. Успокойтесь-же; я уже сказалъ. что ваша мама скоро выздоровѣетъ.

Докторъ, какъ человѣкъ, ошибался. Екатерина Ивановна была еще очень далека отъ выздоровленія. Тифъ дѣйствительно прекратился, но у больной открылись несчастныя послѣдствія тифа: то на спинѣ ея, то на груди, то на шеѣ попеременно начали появляться нарывы, и въ продолженіе двухъ

мѣсяцевъ бѣдная Екатерина Ивановна была не въ лучшемъ положеніи, какъ и во время тифа.

Въ мірѣ такъ устроено, что нѣтъ худа безъ добра. Не перенесла—бы ты, бѣдная мать, тѣхъ страшныхъ несчастій, которыя постоянно слѣдовали одно за другимъ и окружали любимую тобою Ольгу. Всею есть мѣра — даже несчастіямъ, но въ эти два мѣсяца твоей болѣзни, несчастія твоей дочери заходили за предѣлы всякаго человѣческаго терпѣнія.

Психологически разбирая эти извѣстные мнѣ факты, удивляешься и съ трудомъ вѣришь, чтобы столько несчастій въ самое короткое время могла перенести женщина двадцати одного года! Что ее поддерживало въ этихъ несчастіяхъ — надежда-ли, что горячо ею любимая мать не умретъ, но будетъ здорова, какъ увѣрили медики, или въ самой Олнѣнкѣ, во внутренней и внѣшней ея натурѣ, было столько силъ, что она могла переносить несчастія, какъ—бы онѣ ни были велики — не знаю. Это вопросъ, для меня неразрѣшимый!

Спустя дня четыре, но никакъ не болѣе пяти, къ Олнѣнкѣ явился снова тотъ-же квартальный надзиратель, котораго мы уже знаемъ, и объявилъ ей, чтобы она явилась въ мѣстную конспекторію для судоговоренія съ ея мужемъ о расторженіи брака. Время, назначенное ей для явки, было недалѣе, какъ завтрашній день. Олнѣнкѣ посовѣтоваться не

съ кѣмъ: мать больна; гдѣ живетъ Лидскій, она не знаетъ; писать къ Кирсанову, — но онъ далеко и къ сроку не пріѣдетъ. Поручивъ себя Провидѣнію, Олнька рѣшилась ѣхать, по приглашенію консисторіи, сама.

На другой день, въ 12 часовъ пополудни, Олнька пріѣхала въ духовный судъ. При ея появленіи сдѣлалось всеобщее движеніе и все чиновники обратили на нее свои взоры съ любопытствомъ.

Дежурный чиновникъ подошелъ къ ней и ввелъ ее въ присутствіе. Члены консисторіи поклонились Олнькѣ и предложили ей кресло.

— На васъ, сударыня, поданъ извѣтъ вашимъ супругомъ. Извѣтъ этотъ выраженъ въ исковомъ его прошеніи о расторженіи вашего брака, по нарушенію, будто-бы, вами святости брачнаго союза. Дай Богъ, чтобъ вы имѣли возможность оправдать себя отъ взводимаго на васъ обвиненія. Не угодно-ли вамъ выслушать прошеніе вашего супруга? Вотъ это — господинъ секретарь, сказалъ членъ консисторіи, указывая на маленькаго худенькаго чловѣчка, а вотъ это другой, противъ котораго вы должны оправдываться....

Ольга Ивановна взглянула на втораго — это была пьяная и наглая рожа Ѳеклистова, котораго она съ роду не видывала.

— Я не имѣю чести васъ знать, сказала Олинька Оеклистову; въ чемъ—же я буду передъ вами оправдываться? и Олинька вопросительно посмотрѣла на всѣхъ членовъ консисторіи.

Кажется, всѣ присутствующіе поняли вопросительный знакъ ея. Они посмотрѣли другъ на друга очень значительно и первый изъ нихъ сказалъ, успокоительнымъ тономъ, Олинькѣ: по всему видно, сударыня, что вы не имѣете даже понятія о дѣлѣ, для котораго мы васъ вызвали, но не безпокойтесь — если вы правы, мы защитимъ васъ противъ этого человѣка; онъ уполномоченъ довѣренностію вашего супруга и будетъ говорить то-же самое, что бы сказалъ супругъ вашъ. Какъ ваша фамилія? добавилъ членъ, обращаясь къ Оеклистову.

— Коллежскій регистраторъ Оеклистовъ, отвѣчалъ онъ хриплымъ голосомъ.

Олинька взглянула на Оеклистова съ отвращеніемъ.

— Если вамъ угодно, продолжалъ членъ, вы вмѣсто себя можете также прислать сюда повѣреннаго; а мы отложимъ засѣданіе до другаго дня.

— Мнѣ некого прислать, сказала Олинька со вздохомъ, да и зачѣмъ? что можетъ сказать на меня этотъ человѣкъ? Я его не знаю и онъ меня не знаетъ.

— Въ такомъ случаѣ откроемте судоговореніе.

— Демьянъ Никитичъ, прочтите прошеніе, сказалъ первоприсутствующій, обращаясь къ секретарю.

Секретарь началъ:

«Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, я, Сатрапьевъ, отъѣзжая въ Саратовскую губернію по домашнимъ обстоятельствамъ и пробывши тамъ безотлучно восемь мѣсяцевъ, оставилъ свой домъ на попеченіе моей жены, Ольги Ивановой, урожденной Тамплъ, а дѣла свои повѣрилъ проживающему въ здѣшнемъ городѣ титулярному совѣтнику Николаю Александрову Лидскому. Лидскій злоупотребилъ моею довѣренностію и склонилъ мою жену нарушить святость нашего брачнаго союза. Жена согласилась на беззаконное предложеніе Лидскаго и вошла съ нимъ въ непозволительную связь. Слѣдствіемъ такой беззаконной связи — есть беременность, которую можетъ духовное начальство, чрезъ медицинское дознаніе, привести въ положительную извѣстность. Независимо отъ этого доказательства, честь имѣю представить трехъ крѣпостныхъ людей, Тимофея Захарова, Матвѣя Васильева и Никифора Поліевктова, постоянно находившихся при барынѣ и бывшихъ, въ слѣдствіе неосторожности Лидскаго и жены моей, свидѣтелями преступной ихъ связи въ самый моментъ преступления, именно 24 іюня сего года на дачѣ въ Сокольникахъ въ Москвѣ, которыхъ можно допросить подъ присягою. По приведеніи свидѣтелей къ при-

сягѣ, по спросѣ ихъ, по дознаніи медиками беременности моеѣ жены въ продолженіе 8-мѣсячнаго постоянного пребыванія моего въ Саратовской губерніи — однимъ словомъ, по собраніи всѣхъ нужныхъ свѣдѣній и справокъ по настоящему дѣлу, — я, Сатрапьевъ, покорнѣйше прошу составить опредѣленіе о расторгеніи брака съ женою моею, Ольгою Ивановою, урожденною Тамплъ, и, оставивъ ее навсегда въ безбрачій, предать, за нарушеніе святости брака, церковному покаянію, и такое опредѣленіе представить на утвержденіе Святѣйшаго Правительствующаго синода».

— Что вы, сударыня, имѣете сказать противу этого прошенія?

Олпнька такъ начала свыкаться съ своимъ горемъ и незаслуженнымъ стыдомъ, что даже не измѣнилась въ лицѣ; только глаза ея сдѣлались влажны.

Первоприсутствующій еще разъ повторилъ вопросъ свой, Олпнька молчала. И только послѣ продолжительнаго молчанія сказала, какъ-будто сама съ собою: Снова клевета. Когда-же это кончится наконецъ, Боже мой?

— Предложите г-жѣ Сатрапьевой и мнѣ вопросы по пунктамъ, заговорилъ Оеклистовъ.

Первоприсутствующій предложилъ Оеклистову, представлявшему лицо Сатрапьева, и за тѣмъ Ольгѣ

Ивановѣ, сказать чинъ ихъ, имя, отчество и фамилію и время вступленія въ бракъ.

Оеклистовъ и Ольга Ивановна отвѣчали на вопросъ удовлетворительно.

Секретарь молча записывалъ ихъ отвѣты на прошпурованныхъ гербовыхъ листахъ.

Второй вопросъ относился прямо къ Олинкѣ: сохранила-ли она любовь и вѣрность къ своему мужу?

Олинка отвѣчала съ твердостью: сохранила и свято сохраняю.

Оеклистовъ же сказалъ — не сохранила.

Олинка взглянула на Оеклистова съ гнѣвомъ и презрѣніемъ. Взглядъ ея пропалъ напрасно. Другой человѣкъ могъ-бы смутиться, но съ Оеклистовымъ этого не могло случиться. Въ этомъ человѣкѣ не было ни стыда, ни совѣсти, ни чести.

— Чѣмъ-же вы докажете невѣрность госпожи Сатрапьевой къ ея супругу? спросилъ первоприсутствующій, обращаясь къ Оеклистову.

— Неблаговидными отношеніями г-жи Сатрапьевой къ титулярному совѣтнику Лидскому и ея беременностію.

Ольга Ивановна на этотъ разъ не выдержала, вскочила съ кресла, взглянула прямо въ наглое и пьяное лице Оеклистова и видѣ себя, задыхаясь отъ пегодованія, сказала ему: вы безчестный человѣкъ,

у меня не было никаких дурных отношеній съ Лидскимъ.

Оеклистовъ съ хладнокровою наглостію сказалъ, обращаясь къ присутствующимъ : запишите оскорбительныя слова г-жи Сатрапьевой въ журналъ.

— Они вписаны въ ея отвѣтныхъ пунктахъ, сказалъ тихо и хладнокровно секретарь.

Олнька горячилась и, сжавши свои прелестныя ручки, подошла еще ближе къ Оеклистову и снова сказала ему, что онъ безчестный человѣкъ, что онъ лжетъ, будто-бы она имѣла дурныя отношенія съ Лидскимъ.

— Но есть свидѣтели вашихъ предосудительныхъ съ нимъ отношеній на дачѣ въ Сокольникахъ — люди ваши — Тимошей, Матвѣй и Никифоръ.

— Вы лжете, мпlostивый государь. Тимошей — камердинеръ моего мужа, а Никифоръ — старшій поваръ. Мужъ мой безъ нихъ никуда не ѣздитъ и они были вмѣстѣ съ нимъ въ Саратовской губерніи; это все знаютъ : знаетъ моя мать, Николай Александровичъ Лидскій и все мои люди.

Оеклистовъ улыбнулся и, обращаясь къ присутствующимъ, сказалъ: — хороша ссылка!

— Вы дѣйствительно утверждаете, что двое изъ людей, представленныхъ въ свидѣтели, не были при васъ въ Москвѣ, а находились при вашемъ супругѣ въ Саратовской губерніи? спросилъ перво-

присутствующій, и когда Олинька положительно утвердила свой прежній отвѣтъ, онъ сказалъ, обращаясь къ прочимъ членамъ и секретарю: обстоятельство это очень важно, свидѣтели могутъ оказаться подставными.

— Свидѣтели находились при госпожѣ Сатрапьевой, оставаясь, по отъѣздѣ моего довѣрителя въ Саратовскую губернію, долгое время здѣсь, а отсюда отправились вмѣстѣ съ г-жею Сатрапьевою, по ея приказанію, въ Москву, возразилъ Оеклистовъ.

— Вы лжете, лжете и лжете, говорила внѣ себя Олинька.

— Я говорю правду, возразилъ Оеклистовъ, это извѣстно здѣшней полиціи, можно сдѣлать черезъ нее дознаніе.

— Извините, г. Оеклистовъ, сказалъ первоприсутствующій строго. Мы секретное дознаніе сдѣлаемъ и сами, безъ помощи мѣстной полиціи, и доберемся до истины.

Слова первоприсутствующаго консistoriи видимо озадачили Оеклистова. Дерзость его утратилась на 50 процентовъ. Онъ, запкаясь, сказалъ: какъ вамъ угодно, и потомъ прибавилъ: вы не позволите спросить госпожу Сатрапьеву о третьемъ свидѣтелѣ — онъ былъ здѣсь.

— Матвѣй дѣйствительно былъ при мнѣ, сказала Олинъка.

— Остановитесь, сказалъ первоприсутствующій, обращаясь къ секретарю, — записали-ли вы послѣднія слова г. Оеклистова, который сказалъ, что третій свидѣтель былъ здѣсь?

— Нѣтъ, не записалъ, сказалъ секретарь смѣшавшись, — я что-то не разслышалъ этого. Замѣтно было, что секретарь былъ напрошенъ или Оеклистовымъ, или Ребе.

— За то мы хорошо разслышали, сказали въ одинъ голосъ члены консисторіи. Запишите въ отвѣтные пункты слова Оеклистова, затѣмъ составьте сейчасъ-же особый журналъ, и приложите къ дѣлу. Вы измѣнили самому себѣ, Оеклистовъ, проговорились. Ваши первые два свидѣтеля подставные.

У наглаго Оеклистова выступилъ на лбу холодный потъ; помолчавъ немного, онъ сказалъ, съ свойственною ему дерзостью, что онъ ничего не говорилъ подобнаго, что имъ вѣроятно слышалось и что если эти слова будутъ внесены въ отвѣтные пункты, онъ подписывать ихъ не будетъ.

— Вы этимъ не поправите дѣла, Оеклистовъ. Мы составимъ журналъ о вашемъ упорствѣ. Цѣлому присутствію больше повѣрять, нежели вамъ; поступокъ вашъ предадимъ разсмотрѣнію гражданскаго начальства, а дѣло Оедора Константиновича,

которое вы защищаете, рѣшимъ по теперешнимъ доказательствамъ. Если вы сію-же минуту не подпишете, Оеклистовъ, отвѣтныхъ вашихъ пунктовъ, мы прекратимъ допросъ, отстранимъ васъ отъ дѣла и вызовемъ самого г. Сатрапьева.

Оеклистовъ взялъ перо и началъ подписывать.

— Вотъ такъ-то лучше, добавилъ первоприсутствующій; теперь мы можемъ продолжать допросъ. Допускаете-ли вы, Оеклистовъ, представленныхъ г-жею Сатрапьевою свидѣтелей въ томъ, что людей ея Тимоою и Никифора при ней въ Москвѣ на дачѣ не было?

— Не Лидскаго-ли? спросилъ съ обыкновенною дерзостью и насмѣшливо Оеклистовъ.

— Не смѣйтесь, Оеклистовъ. Г-жа Сатрапьева представила, кромѣ Лидскаго, людей своихъ и мать, которую знаетъ и уважаетъ весь городъ.

— Ни мать г-жи Сатрапьевой, ни крѣпостные ея люди, не могутъ быть допущены къ свидѣтельству подъ присягою по закону. Я ихъ рѣшительно отстраняю.

— А позвольте узнать, кому принадлежать крѣпостные люди, представленные вами въ свидѣтели, и гдѣ они живутъ въ настоящее время?

Оеклистовъ смѣшался. Этотъ вопросъ не былъ вписанъ. Онъ родился нечаянно и бросалъ новую тѣнь на дѣло. Покраснѣвши и запинаясь, Оекли-

стовъ отвѣчалъ, что они принадлежатъ его довѣрителю, г. Сатрапьеву, и въ настоящее время находятся при немъ.

Присутствующіе все, какъ-будто по указанію, взглянули съ участіемъ на Ольгу Ивановну. Часто производя дѣла подобнаго рода, они научились отличать истину отъ клеветы; поревѣсь дѣла переходилъ на сторону бѣдной нашей Олнньки.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ первоприсутствующій, и г-жа Сатрапьева не можетъ допустить по закону къ свидѣтельству представленныхъ вами лицъ, какъ крѣпостныхъ людей ея обвинителя. Не такъ-ли, сударыня?

Внутреннее чувство подсказало Олннькѣ отвѣтъ, отъ котораго впоследствии могла зависѣть участь всего дѣла. Она взглянула на лице первоприсутствующаго и отвѣчала рѣшительно, что она не допускаетъ къ свидѣтельству не только Тимоѳея и Никифора, которыхъ при ней не было, но и Матвѣя, который былъ при ней.

У Оеклистова пересохло во рту отъ такого сквернаго для него оборота дѣла. Онъ не много рассчитывалъ на беременность Ольги Ивановны и не очень вѣрилъ ей; между тѣмъ все дѣло вертѣлось уже на одной мнимой беременности, и въ этомъ былъ данъ ей послѣдній вопросъ въ консисторіи, — т.-е. беременна-ли она?

Она отвѣчала *нѣтъ* съ такою искренностію и съ такимъ достоинствомъ, что нравственная сторуна дѣла уже рѣшительно принадлежала ей.

— Но если, для дознанія истины, спросилъ первоприсутствующій, мы найдемъ необходимымъ освидѣтельствовать васъ чрезъ медицинскую управу, или чрезъ акушерку?

— Хотя-бы чрезъ всѣхъ акушеровъ въ мірѣ! сказала Олинька съ необыкновенною энергіею. Все лицо ея горѣло, она была какъ-будто въ огнѣ.

Первоприсутствующій, почтенный старецъ лѣтъ 70-ти, имѣвшій когда-то и самъ семейство, но давно всѣхъ перехоронившій. съ любовію христіанина взглянулъ на Олиньку, подошелъ къ ней и благословляя ее, сказалъ: вашего супруга кто-нибудь подбиваетъ. Не опасайтесь ничего, Богъ защититъ васъ. Подпишите теперь ваши отвѣтные пункты.

Олинька подписала.

ГЛАВА XIV.

П о х и щ е н і е .

Такимъ образомъ бѣдная наша Ольга прошла чрезъ всѣ степени человѣческихъ страданій. Ее окружала полиція, тайные агенты гг. Ребе и доктора.

Она была подъ двумя слѣдствіями; ее свидѣльствовала даже медицинская управа!

Исторія этой несчастной женщины сдѣлалась предметомъ всеобщаго разговора и передавалась съ поясненіями, дополненіями и соображеніями общества, начиная отъ высшей аристократической гостиной и оканчивая трактиромъ, въ который часто заходили чиновники, производившіе дѣло.

Доброе имя бѣдной Ольги было убито, потому что люди охотѣе вѣрятъ всему худому, нежели хорошему. Напрасно она хотѣла обратиться съ своимъ горемъ и съ своими дѣлами къ своимъ роднымъ или знакомымъ, на которыхъ разсчитывала. Ея не принимали. Она была отверженною во всемъ городѣ. Ее, беззащитную и всеми оставленную, преслѣдовали и злословили всѣ; не только никто не хотѣлъ протянуть ей руки помощи, но не хотѣли даже принять и пожать ея руку, которую она протягивала для привѣтствія; всѣ, всѣ — даже Надежда Николаевна Гарантьева, извѣстная всему городу своимъ богатствомъ и своею невѣрностію къ мужу. *Вообрази, какая дерзость*, говорила однажды вечеромъ своему любовнику Гарантьева, спровадившая своего мужа въ клубъ: *Сатрапьева подошла ко мнѣ на бульваръ, поклонилась и протянула руку. Я, конечно, отвернулась. Пожалуйста, Викторъ, проучи эту госпожу*,

если идъ нибудь еѣ ней встрѣтишься, что
впрочемъ едва-ли возможно: ее нигдѣ не при-
нимаютъ. И Гарантьева страстно поцѣловала сво-
его Виктора.

Правду сказалъ Фонъ-Визинъ, что люди всегда
и вездѣ люди, что дураковъ на бѣломъ свѣтѣ го-
раздо больше, нежели умныхъ, что безчестныхъ лю-
дей больше, нежели честныхъ; я отъ себя до-
бавлю только, что справедливыхъ гораздо меньше,
нежели сплетниковъ, и едва-ли въ обществѣ не
лучшіе еще люди тѣ, которые не входятъ въ чу-
жія дѣла.

Одно утѣшеніе было у Олиньки — это ея дочь.
Смотря на нее, она забывала все — и злость
Ребе, и несправедливость мужа, и злословіе обще-
ства, и судъ надъ пей, и часто даже болѣзнь сво-
ей матери! Въ дочери сосредоточивалась вся жизнь
ея, передъ нею внутренно изливала она свое горе;
Катенька для Ольги Ивановны была цѣлительнымъ
бальзамомъ, который лечилъ ея душевныя раны.

Однажды утромъ Олинька встала ранѣе обыкно-
веннаго. Она не спала всю ночь, размышляя о без-
помощности своего положенія. Ее оставили всѣ,
справедливо думала она, даже Кирсановъ, къ ко-

тому она писала. Онъ не только не пріѣхалъ, но даже не отвѣчалъ ей. «Можетъ быть, и онъ вмѣстѣ съ прочими считаетъ меня преступною женщиною, но онъ зналъ меня съ дѣтства. Неужели и этотъ человѣкъ могъ во мнѣ усомниться?» и Олинька горько заплакала. Не разъ проявлялась у ней мысль написать къ Лидскому, не смотря на вѣчную разлуку съ нимъ и не смотря на то, что онъ былъ окомпрометированъ во всемъ городѣ. Носились слухи, что губернаторъ выслалъ его изъ города и писалъ объ этомъ въ Петербургъ.

Подъ вліяніемъ грустныхъ впечатлѣній, Олинька тихо пробиралась въ комнату своей милой Катеньки. Ребенокъ уже всталъ и, на рукахъ няньки, занимался куклами. При появленіи матери, онъ уронилъ игрушку и протянулъ къ ней обѣ ручки. Олинька страстно цѣловала свою маленькую дочь, потомъ сѣла на диванъ и посадила ее къ себѣ на колѣни.

— Васъ спрашиваетъ какой-то чиновникъ, сказала вышедшая къ Ольгѣ Ивановнѣ дѣвушка. Олинька вздрогнула. Она такъ привыкла къ несчастіямъ, что появленіе чиновника считала новымъ.

— Но ты узнай, Параша, какой этотъ чиновникъ и что ему нужно?

— Да я уже спрашивала его, сударыня; онъ не говоритъ кто онъ, только говоритъ: мнѣ нужно

видѣть барыню и передать ей хорошія вѣсти, больше я отъ него ничего и не добила; признаюсь, не только докладывавъ вамъ, но и въ комнаты его пускать не хотѣлось. Онъ что-то такой грязный. Не прикажете-ли отказать ему?

— Какъ это можно! сказала Олнька. Гдѣ-же онъ теперь?

— Внизу, въ залѣ.

Олнькѣ сдѣлалось грустно; ей пришли на память сцены съ квартальнымъ надзирателемъ, производившимъ слѣдствіе; но она подавила это чувство и пошла внизъ, къ неизвѣстному чиновнику.

— До васъ, сударыня, есть двѣ пріятныя у меня бумаги, сказалъ чиновникъ въ истертомъ сюртукѣ, отвѣщая ей низкіе поклоны.

— Какія-же? спросила Олнька.

— Изъ канцеляріи губернатора сообщено къ намъ о преданіи васъ церковному покаянію за небытіе на исповѣди и у Святаго причастія одного года. Духовное пачальство по дѣламъ подобнаго рода отсылаетъ не бывшихъ у Святаго причастія въ монастырь на одну недѣлю, но вамъ заключило объявить, чтобы вы исполнили долгъ этотъ на свободѣ и объ исполненіи его дали-бы только знать духовному пачальству чрезъ вашего духовника. Кажется, что такъ.

Олинька не много понимала изъ словъ чиновника и сказала ему машинально, что она исполнить долгъ этотъ въ первый постъ.

Послѣдовало молчаніе.

— Другое дѣло весьма радостное, продолжалъ чиновникъ. Васъ духовное начальство совсѣмъ оправдало по прошенію вашего супруга, признало васъ невинною и въ брачномъ разводѣ съ вами отказало ему. Вотъ и копіи съ этихъ бумагъ, сказалъ чиновникъ, развязывая свой сальный и затасканный платокъ, въ которомъ онѣ были завернуты; нарочно для васъ списалъ, сударыня; остается мнѣ теперь только попросить у васъ одной милости — не говорить никому, что я списалъ для васъ эти копіи.

— Напрасная просьба съ вашей стороны, сказала Олинька. Я нигдѣ не бываю и васъ не знаю. Это будетъ такъ само-собою, безъ всякой вашей просьбы.

— Конечно, сказалъ чиновникъ: ваши дѣла теперь уже рѣшенныя, можно списать копіи, но все страшно; рѣшенія эти не объявлены еще вамъ мѣстною полиціею, по содержанію нашего отношенія.

Олинька ничего не понимала; но имѣя два дѣла на плечахъ, она понимала только одно, что нужно примѣнить теорію къ практикѣ, и сунула что-то въ руку чиновнику. Чиновникъ такъ былъ радъ по-

слѣднему обстоятельству, что отъ удовольствія ша-
рахнулся изъ залы.

Не смѣйтесь надъ этимъ чиновникомъ и не пре-
зирайте его : онъ получалъ жалованья только пять
рублей ассигн. въ мѣсяць!

Первая бумага, прочитанная Ольгою Ивановною
по уходѣ чиновника, не содержала въ себѣ ничего
особеннаго. Духовное начальство поручало мѣстно-
му священнику и духовному отцу Ольги Ивановны
увѣщевать ее объ исполненіи святаго долга, и о
послѣдующемъ донести копенсторіи.

Вторая бумага, прочитанная Ольгою Ивановною,
была для нея интереснѣе по содержанию. Въ ней
были изложены всѣ обстоятельства бракоразводнаго
дѣла ея съ Ѳеодоромъ Константиновичемъ, приведе-
ны приличные къ дѣлу законы и наконецъ выпи-
сано было рѣшеніе духовнаго начальства слѣдую-
щаго содержания : «хотя коллежскій ассессоръ Са-
трапьевъ и просилъ Епархіальное начальство о рас-
торженіи его брака съ женою его Ольгою Ива-
новою, урожденною Тамплъ, по нарушенію ею свя-
тости брачнаго союза и въ доказательство пред-
ставлялъ : 1) трехъ свидѣтелей, дворовыхъ своихъ
людей — Тимоою Захарова, Матвѣя Васильева и
Никифора Полѣвктова и 2) беременность своей же-
ны въ его, Сатрапьева, отсутствіе ; но такъ какъ
1-е, жена его Ольга Иванова означенныхъ свидѣ-

телей на законномъ основаніи отстранила и къ присягѣ не допустила; 2-е, медицинская управа увѣдомила, что г-жа Сатрапьева въ состояніи беременности не находится; то Епархіальное начальство и полагаетъ: отказать коллежскому ассессору Сатрапьеву въ бракоразводномъ его искѣ по невѣрности будто-бы его жены, каковой невѣрности по дѣлу не оказывается; о чемъ и объявить г. Сатрапьеву по мѣсту его жительства черезъ полицію; а канцеляріи губернатора, согласно ея требованію, о рѣшеніи Епархіальнаго начальства дать знать, для соображеній ея, при разсмотрѣніи производящагося тамъ дѣла».

Этотъ день для Олнѣнки былъ самый отраднѣй. Матери ея было гораздо легче и нравственное положеніе ея въ обществѣ, не смотря на всю предшествовавшую грязь, могло возстановиться. Олнѣнка въ глубинѣ души благодарила Бога за оказанную ей милость.

Соборный колоколъ ударилъ къ обѣднѣ. Звукъ его радостно отозвался въ душѣ Олнѣнки. Она приказала заложить карету, чтобы ѣхать къ богослуженію.

Былъ праздникъ. Народа въ соборѣ, по случаю праздника и архіерейскаго служенія — было такъ много, что Олнѣнка съ трудомъ, при помощи челоуѣка, пробралась въ церковь. У самыхъ дверей

собора стоялъ камердинеръ Сатрапьева, Тимошей. При появленіи Олиньки въ церковь, онъ видимо старался скрыться за народомъ, и, по мѣрѣ того, какъ его госпожа пробиралась далѣе въ глубь церкви, Тимошей шмыгнулъ вонъ и пустился бѣгомъ до своего дома — объявить объ этомъ обстоятельстве гг. Ребе и своему барину.

Запыхавшійся Тимошка, по приходѣ домой, поговорилъ что-то тихо съ Эдуардомъ Карловичемъ; послѣдній также что-то тихо поговорилъ съ своей супругой; потомъ достойная чета вломилась къ Теодору Константиновичу, который въ послѣднее время очень ослабѣлъ нравственно и физически. Смотря на него, можно было усомниться, понималъ-ли онъ всю важность тѣхъ бумагъ, которыя подавалъ на жену свою, и всю важность зла, которое причинялъ ей этими ябедническими бумагами.

— Мы вамъ должны сообщить очень важную новость, — Ольга Ивановна у обѣдни.

— Я не вижу никакой важности въ томъ, что жена моя у обѣдни.

— Напротивъ, большая важность, добрый и благородный братъ мой. Жена ваша, ни по вашей волѣ, ни по волѣ губернатора, не согласилась отдать вамъ Катеньки.

— Чтожъ вы съ ней прикажете дѣлать?

— Какъ что? Теперь можно взять ее самимъ; вѣдь Катенька ваша дочь, а дочь должна быть при отцѣ. Вы на нее имѣете больше права, нежели ея недостойная мать.

— Да, дѣйствительно, кажется и по закону дочь должна быть при отцѣ, это точно, что я имѣю больше на нее права, нежели безпутная моя Ольга. Но какъ-же мы возьмемъ ее?

— Я уже распорядилась, добрый братъ мой: велѣла заложить карету, а сама послала къ правителю канцеляріи нашего губернатора, чтобы онъ прислалъ на всякій случай въ домъ Ольги Ивановны полицейскаго чиновника сію-же минуту. Впрочемъ, я думаю, мы обойдемся безъ полиціи и безъ шума. Ольга Ивановна въ церкви, Екатерина Ивановна больна при смерти, а люди не посмѣютъ васъ ослушаться; притомъ-же мы поѣдемъ втроемъ — вы, я и Эдуардъ Карловичъ.

— Карета готова, доложилъ человѣкъ.

— Собирайтесь, добрый братъ мой, поскорѣе: мы рискуемъ опоздать, и тогда все потеряно.

Сатрапьевъ повиновался своей сестрѣ, какъ ребенокъ. Онъ былъ весь подъ ея вліяніемъ.

Въ половникѣ обѣдин у дверей Ольги Ивановны громко позвонили. Нанятый недавно Ольгою Ивановною человѣкъ, не знавшій ни одного изъ этихъ трехъ лицъ, отворилъ дверь. Эдуардъ Карловичъ,

не говоря ни слова, первый вошелъ въ переднюю; за нимъ жена его и наконецъ послѣ всѣхъ Оедоръ Константиновичъ.

На звонъ колокольчика прибѣжала еще крѣпостная дѣвушка Ольги Ивановны и, увидавши неожиданныхъ посѣтителей, которыхъ очень хорошо знала, торопѣла и очень низко поклонилась Оедору Константиновичу.

Человѣкъ, впустившій этихъ трехъ неизвѣстныхъ ему лицъ, докладывалъ имъ, что барыни дома нѣтъ, что она у обѣдни; не смотря на это, пріѣхавшіе молча раздѣвались, а дѣвушка продолжала кланяться; посѣтителѣ вошли въ гостинную, куда собралось почти всѣ люди Ольги Ивановны.

— Гдѣ моя дочь? гдѣ моя Катенька? спросилъ Оедоръ Константиновичъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, такъ много ему кланявшейся.

Люди Ольги Ивановны узнали наконецъ посѣтителей и значительно переглянулись между собою. Нѣтъ сомнѣнія, что Ольга Ивановна ничего имъ не говорила о несогласіи между ней и мужемъ; но люди обыкновенно про господъ своихъ имѣютъ привычку узнавать гораздо больше, нежели сколько имъ знать нужно.

Не дожидаясь никакого отвѣта, madame Ребе направила шаги свои прямо въ дѣтскую, за ней отправились мужъ ея и Оедоръ Константиновичъ.

Ребенокъ по прежнему сидѣлъ на колѣняхъ своей няньки, брюнетки, лѣтъ тридцати отъ роду, весьма красивой наружности и крѣпкаго сложенія. Не поднимаясь съ дивана, она поклонилась пришедшимъ.

Маленькая Катенька, увидѣвши Ребе, отвернула свою маленькую головку, обвила своими ручками шею своей нянюшки и затряслась всѣмъ тѣломъ.

— Душенька, милая, ангелъ мой! говорила ядовитая Ребе маленькой своей пламянницѣ; но послѣдняя не оборачивалась и только крѣпче жалась къ своей нянѣ.

Федоръ Константиновичъ зашелъ къ своей маленькой дочери съ другой стороны. Катенька подняла на него свои испуганные глазки, и какъ будто что-то припоминала.

— Ты меня не узнала, Катенька? говорилъ расстроеннымъ голосомъ Сатрапьевъ, — я твой папа. Катенька всматривалась въ него.

— *Нѣтъ, не папа*, пролепетала успокоившаяся малютка. *Вонъ папа*, добавила она, указывая пальчикомъ на то мѣсто, гдѣ висѣлъ портретъ Сатрапьева. *Мама велитъ молиться мнѣ: спаси Боже папа, мама.*

Въ послѣднее время Катенька выучилась говорить и выговаривала слова необыкновенно ясно.

Сатрапьевъ взглянулъ на портретъ свой. Онъ былъ въ томъ-же порядкѣ, какъ и прежде. Будучи недогадливъ, онъ однакожь догадался, что мать этого ребенка, которую онъ преслѣдуетъ, не потеряла къ нему уваженія, а можетъ быть даже и любви, если свою дочь учить молиться за него Богу. Сатрапьевъ вынулъ платокъ и приложилъ его къ глазамъ своимъ: — онъ плакалъ, прислонившись къ дивану.

— *Вотъ и мама все плачетъ, залепеталъ ребенокъ, а я уминица — я не плачу.*

— Этому конца не будетъ, сказала Ребе на ухо своему мужу; мы дождемся наконецъ, что сама пріѣдетъ отъ обѣдни, тогда можетъ быть ничего и не сдѣлаешь.

Ребе подошла къ нянѣ и хотѣла отъ нея взять къ себѣ ребенка на руки. Катенька снова испугалась и снова прижалась къ своей нянѣ. Ребе наконецъ насильно взяла ребенка, который испуганно закричалъ и началъ тянуться къ своей нянѣ.

— Оставьте ее здѣсь у матери, сказалъ Сатрапьевъ, утирая глаза. Богъ съ ними!

Эдуардъ Карловичъ разинулъ ротъ отъ изумленія. Такое неожиданное обстоятельство отнюдь не входило въ его соображенія, и крѣпко могло помѣшать его будущимъ планамъ.

— Что вы это, братецъ, что это, Богъ съ вами, какъ это можно?

Всѣ люди Ольги Ивановны догадались, что эти посѣтителы хотятъ увезти, въ отсутствіе ихъ барыни, ея ребенка, и рѣшились помѣшать, во что-бы то ни стало. Няня въ числѣ ихъ была первая. Съ быстротою дикой кошки, она бросилась на г. Ребе, чтобы вырвать изъ ея рукъ плачущаго ребенка, но не такова была Ребе. Она слѣдила за всѣми движеніями няни и, при помощи Эдуарда Карловича, успѣла отстранить ее. Два человѣка стали у дверей, чтобы загородить выходъ неожиданнымъ посѣтителямъ; третій-же человѣкъ, тотъ самый, который отпиралъ дверь для непріятныхъ гостей, подбѣжалъ къ этой двери, освидѣтельствовалъ, точно-ли она заперта, за тѣмъ вынулъ ключъ и положилъ его въ карманъ.

Въ это время раздался оглушительный звонъ колокольчика; человѣкъ перекрестился и, сказавъ съ радостію: — *слава Богу, барыня пріѣхала*, отперъ дверь.

На порогѣ показался частный приставъ съ двумя полицейскими чиновниками, которые быстро вошли въ комнату. У дверей частный приставъ поставилъ двухъ унтеръ-офицеровъ.

— Веди насъ къ г. Сатрапьеву, сказалъ грозно частный приставъ челоуѣку. Послѣдній кротко повиновался.

Полиція вошла въ комнату невиннаго ребенка. При появленіи полиціи, люди все разбѣжались.

— По волѣ его превосходительства, сказалъ частный праставъ, обращаясь къ Федору Константиновичу, *дочь вашу вы можете взять отъ матери на вате попеченіе.*

Сатрапьевъ потерялъ сознаніе и промычалъ что-то. Ребе выбѣжала изъ комнаты съ ребенкомъ, кричавшимъ раздирающимъ голосомъ. Нянька повалилась на диванъ, и въ отчаяніи ломала себѣ руки. Люди Ольги Ивановны все до одного плакали.

Впередъ 10 минутъ и у бѣдной нашей Олиньки въ ея домѣ не было уже ея милой и драгоценной дочери. Единственное утѣшеніе, которое она имѣла въ жизни, отняли наконецъ у ней безпощадные Ребе.

А бѣдная наша страдальца ничего не предчувствовала. Исполненная благоговѣніемъ къ святости мѣста, къ торжественному архіерейскому богослуженію, тронутая до глубины души гармоническимъ пѣніемъ, она усердно молилась и благодарила Бога за начинающееся выздоровленіе ея матери. Она до такой степени была сосредоточена въ молитвѣ, что ничего не замѣчала вокругъ себя; а между тѣмъ

двѣ барыни, когда она стала на своемъ мѣстѣ и отдала поклонъ Богу, быстро отстранились отъ Олнѣнки, какъ отъ зачумленной, да какой-то чело-вѣкъ среднихъ лѣтъ, очень выразительной наруж-ности, не спускалъ съ нея глазъ, какъ будто старался прочесть въ душѣ Олнѣнки все тайныя ея мысли.

Обѣдня кончилась. Олнѣнка обернулась, чтобы идти вонъ,—передъ ней стоялъ Кирсановъ. Олнѣнка вспыхнула отъ удовольствія, подала ему руку и отъ избытка радости не могла выговорить ни одного слова, а только крѣпко жала протянутую къ ней Кирсановымъ руку.

— Здѣсь, въ церкви, сказала Олнѣнка, въ та-кое горькое для меня время, вы являетесь ко мнѣ, точно ангелъ хранитель.

— Вы, я думаю, очень на меня роптали, что я не только что не пріѣзжалъ къ вамъ, но даже не отвѣчалъ вамъ на письмо ваше, а дѣло-то очень просто: — я былъ въ командировкѣ. Когда вернулся домой, первая бумага, которую прочелъ я — было письмо ваше. Я поторопился, въ одни сутки отдалъ отчетъ по своей командировкѣ, вы-просилъ себѣ отпускъ и вчера ночью въ 11 ча-совъ пріѣхалъ сюда, препорядочно измученный до-рогою. Зная, что вы раньше 12 часовъ не при-нимаете, я отправился въ соборъ послушать пѣв-

чихъ. Въ церкви я встрѣтилъ васъ и во всю обѣдню не спускалъ съ васъ глазъ. Душа рвалась поговорить съ вами, но я не смѣлъ, вы такъ усердно молились. Я боялся помѣшать вашей молитвѣ; — ваша молитва, Ольга Ивановна — молитва праведника.

Олинька думала: онъ, этотъ честный Кирсановъ, ничего не знаетъ. Можетъ-быть и онъ, вмѣстѣ съ другими, осудить меня и отстранится отъ меня, какъ отъ недостойной женщины. Олинька сдѣлалась грустна, тихо освободила свою руку изъ руки Кирсанова и склонила внизъ свою маленькую головку.

— Вы очень скучны, Ольга Ивановна, какъ будто недовольны моимъ прїездомъ.

Олинька подняла на него свои глаза, они были влажны.

— Уѣдьте поскорѣе изъ церкви, сказала Ольга Ивановна, обращаясь къ Кирсанову и стараясь казаться спокойною.

— Васъ увидалъ и советѣмъ забылся; а этого со мной никогда не бываетъ. До сихъ поръ не пришло мнѣ въ голову спросить васъ, какому счастливому случаю обязанъ я, что вы наконецъ обо мнѣ вспомнили? изъ вашего письма я ничего не понималъ. Вызываете меня по какимъ-то дѣламъ. Какія-же у васъ могутъ быть дѣла, Ольга Ивановна? А что-же дѣлаетъ нашъ Лидскій?

— Лидскій женился и живетъ въ Петербургѣ, сказала Олинька.

— Представьте себѣ, какой онъ лѣнпвецъ; со времени моего отъѣзда въ Т..., онъ не написалъ мнѣ ни одного письма, а я послалъ ему три. Наконецъ наскучило, бросилъ и я писать. Кстати, какъ здоровье Осдора Константиновича?

Не знаю, отвѣчала тихо Олинька.

— Да развѣ онъ въ отсутствіи? спросилъ Кирсановъ.

— Нѣтъ, онъ живетъ здѣсь у своей сестры Федосьи Константиновны.

— Но почему-же не съ вами? спросилъ торопливо Кирсановъ.

— Онъ меня бросилъ, сказала Олинька едва слышно.

На безстрастномъ лицѣ Кирсанова отразилось изумленіе.

— Бросилъ васъ, Ольга Ивановна! Васъ!! Да развѣ это можно?

Человѣкъ подошелъ къ Ольгѣ Ивановнѣ и сказалъ: карета ваша готова.

— Садитесь вмѣстѣ со мной, сказала Олинька Кирсанову. Мы поговоримъ съ вами въ каретѣ.

Кирсановъ довелъ Ольгу Ивановну до экипажа, усадилъ ее и самъ сѣлъ съ нею.

Ольга Ивановна со слезами говорила Кирсанову: — «Я много, Дмитрій Ивановичъ, перенесла горя съ того времени, какъ мы съ вами разстались, какъ будто вы увезли съ собою мое счастье. Помните, вы представили намъ Лидскаго; я не буду лгать передъ вами — Лидскій мнѣ нравился, и бывалъ у насъ почти каждый день. Между-тѣмъ, мужъ мой отлучился по дѣламъ своимъ на 8 мѣсяцевъ въ Саратовскую губернію. Оедось Константиновна воспользовалась его отсутствіемъ и очернила меня въ глазахъ моего мужа. Мужъ вообразилъ, что я въ отсутствіе его сдѣлалась беременною отъ Лидскаго. Ольга Ивановна закрыла пылающее лице руками и потомъ продолжала съ глубокимъ чувствомъ: — я перенесла все, мужъ мой подалъ на меня прошенія къ губернатору и въ консисторію о расторженіи брака. Меня даже свѣдѣтельствовалъ, Дмитрій Ивановичъ, заключила Оленька, закрывая лице платкомъ и утирая заплаканные глаза.»

Кирсановъ сдѣлалъ движеніе въ каретѣ.

— Меня всѣ считаютъ, начала Оленька, послѣ продолжительнаго молчанія, самою преступною женщиною; но вы, Дмитрій Ивановичъ, знаете меня съ дѣтства, знаете, что я правила мои замѣтствовала отъ матери. Вѣрите-ли хотя вы одни, что я не преступная женщина?

— Вѣрю, миллионъ разъ вѣрю, сказалъ растроганнымъ голосомъ Кирсановъ.

— О, какъ мнѣ теперь легко! сказала Ольга Ивановна. Ваше мнѣніе для меня дороже мнѣнія цѣлаго свѣта. Мнѣ кажется, я не перенесла—бы вашего дурнаго обо мнѣ мнѣнія.

Карета остановилась у подъѣзда.

Ольга Ивановна выпрыгнула изъ кареты и, въ сопровожденіи Кирсанова, быстро вошла на крыльцо. Въ передней она встрѣтила всѣхъ своихъ людей съ такими разстроенными и смущенными лицами, что ей сдѣлалось страшно. Что маменька? спросила она ихъ испуганно; не сдѣлалось-ли ей безъ меня хуже?

— Барыня ничего, отвѣчала заплакавъ любимая дѣвушка Ольги Ивановны, а вотъ барышня....

— Что-же Катенька? спросила поблѣднѣвшая Ольга Ивановна.

— *Ихъ увезли къ себѣ Федоръ Константиновичъ, когда вы изволили быть у обѣдни.*

Олинька пронзительно вскрикнула и безъ чувствъ упала на полъ.

ГЛАВА XV.

ОБЪЯСНЕНІЕ СЪ ГУБЕРНАТОРОМЪ.

Обморокъ Олиньки продолжался болѣе получаса; наконецъ она открыла глаза и молча взяла Кирса-

нова за руку. Кирсановъ чувствовалъ, какъ влажная и холодная рука ея сначала слабо трепетала въ его рукѣ, потомъ сильнѣе и сильнѣе, наконецъ нервическій трепетъ въ рукахъ перешелъ въ конвульсивное состояніе. Олинька, противъ воли, такъ крѣпко сжала руки Кирсанову, что онъ готовъ былъ вскрикнуть отъ боли и съ трудомъ изъ ея руки освободилъ свою руку.

Съ ней, кажется, будутъ конвульсіи, подумалъ Кирсановъ. Глаза ея мутны, нужно сейчасъ-же послать за докторомъ.

За докторомъ былъ посланъ человѣкъ въ ту-же минуту.

Между тѣмъ Ольга Ивановна всматривалась дѣйствительно помутившимися глазами въ Кирсанова, успѣваго, между прочимъ, познакомиться съ обстоятельствами похищенія ребенка, и, какъ будто, что-то припоминала.

— Что-то мнѣ нужно сказать вамъ, Дмитрій Ивановичъ, что-то очень нужно, но не помню; голову очень давить — не могу ничего сообразить, сказала Ольга Ивановна и замолчала. Казалось, она начала терять сознаніе.

Со времени конвульсій, въ Олинькѣ время отъ времени проявлялись признаки той страшной болѣзни, которая носитъ на себѣ русское названіе *стол-*

бняка; но явленія эти, къ счастью, были рѣдки и кратковременны.

Въ настоящее время у ней былъ именно *стол-бнякъ*, что подтвердилъ и пріѣхавшій докторъ.

Когда докторъ освидѣтельствовалъ пульсъ, онъ сказалъ, что это состояніе должно скоро кончиться, потому что пульсъ Ольги Ивановны бьется довольно правильно.

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени глаза ея начали дѣлаться свѣтлѣе, дыханіе ровнѣе; — она прішла въ память.

И когда докторъ прописывалъ ей рецептъ, она сказала ему: пропишите, докторъ, чтобъ мнѣ при-слали дочь мою; другія лекарства не помогутъ.

При послѣднихъ словахъ, изъ груди Оляньки вырвался такой отчаянный вопль, что Кирсановъ съ докторомъ вздрогнули.

— Нѣтъ, я лекарствъ принимать не буду; вы, докторъ, не пропишете такихъ, отъ которыхъ-бы я могла умереть сію минуту; даже не пропишете такихъ, отъ которыхъ-бы у меня сдѣлалось или постоянное безпамятство, или сумашествіе, а другихъ лекарствъ мнѣ не надобно.

И Ольга Ивановна истерически рыдала.

Понималъ докторъ, что при такой болѣзни не помогутъ ни пластырь, ни микстура, и въ нетерпѣніи грызъ перо. Понималъ и Кирсановъ, что ни-

какія слова утѣшенія не помогутъ такому страшному горю, и молчалъ; онъ и не смѣлъ приблизиться къ той, которую любилъ, какъ сестру, съ ея дѣтства.

Благородное лице Кирсанова и теперь было спокойно; измѣнили ему только глаза его, изъ нихъ ручьемъ текли слезы — по лицу, по галстуку, по жилету, а онъ и не отиралъ ихъ, какъ будто совсѣмъ не замѣчалъ ихъ присутствія.

Такого мучительнаго времени прошло болѣе часа. Олинька наконецъ заговорила:

— Поѣзжайте, Дмитрій Ивановичъ, къ моему мужу; спросите его, что я ему сдѣлала, за что онъ меня преслѣдуетъ? Ему было мало, что онъ меня оклеветалъ и унизилъ въ глазахъ общества, что онъ подалъ на меня ужаснѣйшія бумаги къ губернатору и къ архіерею, что хотѣлъ меня засадить въ монастырь, какъ преступницу; всего этого ему было мало — онъ отнялъ у меня единственное счастье — мою Катеньку. Грѣшно ему такъ преслѣдовать беззащитную женщину! Попросите его, Дмитрій Ивановичъ, чтобы онъ мнѣ возвратилъ моего ребенка, а я ему возвращу все, что онъ мнѣ подарилъ — брилліанты и всю эту ненужную для меня роскошь. Если мужъ мой не согласенъ отдать мнѣ дочери, скажите ему отъ меня, Дмитрій Ивановичъ, что есть-же наконецъ Богъ, и что онъ правосуденъ.

— Я сейчас отправлюсь и привезу вамъ отвѣтъ, сказалъ Кирсановъ, взявъ шляпу; но вы, докторъ, надѣюсь, побудете.

— Непремѣнно до вашего возвращенія, отвѣчалъ послѣдній.

Олинька потерла рукою свою голову и сказала Кирсанову: возьмите съ моего стола вотъ эти бумаги; можетъ быть, онѣ вамъ нужны будутъ.

Кирсановъ взялъ принесенныя Ольгѣ Ивановнѣ чиновникомъ консисторіи бумаги, прочелъ ихъ, отеръ свои слезы, съ состраданіемъ взглянулъ на Олиньку, положилъ бумаги въ боковой карманъ и молча вышелъ изъ комнаты.

Черезъ 20 минутъ, Кирсановъ былъ въ передней Ребе, сбросилъ съ себя верхнюю одежду, оттолкнулъ Тимошку, желавшаго загородить ему дорогу, и вошелъ въ залъ.

— Подп, доложи своему барину, сказалъ Кирсановъ Тимошею, что я пріѣхалъ нарочно изъ Т. губерніи, чтобы видѣться съ нимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, Тимошей возвратился и сказалъ Кирсанову, что Ѳедоръ Константиновичъ принять ихъ не могутъ, что они очень нездоровы и лежатъ въ постели.

Кирсановъ молча пошелъ въ гостиную, гдѣ встрѣтилъ Эдуарда Карловича.

Послѣдній надменно спросилъ его: что ему угодно?

— Мнѣ непременно нужно видѣть Оедора Константиновича.

— Жалко, что нельзя, потому что онъ очень боленъ.

— А назадъ тому два часа, онъ былъ такъ здоровъ, что могъ при вашей доброй и родственной помощи, увезти отъ матери ребенка, сказалъ Кирсановъ, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ.

— На это позвольте вамъ сказать, что Оедоръ Константиновичъ *увезъ своего ребенка* и въ это дѣло не позволить вступаться по праву отца, ни вамъ, ни мнѣ,

— Но ребенокъ, который привыкъ къ матери, можетъ безъ нее умереть отъ тоски; я слышу его рыданіе.

— Такъ что-же? поплачетъ и перестанетъ.

— Не желайте, Эдуардъ Карловичъ, другому того, чего себѣ не желаете. Не отозвалось-бы на вашемъ семействѣ такое несчастіе, которое вы сдѣлали бѣдной Ольгѣ Ивановнѣ... Но это въ сторону. Я непременно хочу видѣть Оедора Константиновича.

— Я вамъ сказалъ, что онъ боленъ и не можетъ принять васъ.

— А назадъ тому два часа, заговорилъ Кирсановъ.

Ребе перебилъ его: — Я слышалъ уже, что вы сказать хотите. Въ продолженіе двухъ часовъ не только захворать, но и умереть можно, милостивый государь.

— Вы меня къ нему не допускаете по вашимъ расчетамъ.

— Вы очень откровенны, г. Кирсановъ; позвольте же за откровенность и мнѣ заплатить вамъ тѣмъ же. Ѳеодоръ Константиновичъ *не хочетъ* принять васъ къ себѣ; вы это слово поймите хорошенько — *не хочетъ!*

— Въ такомъ случаѣ я отправлюсь къ губернатору и буду просить его защиты.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ Эдуардъ Карловичъ холодно.

Когда въ передней Кирсановъ надѣлъ на себя шубу и торопился къ губернатору, — онъ слышалъ громкій и насмѣшливый хохотъ Эдуарда Карловича съ Ѳедосьей Константиновною и слышалъ, что два раза помянули его имя такимъ тономъ, какъ будто бы говорили о паяцѣ.

Кирсановъ явился къ губернатору, полный бѣшенства и негодованія на почтенныхъ Ребе, хотя все это было замаскировано въ немъ, какъ и всегда, холодною, серьезною внѣшностію.

— У себя генераль? спросилъ Кирсановъ, торопливо входя въ переднюю.

— У себя, но никого не принимаетъ; нынче праздникъ, пожалуйте завтра.

— Но есть дѣла, любезный, о которыхъ докладываютъ и въ Свѣтлое Христово Воскресенье въ заутреню. Поди-же и доложи его превосходительству, что коллежскій ассессоръ Кирсановъ желаетъ ихъ видѣть по экстренному дѣлу.

Человѣкъ пошелъ съ докладомъ, а Кирсановъ остался въ пріемномъ залѣ.

— Приказали подождать, сказалъ возвратившійся человѣкъ гордо Кирсанову.

Прежде нежели пригласили Кирсанова въ кабинетъ губернатора, прошелъ добрый часъ времени.

— Что вамъ нужно? спросилъ губернаторъ отрывисто у Кирсанова.

Губернаторъ былъ человѣкъ повидимому лѣтъ около семидесяти, имѣлъ порядочный ростъ, но зато не имѣлъ на головѣ ни одного волоса; лице его было полно, блѣдно и надменно.

— У Ольги Ивановны Сатрапьевой увезли сегодня во время обѣдни ребенка.

Губернаторъ видимо встревожился и спросилъ: кто-же?

— Мужъ ея, Федоръ Константиновичъ, вмѣстѣ съ зятемъ и сестрою своею.

— Только-то? и вы сочли себя вправе беспокоить начальника губернии изъ такой бездѣлицы? Кто вы такой и гдѣ вы служите?

— Я коллежскій ассессоръ Кирсановъ и служу въ Т.... казенной палатѣ ассессоромъ.

Губернаторъ, узнавъ, что Кирсановъ не подчиненъ ему, сдѣлался менѣе грубъ въ обращеніи и сказалъ вѣжливо: вы должны радоваться, молодой человѣкъ, что невинный ребенокъ госпожи Сатрапьевой попалъ наконецъ въ хорошія руки, именно на попеченіе отца, добраго и честнаго старика, и вырванъ наконецъ изъ рукъ недостойной матери. Признаюсь, когда-бы подросла дочь Сатрапьевыхъ, оставаясь на воспитаніи у матери, нечему-бы было научиться хорошему; — я это дѣло знаю очень хорошо.

— Позвольте имѣть честь доложить вашему превосходительству, что вамъ это дѣло не такъ представлено. Ольга Ивановна Сатрапьева — хорошая женщина и хорошая мать; она такъ любила своего ребенка, что, вѣроятно, ребенокъ умретъ безъ нее съ тоски. Я сейчасъ былъ у Ребе и самъ слышалъ, какъ болѣзненно плачетъ этотъ несчастный ребенокъ.

— Не умретъ, не беспокойтесь. Вообще, во всемъ этомъ дѣлѣ криминальнаго я ничего не вижу и не стоитъ объ немъ говорить; а вы лучше скажите-ка мнѣ, какъ могъ Федоръ Константиновичъ увезти ребенка отъ матери, которая и по моему

предписанію, ослушалась отдать его на попеченіе мужа?

Кирсановъ разсказалъ, на сколько зналъ, исторію похищенія малолѣтней Катеньки.

— Очень умно сдѣлано, сказалъ губернаторъ; но къ чему тутъ вмѣшалась полиція? Я не давалъ ей никакихъ особенныхъ приказаній; вѣроятно, распорядился мой правитель канцеляріи, либо Лыковъ; спасибо имъ;—безъ помощи полиціи, можетъ быть не взяли—бы ребенка.

— Но такое дѣло, ваше превосходительство, не останется безъ послѣдствій. Госпожа Сатрапьева будетъ жаловаться въ Петербургъ, за нарушеніе правъ своихъ.

— У вашей Сатрапьевой, милостивый государь, нѣтъ никакихъ правъ—она дурная женщина. Мужъ для нея еще весьма снисходителенъ, что не высказалъ въ прошеніи всѣхъ ея продѣлокъ, которыя я знаю. Чтобы не компрометировать себя, какъ это вы теперь дѣлаете, прося меня за Сатрапьеву; чтобы избавить свою сѣдую голову отъ срама, онъ умолчалъ объ одномъ обстоятельствѣ. Сатрапьева, это я вѣрно знаю, кромѣ дачи въ Сокольникахъ, наняла еще дачу въ деревнѣ N.: видите-ли, я помню даже названіе деревни. Въ эту деревню N., сказывалъ мнѣ Эдуардъ Карловичъ, который у меня часто бываетъ, защищаемая вами Сатрапьева ѣздила покутить со мною—

гими молодыми людьми, а въ особенности съ однимъ мерзавцемъ Лидскимъ, котораго я назначилъ къ высылкѣ изъ губерніи — и вела себя какъ послѣдняя потаскушка; а вы говорите, что она будетъ жаловаться — ей нельзя жаловаться, да и черезъ кого она будетъ жаловаться? Самой ей выѣхать нельзя отсюда:—она обязана подпискою о невыѣздѣ, впредь до рѣшенія дѣла.

Во все время разсказа губернатора, Кирсановъ былъ весь вниманіе. — Онъ не проронилъ ни одного губернаторскаго слова и, обладая огромною памятью, выучилъ наизусть каждое его слово. Негодованіе и сомнѣніе, начинавшія вкрадываться въ душу Кирсанова, вывели его изъ обыкновенной рамки спокойствія и, всегда хладнокровный, онъ запальчиво сказалъ губернатору: я за нее поѣду въ Петербургъ и буду просить г. министра внутреннихъ дѣлъ оградить отъ клеветы эту несчастную женщину.

— Вотъ какъ, сказалъ губернаторъ, а не хотители вы прежде посидѣть подъ арестомъ за дерзости, которыя вы мнѣ говорите?

—Я вашему превосходительству не сказалъ ни одной дерзости.

— Молчать, негодяй!!

Кирсановъ подошелъ почти къ самому лицу губернатора и, задыхаясь отъ бѣшенства, сказалъ ему: вспомните, ваше превосходительство, что я такой—

же подданный великаго Русскаго Государя, какъ и вы; мы въ этомъ отношеніи съ вами совершенно равны. Я не холопъ вашъ, чтобы вы могли ругаться.

Кирсановъ былъ страшенъ въ эту минуту; губернаторъ счелъ за лучшее прекратить вспышку ласковымъ словомъ. Онъ всталъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ, и, подавая два пальца своей руки Кирсанову, сказалъ: извините, молодой человѣкъ, я погорячился, и убирайтесь къ чорту съ вашею Сатрапьевою. Я всегда скажу, что она нехорошая женщина.

— Однако духовное начальство признало ее фактически хорошею.

— Мнѣ духовное начальство — не указъ. Я самъ себѣ господинъ въ своей губерніи, и что знаю о Сатрапьевой, не убѣдитъ меня въ противномъ какое духовное начальство. Прощайте!

Кирсановъ возвратился къ Ольгѣ Ивановнѣ; изъ его разстроеннаго вида она опредѣлила — безвозвратность своей потери. Голова ея была въ такомъ положеніи, что можно было опасаться за ея разсудокъ.

— Или вамъ, или мнѣ нужно остаться у Ольги Ивановны на весь этотъ день. Она въ такомъ положеніи, что безъ этого нельзя.

— Оставайтесь, Дмитрій Ивановичъ, говорила ему невинная и наивная Ольга Ивановна, и займите ком-

наты Ѳедора Константиновича. Миѣ кажется, я не переживу этой ночи.

Кирсановъ остался. На другой день въ губернскомъ городѣ, при дѣятельномъ содѣйствіи гг. Ребе, разнесся слухъ, что Ольга Ивановна Сатрапьева въ потерѣ ребенка уже совсѣмъ утѣшилась, — пріобрѣтеніемъ новаго любовника, который и ночеваль у нея.

Не часто-ли и мы всѣ бываемъ похожи на почтенныхъ гг. Ребе, когда положительно опредѣляемъ недостатки и пороки чловѣка по кажущимся признакамъ?

ГЛАВА XVI.

СМЕРТЬ САТРАПЬЕВА И ДРУГОЕ ЕГО ДУХОВНОЕ ЗАВѣЩАНІЕ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого событія, Сатрапьевъ вошелъ къ Ребе чрезвычайно взбѣшенный и сказалъ имъ рѣшительно: вы злоупотребляете моимъ здоровьемъ: я два раза приказалъ вамъ отвезти къ матери Катеньку, которая захворала, тоскуя объ ней. Не могу слышать ея стонѡвъ. Чортъ знаетъ, въ какія скверныя дѣла ввелъ меня вашъ Ѳеклисовъ! Можно-же попасть въ такую грязь! Жалко и Ольгу!!

— Катеньку такъ, но объ Ольгѣ-то вы не очень, добрый братецъ, жалѣйте. Въ тотъ самый день, когда мы взяли Катеньку, ваша Ольга, чтобы развлечь себя отъ горя, пригласила къ себѣ публично ночевать Кирсанова, который и ночевалъ у нея; объ этомъ знаетъ весь городъ. Если вы въ силахъ выѣхать, то отправьтесь въ первый знакомый вамъ домъ, и васъ тамъ потѣшатъ этою новостью.

Сатрапьевъ вспыхнулъ и сказалъ со злостью: пощади, сестра хотя болѣзнь мою, и уволь уши мои отъ новыхъ мерзостей, если онѣ и точно есть; вѣдь онѣ меня убиваютъ. Что тебѣ, смерти моей что-ли хочется? Катеньку нужно спасти для нея самой, она хвораетъ безъ матери. Завтра я самъ свезу ее къ Ольгѣ.

Эдуардъ Карловичъ молча бросилъ знаменательный взглядъ на жену свою и сказалъ, обращаясь къ Сатрапьеву: это совершенно въ вашей волѣ, Федоръ Константиновичъ—расповайтесь, какъ знаете, вы здѣсь хозяинъ.

Вошелъ человѣкъ и доложилъ, что обѣдъ готовъ и супъ поданъ.

— Я нынче заказалъ для васъ больной обѣдъ, Федоръ Константиновичъ; вина вамъ не разрѣшаю никакого, кромѣ рейнвейна, безъ котораго вы жить

не можете; но, пожалуйста, не больше одной рюмки. Вы извольте идти къ столу, а вино я самъ подамъ вамъ.

Пока продолжались закуски, Эдуардъ Карловичъ принесъ на половину вышитую бутылку рейнвейна и поставилъ ее на столъ противъ того мѣста, которое обыкновенно, во время обѣда, занималъ Сатрапьевъ.

Обѣдъ кончился. Сатрапьевъ закурилъ сигару, но закуривши, тотчасъ-же бросилъ.

— Миѣ что-то очень дурно, голова кружится, грудь стѣснило, желудокъ горитъ. Я совѣмъ умираю; проводите меня въ комнату и пошлите за докторомъ.

— Вы меня обижаете, Федоръ Константиновичъ; я вашу натуру и всѣ ваши болѣзни знаю лучше всякаго медика.

— Помогите миѣ, Эдуардъ Карловичъ, говорилъ въ своей комнатѣ, раздѣваясь, Сатрапьевъ. Миѣ кажется, я не жилецъ съ вами, такъ миѣ больно желудокъ.

— Что это сдѣлалось съ братомъ? спросила Федосья Константиновна мужа, когда послѣдній вышелъ изъ комнаты Сатрапьева.

— Ничего... такъ... Нужно дать знать въ полицію объ его болѣзни, а завтра утромъ послать за священникомъ.

— Развѣ братъ непременно умереть? спросила съ усміемъ Ѳедосья Константиновна.

— Не знаю... можетъ быть... Онъ захворалъ отчаянно.

— Не сдѣлать-ли консіліумъ? спросила Ѳедосья Константиновна, вздрагивая и всматриваясь въ лице мужа.

Ребе поблѣднѣлъ, губы его тряслись, зубы стучали.

— Палашка! закричала Ѳедосья Константиновна, — принеси мнѣ ковровую шаль, что-то холодно.

Въ комнатѣ, въ которой происходила эта сцена, было 20 градусовъ тепла.

Старикъ Сатрапьевъ протрадалъ цѣлую ночь. Сна у него не было, а было какое то оцѣпенѣніе, и подѣ вліяніемъ этого оцѣпенѣнія, прекращавшаго на нѣсколько времени нестерпимую боль въ желудкѣ и груди, носились передъ нимъ разные образы. То видѣлъ себя Сатрапьевъ въ саду ребенкомъ, гдѣ рвалъ цвѣты, показывая ихъ своей матери; то видѣлъ себя дряхлымъ старикомъ, въ какомъ-то склепѣ, похожемъ на могилу, куда покойные родители привели къ нему одѣтую въ черное платье Ольгу и заставили Сатрапьева поклониться ей до земли и просить у ней прощенія. И слышалъ онъ, какъ жена его, нагнувшись къ нему и рыдая надъ его съдою головою, взывала къ Богу: Господи, прости

ему! онъ даже и не подозрѣвалъ, сколько мнѣ, ни въ чемъ противъ его не виноватой,—причинилъ зла и горя!

Вдругъ образы мгновенно исчезнуть и почувствуетъ Сатрапьевъ нестерпимую боль въ желудкѣ и въ груди, закричитъ пронзительно, крикъ его разольется по комнатамъ, прибѣжитъ Эдуардъ Карловичъ, дастъ больному успокоивающее питье, и Сатрапьевъ снова забудется.

И снова, смѣняясь одинъ другимъ, носятся передъ нимъ новыя видѣнія, до новаго пароксизма.

Утромъ Сатрапьева исповѣдывали и приобщили Святыхъ таинъ. Легче не было. Сатрапьевъ оканчивалъ свои расчеты съ міромъ и, по убѣжденію Ребе, еще подписалъ какое-то духовное завѣщаніе, котораго не зналъ, но которое мы узнаемъ впоследствии.

На другой день, по утру въ 4 часа, горничная дѣвушка Оедосья Константиновны тихо вошла въ ея комнату и осторожно разбудила.—Оедоръ Константиновичъ страдаетъ, сказала она тихо. Баринъ цѣлую ночь не спали, а теперь послали за священникомъ, чтобы соборовать масломъ Оедора Константиновича.

Оедосья Константиновна на-скоро одѣлась и вошла въ комнату брата. Въ ней собрались уже все ея семейство и люди. Комната была освѣщена ог-

нями; каждый изъ присутствовавшихъ держалъ въ рукѣ зажженную восковую свѣчку. Комната была полна ладаномъ. Смерть начинала уже заявлять здѣсь свое присутствіе.

Соборованіе кончилось; священникъ подошелъ къ больному, благословилъ его и сказалъ: помните слова мои, сказанныя вамъ на исповѣди: примиритесь съ супругою, еслибъ она даже васъ и обидѣла.

Федосья Константиновна такъ взглянула на священника, что если-бы этому взору дана власть исполнительная, онъ-бы уничтожилъ священника въ одно мгновеніе; но священникъ не замѣтилъ пылающихъ взоровъ г-жи Ребе, хладнокровно снялъ съ себя ризы и еще хладнокровнѣе вышелъ изъ комнаты.

— *Я хочу чаю*, сказалъ Сатрапьевъ, подозвавъ къ себѣ сестру свою.

— Это очень можно, сказалъ Эдуардъ Карловичъ, для васъ плита горитъ день и ночь.

Черезъ нѣсколько минутъ Сатрапьеву принесли чашку крѣпкаго чаю. Онъ выпилъ ее съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

— *Я все теперь отпилъ и отъѣлъ на этомъ свѣтъ*, сказалъ Сатрапьевъ. Сестра, положи меня на правый бокъ; нѣтъ, не нужно; обложите меня подушками — я посижу. Вотъ такъ хорошо. Подойдите ко мнѣ и проститесь при жизни.

Всѣ начали подходить къ нему и старались казаться плачущими; только сомнѣваюсь я, плакали ли они, кромѣ дочери гг. Ребе, Лидіи. Это была добрая и честная дѣвушка: — она плакала искренно о своемъ дядѣ.

— Богъ дастъ, вы еще выздоровѣете, говорила Ѳедосья Константиновна своему брату. Онъ великъ, продолжала Ѳедосья Константиновна, указывая на висѣвшій въ углу образъ; притомъ—же, въ васъ не замѣтно никакой смертности.

Ѳедору Константиновичу, въ самомъ дѣлѣ, было гораздо легче въ сравненіи съ предшествовавшими днями, какъ это обыкновенно бываетъ передъ смертью; только глаза были очень мутны и непрестанно блуждали изъ стороны въ сторону, какъ будто что то отыскивая.

— Нѣтъ, сестра, я не жалею васъ. А что, тебѣ жалко меня? Сатрапьевъ заплакалъ.

— *Боже мой, сказалъ онъ, отчего это такая страшная тѣма? Я ничего не вижу. О понимаю, понимаю! Свѣтъ Божій выкатился изъ глазъ моихъ, смерть близка,*—и Сатрапьевъ скрестилъ руки съ такимъ отчаяніемъ, что Лидія не выдержала и зарыдала.

Сатрапьевъ затрясся всѣмъ тѣломъ. Этотъ неунышанный вопль помѣшалъ ему тихо скончаться. Онъ замахалъ руками, и нельзя было опредѣлить,

съ сознаниемъ, или безсознательно, но только онъ сказалъ громко: *и ты здѣсь, Ольга, подойди сюда.*

Мерзавецъ Ребе подвелъ къ нему плачущую дочь. Сатрапьевъ схватилъ ее за голову, щупалъ ея волосы и тупо говорилъ ей: *я тебя прощаю, Ольга, и ты меня прости, во...зьми Катю и бе-ре-ги ее; уни-чтожь-же за-вѣ-ща-ніе. Го-спо-ди, при-ми ме-ня.*

При послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ весьма тупо, Сатрапьевъ сдѣлалъ конвульсивное движеніе, склонился на подушку, потерялъ совсѣмъ сознание и началъ кончаться. Руки, ноги и животъ были холодны. Жизнь оставалась еще только въ одной груди, потомъ въ горлѣ, а послѣ была-ли она гдѣ-нибудь—и опредѣлить нельзя.

Умеръ, наконецъ, благосклонные читатели, Сатрапьевъ; умеръ точно такъ же, какъ и мы умремъ съ вами! Причина смерти, можетъ-быть, другая, но дѣйствіе ея для всѣхъ одно и то-же!

Лежитъ трупъ мертвеца, а живымъ Ребе до него и дѣла нѣтъ; у нихъ свои дѣла, — имъ нужно ошарить ящики и сундуки и посмотрѣть, не осталось-ли чего въ нихъ лишняго на поминъ души покойника. Трупъ еще не остылъ, глаза его полуоткрыты, но все равно—Ребе знаютъ, что онъ ниче-го не видитъ, и обкрадываютъ его.

Проходить часъ. Является, по приглашенію Ребе, полиція, опечатывать пустые сундуки и ящики; а трупъ Сатрапьева лежитъ неомытый на прежнемъ мѣстѣ и въ томъ-же положеніи!

Полиція исполнила свое дѣло, если только опечатать пустые сундуки дѣйствительно есть дѣло;— еще прошелъ часъ, а трупъ Сатрапьева лежитъ, все еще неомытый, на прежнемъ мѣстѣ и въ прежнемъ положеніи!

Для успокоенія полицейскихъ чиновниковъ, показываютъ имъ два духовныя завѣщанія покойнаго, давая имъ черезъ это замѣтить, что опечатываніе имѣнія вовсе не нужно, что это одна только форма. Полицейскіе чиновники глубокомысленно читаютъ эти завѣщанія и, довольные наградою, данною имъ отъ гг. Ребе, называютъ покойнаго Сатрапьева благодѣтелемъ Ребе; а трупъ благодѣтеля Ребе все лежитъ въ прежнемъ положеніи, хотя въ чтеніи духовнаго завѣщанія прошло добрыхъ полчаса времени!

Лице Эдуарда Карловича очень блѣдно и озабочено: или ему вовсе не до трупа, или уже трупъ чрезвычайно беспокоитъ душу бывшаго медика. Последнее, кажется, вѣрнѣе. Сатрапьева никто не лечилъ; а въ билетѣ для кладбища рукою лечившаго медика должно быть отмѣчено, отъ какой болѣзни умеръ Сатрапьевъ.

Отрадное свидѣтельство наконецъ Эдуардомъ Карловичемъ добыто! Оно очень законно, потому что въ немъ рукою не простаго какого нибудь лекаря, но рукою главнаго доктора, написано, что *г. Сатрапьевъ умеръ отъ воспаленія въ кишкахъ*.

И когда медицина опредѣляла смерть Сатрапьева по своему, церковный причтъ въ то-же время опредѣлялъ эту смерть по своему—онъ записывалъ въ своихъ метрическихъ книгахъ слѣдующее: *умре по христіанской должности коллежскій ассесоръ Ѳеодоръ Константиновичъ Сатрапьевъ 59 лѣтъ отъ старческаго изнуренія*.

Что скажетъ юристъ объ этихъ различныхъ свидѣтельствахъ смерти Сатрапьева: которое изъ нихъ вѣрнѣе?

Чрезъ восемь часовъ по смерти Ѳеодора Константиновича, трупъ его наконецъ обмытъ, одѣтъ и положенъ на столъ. Эдуардъ Карловичъ менѣе уже озабоченъ и блѣденъ. Въ немъ замѣтно сознаніе собственнаго достоинства и собственныхъ силъ. Онъ, стоя впереди всѣхъ, съ важностію молится, потому что идетъ панихида. Ѳеодосья Константиновна также впереди, но по другую сторону гроба; она стоитъ на колѣняхъ и набожно кладетъ земные поклоны. Плачущихъ нѣтъ, кромѣ Лидіи Эдуардовны. Мать и отецъ ея очень довольны. Нужно-же, по крайней мѣрѣ, для приличія, чтобы кто нибудь изъ

ихъ семейства плакалъ о покойникѣ, который облагодѣтельствовалъ ихъ двумя духовными завѣщаніями!

(Мы прочтемъ эти два духовныя завѣщанія въ свое время, когда они будутъ представлены въ гражданскую палату, для засвидѣтельствованія, и разсмотримъ ихъ юридически).

Хлопоты Эдуарда Карловича по похоронамъ своего зятя идутъ весьма спѣшно. Онъ успѣлъ все сдѣлать: покончить съ полиціею, добыть свидѣтельство отъ доктора, положить трупъ зятя въ великолѣпный гробъ, заказать мраморный надгробный памятникъ, пригласить на похороны губернатора, духовенство и пѣвчихъ; онъ всемъ распорядился, даже бездѣлицами, напримѣръ:—не послать приглашеннаго билета на похороны Федора Константиновича къ несчастной женѣ его.

Смерть Сатрапьева не остановила теченія времени. Оно идетъ своимъ порядкомъ, и на четвертый день трупъ его хоронятъ. Церковь полна народа; на обоихъ клиросахъ пѣвчіе поютъ послѣднюю пѣснь усопшему; народъ въ безмолвіи прощается съ трупомъ.

Передъ гробомъ показывается, блѣдная какъ смерть, Олинька вся въ черномъ. Съ одной стороны поддерживаетъ ее Кирсановъ, а съ другой—человѣкъ. Народъ со страхомъ отступаетъ отъ нея, и когда она своими теплыми устами напечатлѣваетъ

последній поцѣлуй на холодныхъ устахъ своего мужа, какъ—бы желая вдохнуть ему новую жизнь, — *она слышитъ, что безсмысленная толпа обвиняетъ ее въ смерти мужа и называетъ убійцею.*

Далѣе она ничего не помнитъ. Кирсановъ и чело-
вѣкъ безъ чувствъ выносятъ ее изъ церкви.

Схоронили Сатрапьева и засыпали землею. Все
кончено!!

Слѣдовало—бы мнѣ, кажется, оставить тебя въ
покоѣ, Сатрапьевъ, и поклониться вмѣстѣ съ прочи-
ми твоему праху; но что—же мнѣ дѣлать, какъ оста-
вить сію минуту, если ты, во всю жизнь свою не
задавшій никогда и никому дѣльнаго вопроса, такъ
много задалъ ихъ послѣ смерти?

Первый вопросъ медицинскій: отъ какихъ ты
именно причинъ такъ внезапно умеръ—отъ нрав-
ственныхъ, или чисто матеріальныхъ?

Второй вопросъ юридическій: ты оставилъ на
память потомству два духовныхъ завѣщанія и раз-
дѣлил мнѣнія юристовъ на двѣ, діаметрально про-
тивуположныя, стороны; одни находили, что твои
духовныя завѣщанія согласны съ законами, а дру-
гіе утверждали, что онѣ незаконны.

Третій вопросъ философскій: что съ тобой
сдѣлалось по смерти—пріобрѣлъ—ли ты по крайней
мѣрѣ за предѣлами гроба всѣ уже нужныя для чело-вѣ-

ка познанія, или, вмѣстѣ съ смертью, утратилъ и послѣднїя? Слился—ли твой духъ, какъ частица Божества, съ главнымъ его началомъ, или просто землѣ понадобился твой трупъ для куста репейника?

Трудные вопросы!!!

Работаетъ каменьщикъ надгробный памятникъ для Сатрапьева, вотъ онъ уже его кончилъ и съ торжествомъ показываетъ хозяину. Памятникъ отдѣланъ былъ дѣйствительно художественно

Но хозяинъ, смотря на памятникъ, кричитъ отъ бѣшенства. Оказалась страшная ошибка! Слова, назначенныя къ вырѣзкѣ на памятникъ одного сумасшедшаго, бѣдный работникъ, по ошибкѣ, вырѣзалъ на памятникъ Сатрапьева.

И когда хозяинъ говорилъ работнику, что всей его жизни недостаточно для того, чтобы исправить эту ошибку, потому что памятникъ стоитъ 1,000 руб., и что работникъ будетъ наказанъ въ полиціи и посаженъ въ рабочій домъ (а бѣдный работникъ стоялъ, нагнувши голову и плакалъ),—тогда, нечаянно, по волѣ судьбы, философскій вопросъ о Сатрапьевѣ разрѣшался религіозно.

На памятникъ было вырѣзано: *«Блаженни нищїи духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное»*.

ГЛАВА XVII.

ПРЕДЪЯВЛЕНІЕ КЪ ЗАСВИДѢТЕЛЬСТВОВАНІЮ ДВУХЪ ДУХОВНЫХЪ ЗАВѢЩАНІЙ САТРАПЬЕВА.

Спустя двѣ недѣли послѣ смерти Сатрапьева, Кирсановъ пробирался по деревянной лѣстницѣ во второй этажъ — въ М. Гражданскую Палату. Ему хотѣлось, для Ольги Ивановны и для будущихъ своихъ соображеній, имѣть частныя копіи съ двухъ духовныхъ завѣщаній Ѳедора Константиновича Сатрапьева, о которыхъ онъ слышалъ, но въ сущности не зналъ.

Вотъ онъ вошелъ въ переднюю, отдалъ подъ номерокъ свою верхнюю одежду сторожу, и, войдя въ пріемную, оцѣпенѣлъ отъ изумленія. Народу въ ней было пропасть. Шумъ, говоръ и споры — точно на толкучемъ рынкѣ. На всѣхъ дверяхъ привѣшено было по вывѣскѣ съ огромными буквами, которая гласила, что *входъ въ канцелярію воспрещается*. Сколько зналъ Кирсановъ — этого никогда прежде не было.

А удивляться было вовсе нечему. При вліаніи губернатора, имѣвшаго громадную силу въ губерніи, М. дворянство выбрало новаго предсѣдателя палаты, К—го судью, которому была фамилія *Мертвый*, а М. купечество выбрало отъ себя новаго засѣда-

теля въ ту же палату, тридцатилѣтняго кушца, который имѣлъ фамилію *Живой*.

Странная игра случая!

Предсѣдатель былъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ. Сухое, гордое и изрытое оспою лице его никого къ нему не располагало. Нѣкоторые говорили, что онъ богатъ, а нѣкоторые говорили, что имѣніе его очень разстроено. Многіе говорили, что онъ честенъ, а намъ кажется, что честность его заключалась только въ одной формалистикѣ, которая безъ всякой надобности стѣснѣла тѣхъ, которые имѣли несчастіе соприкасаться съ палатою по дѣламъ своимъ, такъ что многіе ѣздили совершать акты въ другія губерніи. Иные говорили, что онъ уменъ и съ блестящими достоинствами; мы же, признаваясь, никакого особеннаго достоинства въ немъ не видали, кромѣ поддержки со стороны губернатора, которому нашъ предсѣдатель постоянно былъ *всепокорнѣйшимъ* слугою.

Въ канцелярію Гражданской Палаты введутъ двѣ противоположныя двери. У обѣихъ дверей, по распоряженію умнаго предсѣдателя, поставлены поперегъ громаднѣйшіе столы и посажено по два чиншника атлетической силы и гигантскаго роста. При такой обстановкѣ самый горячій проситель не воорвался бы въ канцелярію. Очень предусмотрительно со стороны предсѣдателя и можетъ быть лично для

Мертваго и хорошо также распоряженіе, но *для живаго общества*, которому иногда необходимо быть и въ канцеляріи Гражданской Палаты, чтобы такое распоряженіе было хорошо,—крѣпко сомнѣваюсь.

Вотъ сидятъ двое и разговариваютъ между собою—послушаемъ ихъ, чтобы узнать, правильно-ли наше мнѣніе:

Первый говоритъ, обращаясь ко второму:

— Вы здѣсь часто бываете—я васъ вижу каждый день, и давно ходите, кажется.

Второй. — Нынѣшній день равно два мѣсяца.

Первый. — У васъ конечно есть дѣло?

Второй. — Странный вопросъ! Кто-жъ въ эти мѣста ходить безъ дѣла? Закладываю свой небольшой домъ безъ всякихъ запрещеній за три тысячи рублей серебромъ.

Первый. — И что-же?

Второй. — Больше ничего, что ходя за этимъ дѣломъ, я истопталъ послѣднюю пару саногъ, сбиль каблуки и начинаю ходить на голенищахъ, а залогъ мой впередъ неподвигается. Выведенный изъ всякаго человѣческаго терпѣнія, я наконецъ рѣшился лично обратиться къ предсѣдателю, который мнѣ весьма важно отвѣчалъ: *нужно огласить, что вы явились*. Помилуйте, сказалъ я предсѣдателю, да я въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, каждый день съ пѣтуховъ сюда являюсь. Въ этомъ я могу сослать-

ся на все общество въ пріемной. Оно такъ свыкло съ моею фізіономіей, что вѣроятно ему было бы скучно, еслибъ оно меня здѣсь не видало. *«Все таки нужно огласить о вашей явкѣ; подайте завтра объ этомъ прошеніе, а безъ прошенія нельзя»*, повторилъ предсѣдатель. Вчера я подалъ оглашенную бумагу, теперь я въ палатѣ въ числѣ оглашенныхъ.

Первый. — Мое положеніе не лучше вашего, не смотря на то, что я хожу сюда всего седьмой день. Я покупаю небольшое имѣніе, и купчую, къ несчастію, взялъ на себя. Прихожу въ палату, двери канцеляріи закрыты спинами дюжихъ чиновниковъ; даю полтинникъ сторожу, чтобъ онъ только указалъ мнѣ, къ кому обратиться. Онъ меня представилъ проходившему мимо меня экзекутору. Экзекуторъ отозвался недосугомъ и хотѣлъ пройти мимо; но я просилъ его войти въ мое положеніе и тутъ же заявилъ ему благодарность. За это онъ привелъ ко мнѣ чиновника изъ крѣпостныхъ писцовъ, съ которымъ и совѣтовалъ покончить; я и покончилъ, давъ ему денегъ на гербовую бумагу, на актъ, на пошлины и на другіе непредвидимые расходы. На другой день являюсь въ палату; вижу, чиновникъ мой сидитъ далеко, но меня увидалъ и увидавши уткнулся носомъ въ бумаги и какъ будто пристально началъ заниматься дѣломъ. Я опять

къ сторожу, чтобы онъ его вызвалъ; сторожъ за полтинникъ пробрался между спинами чиновниковъ, загораживающихъ входъ въ канцелярію, дошелъ до половины комнаты и постоявши въ раздумьи, воротился назадъ ко мнѣ и сказалъ — никакъ нельзя, заняты—съ. Вотъ—съ нынѣшнимъ днемъ седьмой полтинникъ пропадаетъ.

Однако Кирсановъ счастливѣе обоихъ этихъ просителей. При его появленіи, чиновникъ тотчасъ встаетъ съ своего мѣста и осторожно даетъ ему двѣ копіи съ духовныхъ завѣщаній покойнаго Осодора Константиновича. Впрочемъ эта мѣра осторожности ни къ чему не ведетъ; большаго беззаконія въ поступкѣ чиновника не было, потому что Кирсановъ имѣлъ полную довѣренность отъ Ольги Ивановны и могъ просить палату официально, чтобы она показала ему завѣщанія Саграпьева. Не смотря однакожъ на это, я не понимаю, отчего Кирсанову такое счастье по палатѣ? потому ли, что его все знаютъ, потому ли, что далъ очень щедро за копіи, или наконецъ потому, что попалъ на порядочнаго человѣка.

Кирсановъ, получивъ копіи, сѣлъ на опроставшееся мѣсто на плохомъ ясномомъ диванѣ и со вниманіемъ началъ читать завѣщанія. Пока онъ читалъ завѣщанія, въ пріемную вошелъ Эдуардъ Карловичъ съ такимъ самонадѣяннымъ и съ самодовольнымъ ви-

домъ, какъ будто бы былъ дома. Онъ немедленно вызвалъ секретаря, который сказалъ, что черезъ недѣлю—не больше—утвердятъ завѣщанія, хотя бы со стороны жены и предъявленъ былъ споръ. «Губернаторъ просилъ председателя, председатель общалъ и поручилъ мнѣ наблюдать за дѣломъ. Это дѣло вы можете считать конченнымъ въ вашу пользу, Эдуардъ Карловичъ» добавилъ секретарь.

Исполненный удовольствія, Ребе подошелъ къ дивану и сѣвши на немъ, пастушилъ кому-то на ногу. Онъ обернулся, чтобы извиниться, и вообразите его положеніе: онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ Кирсановымъ.

Кирсановъ сухо и холодно принялъ его извиненіе, и когда Ребе хотѣлъ тотчасъ же обратиться въ бѣгство, Кирсановъ остановилъ его и сказалъ: вы, Эдуардъ Карловичъ, — докторъ медицины. Позвольте мнѣ, какъ неопытному въ химіи и медицинѣ, предложить вопросъ: дѣйствительно ли нѣкоторые яды до такой степени сильны, что проходятъ въ кости и отраву можно изслѣдовать надъ трупомъ, даже черезъ пять лѣтъ?

Ударяя на каждомъ словѣ и строго всматриваясь въ лицо Ребе, Кирсановъ былъ совершенно спокоенъ, какъ будто задавалъ ученый вопросъ; но Ребе поблѣднѣлъ и, не отвѣчая на одного слова на вопросъ Кирсанова, тотчасъ же удалился.

— Подлецъ! сказалъ громко Кирсановъ въ слѣдъ удалявшемуся Ребе.

Всѣ слышали это восклицаніе и обратили вниманіе на удалявшагося Ребе, но послѣдній отъ разстройства, или не слыхалъ восклицанія Кирсанова, или притворился неслыхавшимъ — не знаю. Знаю то, что Ребе не обернулся.

Кирсановъ возвратился изъ палаты очень встревоженнымъ и, несмотря на всю силу своей воли, не могъ замаскировать своего лица передъ Ольгой Ивановной.

Съ этой главы Олнька уже для тебя не существуетъ, благосклонный читатель — мы ее будемъ пазывать Ольгой Ивановной, какъ женщину, выработавшую себѣ убѣжденіе изъ горькаго опыта жизни. Дѣйствительно, можно прожить 90 лѣтъ, и не испытать въ половину того, что испытала эта женщина въ двадцать одинъ годъ отъ рода.

— Прешло двѣ недѣли съ того времени, какъ умеръ мужъ мой, а Катеньки все нѣтъ при мнѣ. Вы мнѣ не хотите помочь, Дмитрій Ивановичъ. Богъ съ вами! Бывая у меня каждый день, вы не видали ни моихъ слезъ, ни рыданій, ни жалобъ. Я была спокойна въ глазахъ вашихъ, но знаете ли чего стоило мнѣ это спокойствіе?

Изъ груди ея вырвался сухой кашель. Кирсановъ молчалъ, но не былъ спокоенъ.

Ольга Ивановна продолжала, понизя голосъ: по-сятся слухи, что мужъ мой умеръ не совсѣмъ естественною смертію. Можетъ быть это вздоръ, я теперь знаю, что значать городскіе слухи. Но если это правда, Дмитрій Ивановичъ — что ожидаетъ дочь мою? Ее могутъ напоить чѣмъ нибудь теплымъ, вынести въ одной сорочкѣ на холодъ, и умереть мой ребенокъ и никто не узнаетъ никогда преступленія, кромѣ Бога.

При послѣднихъ словахъ Ольги Ивановны замѣтно было, что нервическая дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу, но слезъ не было, только снова вырвался изъ груди ея сухой кашель и на лѣвой щекѣ ея показалось небольшое красное пятно, въ видѣ румянца; правая же щека была покрыта смертною блѣдностію.

— Понимаете ли теперь, по крайней мѣрѣ, что я перечувствовала? Мысль о смерти моего единственнаго ребенка преслѣдуетъ меня каждую минуту. На яву и во снѣ я страшно страдаю, Дмитрій Ивановичъ, вамъ даже и не понять моихъ страданій. Нужно быть матерью, чтобъ понять это. Въ какія нибудь двѣ недѣли я совсѣмъ забыла, что былъ у меня мужъ. Такъ меня преслѣдуетъ мысль о смерти ребенка! Каждый день, каждый часъ и каждую минуту у меня только одна мысль, одна молитва, чтобы Богъ не допустилъ меня дожить до

последней страшной минуты — потери моей дорогой Катеньки, чтобы Онъ послалъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, безпамятство или сумасшествіе. Но Богъ не слышитъ такой молитвы. Наложить на себя руки — нѣтъ силъ.

Кирсановъ сидѣлъ болѣе нежели когда нибудь встревоженный, но молчалъ.

Ольга Ивановна спросила его: когда же вы возьмете отъ Ребе Катеньку? Вы, какъ будто, уклоняетесь отъ моего порученія.

Кирсановъ взглянулъ на нее съ упрекомъ и потомъ сказалъ: — до времени нельзя. Катенька оставлена на попеченіе Ребе по духовному завѣщанію Ѳедора Константиновича.

— Но развѣ мужъ мой имѣлъ право завѣщивать кому нибудь мою дочь? Онъ могъ завѣщивать свое имѣніе. Я противъ этого ни слова. Но Катенька принадлежитъ мнѣ и должна быть у меня. Вы знаете законы, Дмитрій Ивановичъ—не правда ли, что нельзя?

— Конечно, дочь должна быть при васъ, сказалъ Кирсановъ; противъ этого и говорить нечего.

— Въ такомъ случаѣ поѣзжайте къ Ребе и возьмите отъ нея Катеньку.

— Ни вамъ, ни мнѣ, ни намъ обоимъ не отдадутъ они Катеньки.

— Въ такомъ случаѣ поѣзжайте къ губернатору.

— Губернаторъ заинтересованъ и напрошенъ по вашему дѣлу почтенными Ребе. Результатъ будетъ одинъ и тотъ же. Я уже былъ у губернатора по вашему порученію и знаю, какъ онъ смотритъ на Ваше дѣло. Простите меня, Ольга Ивановна, если я предложу вамъ одинъ вопросъ, который лежитъ у меня на душѣ тяжелымъ камнемъ: когда вы были въ Москвѣ, не нанимали ли вы кромѣ Сокольнической дачи, еще другой въ деревнѣ N, и не ѣздили ли туда провести время съ обществомъ или съ Лидскимъ?

Ольга Ивановна посмотрѣла вопросительно на Кирсанова и затѣмъ отвѣчала: съ Лидскимъ я никогда и нигуда не ѣздила вдвоемъ, другой дачи въ деревнѣ N не нанимала, да и не знаю, есть ли еще такая деревня. Но что значитъ вашъ вопросъ?

— Ради Бога, простите меня, Ольга Ивановна; зная васъ, я заранѣе былъ увѣренъ въ отвѣтъ, но этотъ вопросъ мнѣ нуженъ былъ для вашей же будущности. Кирсановъ на минуту задумался и потомъ продолжалъ: Ребе — ужасные люди: или они на васъ солгали губернатору, или купили какую нибудь женщину называться вашимъ именемъ. Такое обстоятельство весьма важно.

— Я васъ не понимаю, Дмитрій Ивановичъ.

— Когда я былъ у губернатора, онъ мнѣ сказалъ, что вы, кромѣ Сокольнической дачи, нанимали еще дачу въ деревнѣ N и ѣздили туда кутить съ Лидскимъ и съ другими молодыми людьми. Простите великодушно, если я вамъ слова губернатора передаю буквально: это весьма важно по послѣдствіямъ, притомъ же вы должны смотрѣть на меня, какъ на вашего адвоката, съ которымъ не церемонятся.

— Что же, что же, — заговорила съ нетерпѣніемъ Ольга Ивановна, — продолжайте, я васъ слушаю со вниманіемъ.

— Я ужъ сказалъ свое мнѣніе: или Ребе сказали губернатору безчестную клевету, или убѣдили за деньги какую нибудь недостойную женщину нанять дачу въ деревнѣ N и ѣздить туда подъ вашимъ пменемъ.

— И въ рукахъ такихъ людей моя дочь, моя милая Китенька! Не права ли я въ моихъ опасеніяхъ на счетъ ея жизни? Я должна вырвать ее непременно изъ рукъ преступныхъ Ребе. Сію же минуту сама поѣду къ губернатору, объясню ему все и буду просить его отдать мнѣ дочь мою.

— Это едва ли не самое лучшее, что можно было только придумать.

Ольга Ивановна приказала заложить карету, одѣлась въ глубокой трауръ и отправилась къ губернатору.

Она вошла въ приемную губернатора, гдѣ ждали его челоѣкъ двадцать съ прошеніями. Прошло добрыхъ полчаса времени, прежде нежели вышелъ губернаторъ къ просителямъ. Къ первой подошелъ онъ къ Ольгѣ Ивановнѣ и спросилъ ее надменно: кто вы и что вамъ угодно?

— Я вдова умершаго Федора Константиновича Сатрашьева, пріѣхала просить у васъ милости: прикажите гг. Ребе отдать мнѣ дочь мою.

Губернаторъ, молча и съ пренебреженіемъ осматривая съ ногъ до головы Ольгу Ивановну, наконецъ сказалъ ей весьма рѣзко и съ разстановками: «я не могу исполнить вашей просьбы во первыхъ потому, что дочь ваша у гг. Ребе находится по духовному завѣщанію вашего мужа, а во вторыхъ потому, что имѣю на это свои причины».

Напрасно Ольга Ивановна, забывъ все ее окружающее, упала къ ногамъ его, обнимала его колѣна и съ воплемъ отчаянія просила у губернатора свою дочь. Онъ былъ нѣмъ и глухъ къ ея воплямъ и отстраняясь отъ нея, сказалъ: *вашей просьбы я не исполню, жалуйтесь на меня кому угодно.*

То были страшныя слова со стороны губернатора! Сознавая свою власть, увѣренный въ своемъ могуществѣ и убѣжденный въ силѣ своихъ связей— онъ одинъ понималъ значеніе словъ своихъ, сказанныхъ Ольгѣ Ивановнѣ: *«жалуйтесь на меня»*. Губернаторъ думалъ, что жалоба на него куда бы то ни было, будетъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ; — на этотъ разъ онъ ошибся. За Ольгу Ивановну вступалось Провидѣніе и разрѣшеніе многоразличныхъ юридическихъ вопросовъ брало на себя.

Съ видомъ помѣшавшейся, пріѣхала она въ домъ свой и сказала съ отчаяніемъ Кирсанову, задыхаясь отъ сухаго кашля: все кончено! Губернаторъ отказалъ отдать мнѣ моего ребенка.

— Не сладить намъ съ этимъ дѣломъ, сказалъ грустно Кирсановъ, нужно поручить его Петру Алексѣвичу Саханову, тѣмъ больше, что я чрезъ нѣсколько дней долженъ выѣхать отсюда по службѣ.

Теперь я долженъ читателя ознакомить съ Сахановымъ. Онъ слылъ въ городѣ за чудака, чтобы не сказать больше: за сумасшедшаго. Адвокатъ въ душѣ, онъ любилъ дѣло, какъ художникъ любитъ свое произведеніе: но въ немъ былъ страшный недостатокъ—онъ нелегко подчинялся чуждому убѣжденію и бралъ на себя только тѣ дѣла, по которымъ получилъ личныя убѣжденія. За то, если онъ

уже бралъ на свои руки дѣло, не было энегичнѣе челоуѣка. Препятствія, раздражая его, давали ему часто сверхъестественную силу и онъ выигрывалъ дѣла невозможныя. Взявши на себя дѣло, онъ былъ преданъ ему душою и тѣломъ, думалъ и заботился о немъ больше, чѣмъ о самомъ себѣ и о своихъ матеріальныхъ разсчетахъ. Отъ этого въ обществѣ сформировалось для него названіе рыцаря. Намъ кажется, что онъ былъ въ иѣкоторомъ родѣ Донъ Кихоть. Хотя онъ сражался и не съ призраками, но результатъ борьбы его, для него лично, былъ не болѣе, какъ призракъ. Товарищи Саханова по одинаковому съ нимъ занятіямъ наживали себѣ дома, покупали имѣнія, а онъ все жилъ въ своемъ небольшомъ домикѣ, доставшемся ему по наслѣдству и, кажется, не замѣчалъ ни увеличивающагося богатства другихъ, ни своихъ собственныхъ матеріальныхъ недостатковъ. Въ дѣлѣ истины, до глубины горячій, онъ нажилъ себѣ нерасположеніе всѣхъ мѣстныхъ властей, начиная отъ губернатора, и часто, смѣясь въ глубинѣ души надъ ихъ мелкими интригами и подлостями, онъ выигрывалъ справедливыя дѣла, или въ высшихъ инстанціяхъ, или у высшихъ лицъ. Въ Россіи много еще людей истинно благородныхъ и сочувствующихъ всему честному и справедливому! Чтобы искать защиты въ законномъ дѣлѣ у высшихъ мѣстъ и лицъ, ему

нужно было часто отлучаться отъ своего семейства и дѣлать поѣздки, а вмѣстѣ съ поѣздками, тратить деньги на разѣзды и на житье. Изъ такого образа дѣйствій выходило часто, что въ матеріальныхъ расчетахъ по чужимъ дѣламъ, онъ добавлялъ свои деньги, а за нимъ оставалась только одна слава. Между тѣмъ, по своимъ дѣламъ онъ могъ достигать почти того же результата другими средствами — правда, немножко подленькими, на примѣръ: поклонцемъ, подаркомъ, взятками, но ему этого не хотѣлось! Въ нынѣшній положительный, коммерческій вѣкъ, какъ вы назовете подобный образъ дѣйствій, если не *донкихотствомъ*?

Кирсановъ не былъ друженъ съ Сахановымъ; онъ только зналъ его, какъ весь городъ, за чудака, человѣка честнаго и знающаго свое дѣло. Сахановъ очень друженъ не былъ ни съ кѣмъ. Онъ рѣдко посѣщалъ общество, или потому, что очень былъ занятъ, или потому, что просто не хотѣлъ посѣщать его. Впрочемъ Кирсановъ съ Сахановымъ встрѣчались въ присутственныхъ мѣстахъ и уважали другъ друга.

На другой день послѣ личнаго объясненія Ольги Ивановны съ губернаторомъ, Кирсановъ сидѣлъ у Саханова въ кабинетѣ, заваленномъ кучею бумагъ въ страшномъ безпорядкѣ, и, совѣтуясь съ нимъ по дѣлу Ольги Ивановны, читалъ ему два духов-

ныхъ завѣщанія покойнаго ея мужа, слѣдующаго содержанія:

ПЕРВОЕ ЗАВѢЩАНІЕ:

»Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Я, нижеподписавшійся потомственный дворянинъ коллежскіи ассессоръ Ѳеодоръ Константиновъ Са-трапьевъ, будучи въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, по праву, даруемому закономъ, призналъ за благо на случай смерти моей, могущей постигнуть каждаго на землѣ внезапно, учинить нижеслѣдующее распоряженіе о малолѣтней дочери моей Екательинѣ и объ остающемся послѣ меня недвижимомъ и движимомъ имѣніи; каковое завѣщаніе по смерти моей долженствуетъ быть исполнено по всей его точности, безъ малѣйшаго измѣненія. *Первое.* По несчастному поведенію и поступкамъ жены моей Ольги Ивановой, рожденной Тамплъ, возникши, со стороны моей, дѣла въ духовномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ, о незаконной связи ея съ сторонними лицами, чрезъ что, въ отсутствіе мое въ Саратовскую губернію, сдѣлалась жена беременною; въ слѣдствіе чего, если эта беременность не будетъ имѣть послѣдствіемъ рожденіе чуждаго мнѣ младенца, то я, по долгу христіанина, имѣющаго пред-стать съ женою моею на судъ одного Всемогущаго

Творца нашего, уполномочиваю избранных мною къ дочери моей душеприкащиковъ, ниже сего означенныхъ, прекратить навсегда все упомянутыя дѣла; но если рожденіе чуждаго мнѣ младенца совершится подъ именемъ моихъ, въ такомъ случаѣ, для огражденія правъ законнорожденной дочери моей Екатерины, прошу душеприкащиковъ моихъ, по силѣ законовъ, продолжать начатыя мною дѣла, со всемъ отеческимъ попеченіемъ о дочери моей Екатерины, и не оставить снискать ей правосудія въ имуществѣ ея у самого Высоко-монаршаго престола Государя Императора. За симъ рѣшительно отстраняю жену мою Ольгу Ивановну отъ опекуинства надъ имѣніемъ, достоящимся дочери моей, и отъ всякаго вліянія на личность означенной дочери моей, по воспитанію и образованію ея, равно лишаю ее права на участіе въ полученіи благопріюбрѣтеннаго и движимаго моего имѣнія, въ чемъ бы оно ни заключалось; наконецъ, не имѣя права отстранить жену мою отъ полученія указной части изъ родоваго имѣнія моего, я убѣждаю ее однако же приписать принадлежащую ей седьмую часть 114 душъ, записанныхъ за мною по послѣдней ревизіи въ деревнѣ Старой, М. уѣзда, Саратовской губерніи, съ причитающимися по количеству душъ прочаго имѣнія моего, пропорціямъ земли, лежащей къ рубежу сосѣдственныхъ, по плану генеральнаго межеванія,

деревень, — помѣщика Дмитрія Михайловича Эммануилова и брата моего коллежскаго совѣтника Михаила Константиновича Сатрапьева. Это требую я сколько для исполненія Высочайшихъ правилъ межевыхъ, о прекращеніи черезполосныхъ владѣній, столько же и потому, что я на собственные деньги купилъ на имя жены моей многоцѣнный домъ и покушкою этого дома, омеблированіемъ комнатъ и другими украшеніями обременилъ имѣніе мое частными долгами, о коихъ для душеприкащиковъ надѣюсь приложить особый реэстръ и которые обще съ долгами опекунскому совѣту по залогу имѣнія, сколько по расчету душъ причтется, должны упасть и на упомянутую часть жены моей. *Второе.* Устранивъ такимъ образомъ жену мою, дозволенными законами средствами, отъ вліянія надъ дочерью моею Екатериною и имѣніемъ ея, я, по существу малолѣтства ея, ввѣряю эту дочь мою, единственную послѣ меня законную наслѣдницу, родной сестрѣ моей Ѳедосѣ Константиновнѣ, по мужѣ статской совѣтницѣ Ребе, въ полное отеческое попеченіе; прошу ее воспитать дочь мою въ строгихъ христіанскихъ правилахъ и дать ей нравственное и свѣтское образованіе, по указаннымъ отъ премудраго Августѣйшаго нашего Монарха правиламъ; дочери же моей вмѣняю въ священную обязанность ея, по пришествіи въ надлежащія лѣта, почитать и пови-

новаться заступающей мѣсто мое, сестрѣ моей Оедосьѣ Константиновнѣ Ребе, и безъ ея согласія не вступать въ самый бракъ. Если же сестра моя, сверхъ чаянія, умретъ, тогда участь дочери моей ввѣряю августѣйшей Покровительницѣ сирыхъ и всеподданнѣйше прошу помѣститъ ее пансіонеркою въ Смольный Монастырь, гдѣ она, до совершеннолѣтія ея, будетъ ограждена отъ всѣхъ примѣровъ неприличнаго и несчастнаго поведенія матери ея. *Третье.* За исключеніемъ указной части жены моей Ольги Ивановны, все родовое и благопріобрѣтенное имѣніе мое должно принадлежать упомянутой дочери моей Екатеринѣ на правилахъ, нижеозначенныхъ въ 4 пунктѣ, который заключается въ томъ, что поелику по обязанности моей и брата моего Михаила Константиновича Сатрапьева лежитъ обезпечить участь дѣтей сестры нашей Оедосьи Константиновны Ребе, то, во исполненіе столь священной обязанности, на воспитаніе сыновей ея Виктора и Михаила и дочери Лидіи, назначаю производить изъ доходовъ съ имѣнія моего то, что потребуетъ плата, опредѣленная въ казенныхъ заведеніяхъ, въ которыя они поступятъ, и сверхъ того отдѣлять, въ продолженіи 14 лѣтъ, изъ доходовъ ежегодно по 3500 р. сер. въ кредитныя установленія для приращенія изъ процентовъ, — всѣмъ поровну. Эту мѣру я завѣщаю потому, чтобы не разстроитъ имѣ-

ніе дочери моей отдѣломъ благопріобрѣтениаго и движимаго моего имѣнія, коимъ я могу распоряжаться неограниченно, и дать тѣмъ легкіе способы душеприкащикамъ для блага дочери моей, исполнить данное имъ святое слово, равно наградить нижеозначенныхъ дворовыхъ людей и крестьянъ моихъ, увольняемыхъ мною на волю, за заслуги ихъ, денежною суммою. *Пятое.* Построеніе начатаго въ моемъ селѣ св. храма со всѣмъ приличнымъ благолѣпіемъ, которое я предполагалъ, прошу я душеприкащиковъ продолжать изъ доходовъ съ имѣнія, въ чемъ конечно правительство не воспретитъ имъ. Святые иконы прошу заказать въ Московскомъ натурномъ классѣ по совѣту знающаго г. профессора, и чтобы оныя подъ его личнымъ надзоромъ были исполнены. *Шестое.* Предоставляю гг. душеприкащикамъ, по смерти моей, отпустить вѣчно на волю камердинера моего Тимоою Захарова съ женою, всѣмъ его семействомъ и съ рожденными отъ нихъ дѣтьми, равно дворовыхъ людей: Матвѣя Васильева и Никифора Поликтова съ женою его и со всѣми дѣтьми; Василья Николаева съ женою и дочерью; Сергѣя Семенова съ женою, дочерью и сыномъ; Андрея Лукина и Меркула Иванова холостыхъ, съ тѣмъ, что если Тимоою Захаровъ и Никифоръ Поликтовъ будутъ служить на томъ же основаніи, какъ и при мнѣ, т. е. съ полученіемъ

того же жалованья и съ тою же ревностію и усердіемъ къ дочери моей, до совершеннолѣтія ея, прослужать, то выдать имъ въ награду каждому по 3 т. р. сер. и прочимъ совершеннолѣтнимъ холостымъ людямъ отпускаемымъ мною по 350 р. сер. каждому. *Седьмое.* Если я въ жизнь свою не успѣю продать, или совершить акта на таковую продажу свободного отъ всякаго залога и запрещенія участка земли съ лѣсомъ, состоящаго при деревнѣ М., М. уѣзда Саратовской губерніи, то прошу моихъ гг. душеприкащиковъ помянутый участокъ немедленно продать по смерти моей, въ цѣломъ ли составѣ, или по частямъ, какъ найдутъ они удобнѣе, и вырученною суммою уплатить всѣ частныя мои долги, и если окажется остатокъ, то внести въ кредитное установленіе, для употребленія, съ разрѣшенія дворянской опеки, въ особомъ несчастномъ случаѣ неурожая, пожара и тому подобнаго въ пользу имѣнія дочери моей. *Восьмое.* Картины, удержанныя въ домѣ жены моей, работы Рубенса, и другія взятыя мною у статскаго совѣтника Василія Ивановича Плугина, прошу гг. душеприкащиковъ, истребовавъ отъ жены моей, возвратить по принадлежности г. Плугину, ибо это есть собственность его, ввѣренная мнѣ по дружбѣ его, для одного помѣщенія. *Девятое.* Къ исполненію сего моего завѣщанія избираю душеприкащиками зятя мо-

его статскаго совѣтника Эдуарда Карловича Ребе и роднаго брата моего коллежскаго совѣтника Михаила Константиновича Сатрапьева, которыхъ назначаю единственными опекунами и попечителями надъ дочерью моею Екатериною и имѣніемъ ея въ томъ святомъ упованіи, что попечительностію ихъ все мои дѣла устроятся лучшимъ образомъ и благосостояніе дочери моей будетъ, по пришествіи ея въ совершенныя лѣта, въ цвѣтущемъ состояніи. Симъ и душеприкащикамъ и опекунамъ предоставляю по совѣсти объявлять также цѣну имѣній моихъ для удовлетворенія казны пошлинами и все подробности о состояніи имѣній моихъ, равно исполнить также особыя назначенія, рукою моею писанныя. Сентября. . дня 18. . года. Завѣщаніе сіе по волѣ завѣщателя писалъ коллежскій регистраторъ Филиппъ Назаровъ Оеклистовъ. Къ сему духовному завѣщанію коллежскій ассессоръ Федоръ Константиновъ Сатрапьевъ руку приложилъ. Что сіе духовное завѣщаніе точно подписано рукою коллежскаго ассессора Федора Константиновича Сатрапьева и составлено въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, въ этомъ по личной его просьбѣ свидѣтельствуя, подписуюсь священникъ Оеоктистъ Знаменскій. Въ томъ же свидѣтельствую, подписью удостоверяю дѣйствительный статскій совѣтникъ камергеръ и кавалеръ Александръ Ивановъ Ненаро-

комовъ. Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь статскій совѣтникъ и кавалеръ Петръ Александровъ Голубевъ». Сіе завѣщаніе хранилось въ Московскомъ Попечительномъ Комитетѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и по смерти завѣщателя коллежскаго ассессора Оедора Константиновича Сатрапьева распечатано и слушано 8-го числа октября 18. . года.

ВТОРОЕ ЗАВѢЩАНІЕ:

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Въ дополненіе къ прежнему моему духовному завѣщанію, отданному на сохраненіе въ Попечительномъ Комитетѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, нынѣ предъ дверями гроба, находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, завѣщаю исполнить послѣднюю волю мою, состоящую въ послѣдующемъ: 1) все долги частнымъ лицамъ, на которые законныхъ актовъ не сдѣлано, но которые извѣстны зятю моему статскому совѣтнику Эдуарду Карловичу Ребе, безъ всякихъ опроверженій сполна уплатить; 2) находящагося у меня въ услуженіи вольноотпущеннаго Василия Ефремова, буде онъ пожелаетъ, оставить на службѣ при дочери моей, на томъ же основаніи, какъ и нынѣ, съ тѣмъ же жалованьемъ 8 руб. 60 коп. сер. въ мѣ-

сящъ; 3) Находящемуся у меня въ услуженіи крѣпостному моему дворовому человѣку Тимоѣю Захарову отдать все мною носимое платье, шубы и мои золотые часы; 4) Всѣ книги богословскаго содержанія, находящіяся здѣсь и въ имѣніи моемъ, передать духовнику моему священнику Θεоктисту Знаменскому, а брату моему Михаилу Константиновичу Сатрапьеву выбрать предоставляю изъ библіотеки моей всѣ тѣ книги, какія онъ самъ пожелаетъ; 5) Всѣ принадлежащія мнѣ св. иконы отдаю родной сестрѣ моей статской совѣтницѣ Федосѣ Константиновѣ Ребе, исключая иконъ Святаго Семейства и нерукотвореннаго Спаса, которыми благословила меня моя покойная мать. Ей же сестрѣ моей отдаю лошадей моихъ, всѣ мои экипажи и всю движимость, которая находится здѣсь нынѣ при мнѣ, равно всю мою мебель, находящуюся въ нижнемъ этажѣ дома жены моей Ольги Сатрапьевой; 6) Всю картинную мою галерею, находящуюся какъ въ домѣ жены моей, такъ и въ имѣніи моемъ, равно и фамилыные портреты, передаю въ собственность зятю моему Эдуарду Карловичу Ребе; 7) Ружья мои и всякое оружіе отдаю брату моему Михаилу Константиновичу. Сіе домашнее завѣщаніе писалъ со словъ завѣщателя коллежскаго ассессора Федора Константиновича Сатрапьева статскій совѣтникъ и кавалеръ Петръ Александровъ Голубевъ

18. . года сентябрю 27 дня. Коллежскій ассессоръ Оедоръ Константиновъ Сатрапьевъ. Что сіе духовное завѣщаніе писано и рукою Оедора Константиновича Сатрапьева въ здоровомъ его умѣ и твердой памяти подписано, въ томъ свидѣтельствуя подписуюсь священникъ Оедоръ Разумовскій. Въ томъ же свидѣтельствую Дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ивановъ Пепарокомовъ; въ томъ же свидѣтельствую Надворный совѣтникъ и кавалеръ Алексѣй Ивановъ Легкій.»

— Какое ваше мнѣніе, Петръ Алексѣевичъ, противъ этихъ двухъ духовныхъ завѣщаній?—спросилъ Кирсановъ.

— Я вамъ скажу, что они оба незаконны, — отвѣчалъ Сахановъ: *первое* потому, что родительская власть надъ дѣтьми прекращается по закону или смертію, или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, и то, въ последнемъ случаѣ, тогда только, когда дѣти не послѣдуютъ за родителями; *второе*—дочь Сатрапьева малолѣтняя, и дворянская опека не допустить ограбить ее Ребе по бездокументальнымъ долгамъ. Бездокументальные долги — не долги по закону.

— Не можете ли вы, Петръ Алексѣевичъ, взяться за это дѣло?

— Не могу, — отвѣчалъ Сахановъ, это дѣло пользуется такою грязною извѣстностью, что нельзя

за него взяться. — Кто изъ нихъ правъ, мужъ или жена — извѣстно только одному Богу.

— Въ томъ-то вся и сила, что вы совсѣмъ не знаете этого дѣла. Тутъ невиноваты ни мужъ, ни жена, а виновата интрига Ребе. И Кирсановъ разсказалъ всю исторію этой интриги.

Сахановъ слушалъ съ волненіемъ, но когда Кирсановъ кончилъ разсказъ, Сахановъ былъ уже совершенно спокоенъ и сказалъ хладнокровно Кирсанову: всѣ точно такъ защищаютъ и оправдываютъ себя, я не возьмусь за это дѣло. Все, что я могу для васъ сдѣлать — это поговорить съ товарищемъ предсѣдателя палаты княземъ О... Вы его не знаете, онъ поступилъ безъ васъ. Съ княземъ можно говорить: онъ человѣкъ благородный, благонамѣренный, просвѣщенный и честный; а вы между прочимъ поторопитесь предъявить споръ противъ обонхъ завѣщаній, на тѣхъ основаніяхъ, которыя я высказалъ. Можетъ быть найдете и другія еще основанія.

— Не можете ли вы, по крайней мѣрѣ, помочь несчастной Ольгѣ Ивановнѣ, время отъ времени, составленіемъ ей нужныхъ бумагъ? помогите ей во имя ея ребенка: у васъ есть свои дѣти, Петръ Алексѣевичъ.

Сахановъ крѣпко задумался. Помолчавъ долгое время, онъ сказалъ какъ бы нехотя:—извольте, это я для васъ сдѣлаю. Вотъ ребенокъ-то тутъ вмѣ-

шался; ужъ какая бы мать ни была, все ребенку лучше жить у матери, нежели у такихъ людей, какъ Ребе, я знаю ихъ какъ друзей Оеклистова — тутъ все сказано.

— Слѣдовательно я могу васъ рекомендовать Ольгѣ Ивановнѣ. Это ее очень успокоитъ, потому что я, по службѣ, больше недѣли еще здѣсь жить не могу. Поѣдьте теперь, я васъ представляю.

— Нынче не могу, а завтра утромъ въ какомъ угодно часу, я къ вашимъ услугамъ,—и Сахановъ зѣвнулъ съ чрезвычайно лѣнивымъ видомъ. Кирсановъ понялъ, что всякое повтореніе, съ его стороны, просьбы было бы нустословіемъ. Онъ пожалъ лѣнивому Саханову руку и ушелъ довольный тѣмъ, что могъ сдѣлать хотя что нибудь полезное для Ольги Ивановны съ такимъ страннымъ человѣкомъ.

Перенесемтесь снова въ гражданскую палату. Приемная ея полна народа; тотъ же шумъ и говоръ и тѣ же лица, не смотря на то, что прошло двѣ недѣли, какъ мы въ ней были. Вотъ стоитъ оглашенный, вотъ сидитъ и тотъ, у котораго пропадаютъ полтинники. Интересно было бы знать, кончились ли ихъ дѣла, но они далеко другъ отъ друга и не разговариваютъ между собою. Притомъ же насъ занимаетъ свое дѣло — дѣло несчастной Ольги Ивановны. Оно въ этотъ день назначено къ слушанію.

На главномъ мѣстѣ сидитъ предсѣдатель *Мерт-
вый*, по правую отъ него сторону товарищъ пред-
сѣдателя, молодой брюнетъ, лѣтъ двадцати шести,
полный, краснощекій, съ очень добрымъ и симпатич-
нымъ выраженіемъ въ лицѣ, князь О...; по лѣвую
сторону сидитъ засѣдатель О., человѣкъ не пользо-
вавшійся хорошей репутаціей; рядомъ съ нимъ си-
дитъ другой засѣдатель В., молодой человѣкъ, но въ
парикѣ, съ умнымъ и блѣднымъ лицомъ — онъ
рѣзко отдѣляется отъ прочихъ; кажется, онъ не на
своемъ мѣстѣ, его мѣсто скорѣй на кафедрѣ въ
университетѣ. Рядомъ съ В. засѣдатель отъ купе-
чества *Живой*. Въ палаты фамиліи предсѣдателя и
засѣдателя отъ купечества вѣрны. У предсѣдателя
финансовыя дѣла плохи, у засѣдателя отъ купечества
напротивъ очень хороши; но въ палатѣ фамиліи ихъ
нравственно мѣняются. Мертвый въ роли Живаго,
а Живой въ роли Мертваго. Всѣ эти лица сидятъ
молча и слушаютъ со вниманіемъ докладъ, заготов-
ленный секретаремъ, слѣдующаго содержанія: слу-
шаны — *во первыхъ*, прошеніе статскаго совѣтника
Эдуарда Ребе и коллежскаго совѣтника Михаила Са-
трапьева, при которомъ представлены къ засвидѣ-
тельствуванію два духовныхъ завѣщанія умершаго
коллежскаго assessора Оедора Сатрапьева, въ ка-
ковыхъ завѣщаніяхъ значится — (прописаны слово
въ слово въ докладѣ оба завѣщанія, которыя мы

уже знаемъ); *во вторыхъ*, прошеніе повѣреннаго жены умершаго коллежскаго ассессора Ѳедора Сатрапьева Ольги Ивановой — коллежскаго ассессора Дмитрія Кирсанова, который, предъявивъ споръ, опровергаетъ *первое духовное завѣщаніе* указами 1720 августа 16, 1753 марта 29, 1766 августа 23, 1782 апрѣля 8, 1802 ноября 18, 1822 октября 11 и 1824 мая 14, по смыслу которыхъ личная родительская власть надъ дѣтьми прекращается единственно смертію или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; *второе духовное завѣщаніе* опровергаетъ тѣмъ, что ежели имѣніе малолѣтняго отягощено долгами, то *опекунъ старается удовлетворить только неоспоримыя требованія*, а о долгахъ бездокументныхъ и рѣчи нѣтъ, и ссылается на указъ 1775 года ноября 7. Определено: «такъ какъ на основаніи указа 1831 октября 1 § 22, явкою завѣщанія въ судѣ и запискою его въ книгѣ удостоверяется только подлинность завѣщанія, но не утверждается въ томъ законность содержащихся въ немъ распоряженій, то представленное къ явкѣ духовное завѣщаніе умершаго коллежскаго ассессора Ѳедора Сатрапьева, согласно съ существующими законами и формами, утвердить; повѣренному г-жѣ Сатрапьевой коллежскому ассессору Кирсанову въ его прошеніи отказать; о чемъ и объявить ему по мѣ-

сту жительства, съ возвращеніемъ документовъ, представленныхъ имъ при прошеніи.

— Будемъ собирать голоса по порядку, сказалъ председатель. Что вы скажете, г. *Живой*?

— Я совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ.

— Но я еще не высказалъ своего мнѣнія; впрочемъ, все таки благодарю васъ за то нравственное довѣріе, которое вы имѣете къ моему мнѣнію, хотя еще и невысказанному.

Живой всталъ и поклонился председателю. — Засѣдатель въ парикѣ крѣпко хотѣлось засмѣяться, но онъ удержался.

— По моему мнѣнію, сказалъ засѣдатель въ парикѣ, опредѣленіе гражданской палаты совершенно вѣрно; духовное завѣщаніе Сатрапьевой слѣдуетъ утвердить въ формахъ, кромѣ распоряженій о жилиществѣ малолѣтней у посторонняго лица, а не у матери — это пунктъ незаконный; его нужно уничтожить, а прочіе пункты, какъ законные, утвердить.

— Я совершенно согласенъ съ вами, сказалъ товарищъ председателя. Нельзя лишать мать правъ ея надъ своимъ ребенкомъ.

— Но какую мать, сказалъ съ жаромъ председатель — безпутную!

— По дѣлу этого не видно. Я знаю, что повѣренный Сатрапьевой, подавая мнѣ прошеніе, пред—

ставилъ при прошеніи кошію съ опредѣленія епархіальнаго начальства. Я прочелъ со вниманіемъ это опредѣленіе, и очень хорошо помню, что г. Сатрапѣва фактически признала невинною во всѣхъ клеветахъ, взводимыхъ на нее мужемъ. Не понимаю, какъ можно было такое важное обстоятельство не помѣстить въ докладъ, сказалъ товарищъ председателя, обращаясь къ секретарю.

— Я не приказалъ, сказалъ съ гордостью председатель.

— Вы совершенно справедливо изволили поступить. Обстоятельство это относится къ существу дѣла, а не къ формамъ; а потому нѣтъ никакой надобности вносить его въ докладъ, сказалъ сладенькимъ голосомъ засѣдатель О.

— Я не знаю, да и знать не хочу, къ чему тамъ относится по вашему, къ существу или къ формамъ, только такъ приказано сдѣлать его превосходительствомъ. Поэтому докладъ составленъ вѣрно и я его вполне одобряю.

— Но я не могу согласиться на засвидѣтельствованіе того пункта, по которому ребенокъ отлучается отъ матери — нельзя по закону, сказалъ князь О.

— Но я вамъ сказалъ, что мать безпутная, возразилъ Мертвый.

— А я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, что я по дѣлу этого не вижу; притомъ же позвольте вамъ замѣтить, что и незаконныя дѣти у насъ въ Россіи живутъ при своихъ матеряхъ, воспитываются ими и пишутся съ ними неразлучно во всѣхъ документахъ.

— Можетъ быть, и вы, князь, и господинъ В. совершенно правы, но что же дѣлать? вы знаете, чья тутъ воля.

Бѣдный В. вспыхнулъ отъ негодованія, но подавляя въ себѣ всякое чувство, сказалъ тихо, что онъ согласенъ подписать докладъ по волѣ губернатора. Князь же, не говоря ни слова, вышелъ изъ дверей присутствія.

У самыхъ дверей присутствія встрѣтилъ его Сахановъ и сказалъ князю: сегодня слушается дѣло по духовнымъ завѣщаніямъ Сатрапьева. Неужели вы утверждаете эти сумасшедшія завѣщанія?

Князь встревожился. Онъ зналъ Саханова за очень дѣльнаго человѣка.

— Почему жъ не утвердить? Гражданская налата маклерская контора—не больше. Наше дѣло только дознать, точно ли духовное завѣщаніе подписано Сатрапьевымъ и тѣми свидѣтелями, которые въ немъ значатся, и если это такъ, то мы должны засвидѣтельствовать; *до остальнаго намъ дѣла нѣтъ.*

— После того, что вы сказали князь возразилъ Сахановъ можно слѣдовательно завѣщевать и уголовныя преступленія: вамъ до этого нужды нѣтъ; были бы только соблюдены формы, т. е. было бы завѣщаніе подписано завѣщателемъ и свидѣтелями—вы засвидѣльствуете завѣщаніе. Вамъ дѣла нѣтъ, что съ засвидѣтельствомъ духовныхъ завѣщаній дается такъ много права? Вотъ и въ настоящемъ дѣлѣ вамъ дѣла нѣтъ, что вслѣдствіе засвидѣтельствованія двухъ завѣщаній Сатрапьева, отдадутъ не только имѣніе ребенка, но и самую жизнь его на попеченіе людей, которымъ по смерти этого ребенка должно достаться огромное его состояніе? Вамъ дѣла нѣтъ, что вслѣдствіе засвидѣтельствованія этихъ завѣщаній, отрываютъ ребенка отъ груди матери, лишая ее правъ, дарованныхъ ей законами естественными, церковными и гражданскими? Тоска ребенка по матери и отчаяніе матери къ формамъ не относятся! Вамъ до нихъ дѣла нѣтъ. Но, послушайте, князь!.. кромѣ вашей палаты и кромѣ вашего губернатора есть еще другой судъ, выше того и другаго. Откажитесь, пожалуйста, отъ вашихъ словъ, они на васъ не похожи; вы воспитаны совсѣмъ подъ другими началами; вы не подъячій ни по воспитанію, ни по роду. Какъ человѣкъ просвѣщенный, можете ли вы не согласиться, что дѣло, какъ человѣкъ, имѣетъ свою душу и тѣло? Вы смо-

трите только на однѣ виѣшнія формы, на одно тѣло, и забываете внутреннюю сторону дѣла. Духъ законодательства составляетъ жизнь народовъ, онъ спасаетъ честность и невинность, а формы, когда захочется *нѣкоторыми* чиновникамъ, для ихъ личныхъ выгодъ, могутъ попридавить и то и другое. Не будьте же, князь, въ числѣ этихъ *нѣкоторыхъ*— будьте прежде всего человекомъ, а потомъ уже чиновникомъ.

— Что же мнѣ дѣлать? воскликнулъ князь съ неподдѣльнымъ чувствомъ: вы знаете, кто этого хочетъ? Плетью обуха не перешибешь, г. Сахановъ!

Бѣдная Ольга Ивановна! думалъ Сахановъ. Вижу я, что еще долго, а можетъ быть и никогда, не отдадутъ тебѣ дитя твое! И долго и много придется тебѣ еще страдать за него! По совѣсти если ты даже и неправа противъ мужа, то дорого платишь за вину свою. Скучно до смерти! откажусь отъ этого тяжелаго дѣла и уѣду въ Саратовскую губернію по своимъ дѣламъ; можетъ быть, Ольгѣ Ивановнѣ поможетъ пріѣхавшій къ ней троюродный братъ ея Ботовъ. Онъ кончилъ курсъ въ Лицее, и служитъ въ министерствѣ. Хотя и очень молодъ, но все долженъ знать сколько нибудь дѣло. Впрочемъ я и теперь сомнѣваюсь, чтобы завѣщанія Сатрапьева утвердила гражданская палата. Это было бы неслыханное дѣло.

Сомнѣнія Саханова были напрасны. Журналъ объ утвержденіи двухъ духовныхъ завѣщаній Ѳедора Константиновича и объ отказѣ въ прошеніи женѣ его былъ подписанъ въ то же засѣданіе всѣми присутствующими безъ исключенія.

ГЛАВА XVIII.

Годъ впередъ.

Троюродный братъ Ольги Ивановны Ботовъ, о которомъ мы упомянули въ предшествующей главѣ, очень горячился, когда объявили его троюродной сестрѣ объ утвержденіи двухъ духовныхъ завѣщаній ея мужа, и убѣдилъ ее подать частную жалобу въ Правительствующій Сенатъ на рѣшеніе палаты; а спора, на законномъ основаніи, въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ, не предъявилъ. Отъ этого произошло то, что г. Ребе съ Михаиломъ Константиновичемъ Сатрапьевымъ были введены во владѣніе завѣщанными имъ имѣніями.

Результатомъ неправильнаго распоряженія палаты, утвердившей завѣщанія Сатрапьева, было то, что малютка Ольги Ивановны цѣлый уже годъ находилась въ рукахъ Ребе. Напрасно она еще раза три ѣздила къ губернатору, говорила о клеветѣ и выдумкѣ на счетъ ея жизни въ деревнѣ, просила про-

известить объ этомъ слѣдствіе, отказывалась отъ всякаго послѣдства послѣ мужа, желая отдать его въ пользу Человѣколюбиваго Общества,—ничто не помогло, губернаторъ былъ немъ и глухъ къ ея просьбамъ. Худо было Ольгѣ Ивановнѣ, тѣмъ болѣе, что на ея счетъ распространялась новая злобѣщая молва. Между ею и Лидскимъ оказались какіе то денежные счета. Послѣдствіями такихъ счетовъ было заемное письмо, выданное ими за обоюднымъ поручительствомъ. Всѣ обвиняли Ольгу Ивановну въ корыстолюбіи и желаніи воспользоваться чужою собственностію; такъ ли это было — не знаю. — Это дѣло, до сихъ поръ, для меня темнее.

За то Эдуарду Карловичу хорошо было! Завѣтныя желанія его осуществлялись. Онъ справедливо могъ думать, что если правительство и уничтожило бы первое духовное завѣщаніе, то у него остаются бездокументальныя долги Федора Константиновича — покажетъ ихъ на миллионъ, и все имѣніе малолѣтней будетъ въ его рукахъ. Если уничтожатъ и второе духовное завѣщаніе, то все таки останутся для него по первому духовному завѣщанію *нѣкоторые шансы* — именно: опека. И Эдуардъ Карловичъ, вѣрный принципу, согласно духовному завѣщанію умершаго Сатрапьева, началъ ходатайствовать въ С. гражданской палатѣ о дозволеніи продать ему лѣсъ М. уѣзда, въ деревнѣ М. — цѣною за 12,000, а

лѣсь, кому неужно, стоилъ 60,000. Нельзя же иначе — онъ опекунъ и ему нужно заботиться объ имѣніи малолѣтной. Онъ и заботился объ имѣніи Катеньки, но только въ свою пользу: что же дѣлать? Не онъ первый, не онъ послѣдній. Весь родъ человѣческій живетъ такъ: *сначала я, потомъ другіе*. Если наконецъ отнимутъ и опеку, могъ думать Ребе, то младенецъ, наслѣдникъ огромныхъ имѣній отца и дяди, у него въ рукахъ — ловкому человѣку можно извернуться и въ такія критическія минуты. Онъ и теперь могъ бы извернуться, но глупая молва очень мѣшаетъ — болтаетъ она очень много о причинахъ смерти Сатрапьева; по смерти же его малолѣтной дочери, вѣроятно, будетъ она болтать еще больше. Чего добраго, притянуть къ слѣдствію и суду, и вмѣсто ожидаемаго наслѣдства достанется на долю одна только скверная исторія и скверныя послѣдствія — слѣдуетъ пообождать.

Какъ бы то ни было, ребенокъ Ольги Ивановны у гг. Ребе живъ и здоровъ. Въ послѣднее время губернаторъ и Ѳеодосья Константиновна съ Эдуардомъ Карловичемъ оказали ей свое *милосердіе*: они дозволили *безпутной* матери видѣться иногда съ ея ребенкомъ, конечно въ домѣ Ребе и въ присутствіи ихъ самихъ.

Чиновники, служащіе въ канцеляріи губернатора,

чуть не написали гимна на великодушіе своего начальника!

Холопы Ѳеодосіи Константиновны умилились до слезъ, слушая проповѣдь Ѳеодосіи Константиновны о безпримѣрной любви ея ко врагамъ своимъ!

Что должна была чувствовать Ольга Ивановна, какъ мать, разлученная съ своимъ единственнымъ ребенкомъ на неопредѣленное время?

Что должна была чувствовать Ольга Ивановна, какъ дочь, когда рассказывала своей матери о своемъ семейномъ разстройствѣ съ мужемъ, о смерти его и о похищеніи у нея дочери, отданной на воспитаніе врагамъ ея?

Я передаю вамъ, благосклонные читатели, фактъ и не смѣю давать воли фантазіи. Я не знаю, какъ передавала Ольга Ивановна своей матери эти событія, и какая была при этомъ сцена, знаю только то, что Ольга Ивановна скрыла отъ своей матери очень много. По крайней мѣрѣ послѣдняя ничего не знала о существованіи грязныхъ бумагъ, по которымъ производилась дѣла у губернатора и въ консисторіи.

Такъ прошло болѣе года. Сколько перестрадала, сколько переживала Ольга Ивановна и горя и униженія, бывая у гг. Ребе для свиданія съ Катенькой — не передать мнѣ вамъ, благосклонные читатели. Много на свѣтѣ въ природѣ такихъ ве-

щей, которыя скорѣй понимаются молчаніемъ, нежели цвѣтистою рѣчью. У предковъ нашихъ сформировалась пословица: «привыкнешь — въ аду живешь» Пословица эта какъ нельзя больше примѣнялась къ Ольгѣ Ивановнѣ, она слишкомъ привыкла къ своимъ несчастіямъ.

Въ одинъ день, около трехъ часовъ по полудни, Ольга Ивановна пріѣхала чрезвычайно разстроенная отъ своего дяди Александра Борисовича (единственное лицо, которое принимало ее). Въ залѣ встрѣтилъ ее Ботовъ.

— Я къ вамъ съ хорошими вѣстями, кузина.

Ольга Ивановна недовѣрчиво на него посмотрѣла. — Вамъ можетъ быть только это кажется, мой милый и добрый ребенокъ.

Ботовъ вспыхнулъ, какъ невинная дѣвушка. — Вы всегда называете меня ребенкомъ, Ольга Ивановна, но право я не ребенокъ.

— Хорошо, хорошо, я вамъ вѣрю, скажите же мнѣ ваши добрыя вѣсти; признаюсь, я утратила всякое вѣрованіе въ такія вѣсти, — сказала Ольга Ивановна и въ волненіи начала ходить по комнатѣ.

— Въ Сенатѣ наконецъ кончилось дѣло въ вашу пользу. Рѣшеніе гражданской палаты объ утвержденіи духовнаго завѣщанія вашего супруга не утверждены Сенатомъ, а велѣно ей войти въ разсмотрѣніе всѣхъ

обстоятельствъ самаго дѣла и затѣмъ уже, не стѣсняясь прежнимъ опредѣленіемъ, составить новое.

— А что Катенька? отдадутъ мнѣ ее? Сенать сказалъ что нибудь объ ней?

— Сенать не входилъ въ разсмотрѣніе этого обстоятельства — онъ обращалъ только свое справедливое вниманіе на существо самаго дѣла.

— Вы мнѣ можете доставить только одну пріятную вѣсть — вѣсть о томъ, что мнѣ отдадутъ моего ребенка; прочія вѣсти, какъ бы онѣ хороши ни были, мало меня занимаютъ. Нынче первый разъ, когда я была у дяди, я поняла, что мнѣ нужна поддержка — мое положеніе ужасно. Презрѣнная клевета, распускаемая Ребе и поддерживаемая неизвѣстно почему губернаторомъ, преслѣдуетъ меня на каждомъ шагѣ. Преданный нашему семейству Кирсановъ — мой любовникъ, Лидскій и вы — тоже. Словомъ, я сдѣлалась предметомъ всеобщихъ разговоровъ и отверженною во всемъ городѣ. Я съ вами откровенна, Николай Ѳеодоровичъ. Никому бы я не высказала того, что слышала отъ дяди, кромѣ васъ, мой добрый ребенокъ.

Ботовъ снова всыхнулъ и сказалъ съ увлеченіемъ, свойственнымъ его двадцатидвухлѣтнему возрасту: Но если бы этотъ ребенокъ предложилъ вамъ поддержку съ своей стороны — чтобы вы на это сказали, Ольга Ивановна?

— Я бы благодарила васъ; притомъ же вы одни только и оказываете мнѣ поддержку. Безъ вашего содѣйствія положеніе мое было бы еще нестерпимѣе.

— Вы уклоняетесь, кузина. Я понялъ, о какой поддержкѣ вы говорили.

Ольга Ивановна, въ свою очередь, вспыхнула.

Ботовъ ухватилъ за колѣна передъ Ольгой Ивановной, схватилъ ея руки, покрылъ ихъ горячими поцѣлуньями и сказалъ, заикаясь на каждомъ словѣ и со слезами на глазахъ: составьте мое счастіе, отдайте мнѣ вашу руку. Вы знаете, какъ я люблю васъ. Если нужно будетъ, я отдамъ охотно за васъ жизнь мою.

Неожиданное предложеніе Ботова смутило Ольгу Ивановну. Она немного отстранилась отъ Ботова, посмотрѣла на него съ нѣжностію и, поднимая его за обѣ руки, сказала: встаньте, Николай Ѳедоровичъ—это смѣшно.

— Любовь моя къ вамъ, Ольга Ивановна—святое чувство. Оно не можетъ быть смѣшнымъ.

— Я вѣрю вашей дружбѣ, вѣрю даже вашей любви и не могу смѣяться надъ такими святыми чувствами. Смѣшно только ваше предложеніе. Вспомните, вамъ только 22 года.

— По вашему мнѣнію, я все еще ребенокъ; но этотъ ребенокъ въ продолженіи года показалъ вамъ, какъ онъ глубоко и какъ истинно васъ любитъ; ва-

ши слезы—были мои слезами, ваши страданія—были мои страданіями. Вы это видѣли, кузина. Въ прекрасныхъ глазахъ вашихъ, я часто видѣлъ и благодарность и симпатію. Вотъ почему я осмѣлился сдѣлать вамъ предложеніе, а вы его приняли такъ холодно, даже съ несмѣшкою. Согласитесь сами, что я заслуживалъ скорѣе сожалѣнія, но не насмѣшку. Я по вашему ребенокъ, пусть и останусь ребенкомъ. Злые люди отняли у васъ вашего ребенка, возьмите до времени меня вмѣсто вашей Катеньки, и когда Богъ и добрые люди помогутъ вамъ вырвать Катиньку изъ рукъ Ребе, выгоньте меня отъ себя, какъ ненужную собаку. Я безъ ропота перенесу свое изгнаніе и буду благословлять васъ и за то короткое время счастья, которымъ вы меня подарите.

Ботовъ плакалъ, а Ольга Ивановна въ волненіи ходила по комнатѣ, потомъ быстро подошла къ нему, придвинула кресла и сѣла съ нимъ рядомъ.

— Выслушайте, Ботовъ, со вниманіемъ, что я скажу вамъ: былъ одинъ человѣкъ, котораго я могла любить, но я отстранилась отъ такой любви, которая въ самой мысли казалась мнѣ преступною. Я была замужемъ, а онъ женатъ — это Лидскій. Силою своей воли, я вытѣснила эту любовь изъ своего сердца. Былъ другой. Мнѣ показалось, что я люблю его, а я его только уважала и теперь ува-

жаю. Это Кирсановъ. Слѣдовательно когда я васъ первый разъ встрѣтила, не выдавши десять лѣтъ, сердце мое было свободно; а встрѣтила я васъ въ горькія минуты моей жизни, когда все отъ меня отстранилось, но вы старались приблизиться. Никакіе городскіе слухи и никакія клеветы на меня на васъ не дѣйствовали; приблизившись ко мнѣ, какъ это было во время нашего обоюднаго дѣтства, вы сдѣлались вполне преданнымъ мнѣ человѣкомъ. Мое слово—было для васъ закономъ. Неужели вы думаете, что я ничего не видала и не цѣнила! Нѣтъ, я все это видѣла, цѣнила, полюбила и теперь люблю васъ, Ботовъ, но быть вашей женой я не могу. За что вы потеряете ваше доброе и честное имя? За что вы сами себя добровольно хотите изгнать изъ общества въ такихъ молодыхъ лѣтахъ? За что вы будете за свою добрую и благородную душу терпѣть униженіе и стыдъ, видя, какъ другіе показываютъ на васъ пальцами! Мы живемъ не на необитаемомъ какомъ нибудь островѣ, мы живемъ въ обществѣ. Въдъ это глубокое несчастіе, котораго не вынесетъ ваша молодая натура, разовьетъ въ васъ сначала недовольство, потомъ охлажденіе и наконецъ презрѣніе къ женѣ.

— Презрѣніе! къ вамъ презрѣніе ангелу по душѣ, по сердцу, поступкамъ! Пусть Богъ меня на—

кажется, если какая нибудь черная мысль на вашъ счетъ войдетъ ко мнѣ въ голову!

— Не божитесь, Ботовъ, я бы имѣла право не вѣрить вашимъ словамъ, но вѣрю вашему сердцу, которое знаю. Клятвы ни къ чему не поведутъ — я не выду за васъ за мужъ.

— Отчего же? спросилъ съ отчаяніемъ Ботовъ.

— Оттого, что нельзя. Общество и ваши родные скажутъ, что я воспользовалась вашею неопытностію, вовлекла васъ въ свои сѣти и вышла за васъ замужъ, чтобы оградить себя отъ прежней своей жизни.

— А что намъ за дѣло до людскихъ пересудовъ и до моихъ братьевъ, если бы они даже и были недовольны моею женитьбою? У меня нѣтъ отца съ матерью, они умерли, но я убѣжденъ, что они съ радостью благословятъ бракъ нашъ.

При послѣднихъ словахъ Ботовъ судорожно схватилъ Ольгу Ивановну и поцѣловалъ ее въ голову.

— Не раскаявайтесь въ послѣдствіяхъ, сказала Ольга Ивановна, рыдая на груди Ботова.

Черезъ полчаса они вошли въ комнаты Екатерины Ивановны и склонившись передъ ней на колѣни, сказали: благословите насъ, мы любимъ другъ друга,

ГЛАВА XIX.

ПЕРВЫЕ МѢСЯЦЫ НОВАГО СУПРУЖЕСТВА.

Ольга Ивановна вторымъ своимъ замужствомъ сдѣлала большую ошибку. Первый мужъ ея, какъ старикъ, не могъ подарить ее такою любовью, къ какой была способна страстная ея натура. За то второй ея мужъ черезчуръ вознаграждалъ ей прошедшее. Талейранъ всегда говорилъ: *поменьше усердія*, а я скажу, въ явное противорѣчіе многимъ знакомымъ мнѣ читательницамъ: *поменьше любви*. Мнѣ не нравятся крайности, на томъ общемъ основаніи, что все излишнее вредно.

Я не могу одобрить поведенія Ольги Ивановны, которая предалась любви къ второму своему мужу со всемъ увлеченіемъ пылкаго ребенка. Ея ничто не извиняло—даже первое замужство, безъ любви и безъ счастья. Горькій опытъ жизни научилъ ее многому, и тотъ, кто прослѣдилъ за ея жизнію, съ трудомъ повѣрилъ бы, чтобы женщина, такъ умно говорившая своему второму мужу передъ свадьбою, такъ ребячески дѣйствовала послѣ свадьбы!

Ольга Ивановна не поняла самой простой вещи, что въ любви должна быть крайняя осторожность. Вѣкамъ замѣчено, что если женщина позволить себѣ глядѣть въ глаза своему мужу, слѣдить за каж-

дымъ его шагомъ, предупреждать каждую его мысль и исполнять каждое его желаніе — даже прихоть — она сдѣлается ему приторною, какъ излишнее лакомство. То же самое и на оборотъ. Оттого въ свѣтѣ часто встрѣчаемъ, что мужъ не любитъ такой жены, которая больше всего достойна любви, и жена не любитъ такого мужа, который боготворить жену. Странно, но справедливо. Не даромъ сердце человѣческое подобно трехъугольнику — вмѣстите въ него весь шаръ земной — все останется пустое пространство, которое ничѣмъ не наполните.

Ольга Ивановна избаловала своего мужа. Еслибы она, какъ умная и опытная женщина, не дала воли своимъ чувствамъ, но подчинила бы ихъ разсудку, — она бы могла дать новому своему мужу хорошее направленіе, но Ботовъ былъ красавецъ съ голубыми глазами; Ольга Ивановна увлеклась Ботовымъ, какъ игрушкою, и испортила свою будущность, какъ увидимъ впоследствии. У Ольги Ивановны былъ расчетъ выйти замужъ. Она была права, когда говорила, что ей нужна поддержка; но избаловавъ мужа, она нешла и не могла найти въ немъ ни какой поддержки.

Предоставленный самому себѣ, безъ руководителя, — Ботовъ ходилъ на слѣпаго безъ провожатаго. На пути къ *счастію* жены своей, онъ шелъ ощупью — и не дошелъ ни до чего. Онъ думалъ, что для

счастія жены довольно только обожать ее; знать желанія ея, исполнять ихъ и не доводить до жены ничего непріятнаго. Конечно такой путь хорошъ для опытнаго человѣка, но для такого неопытнаго юноши, какимъ былъ Ботовъ, такой путь былъ ему не подъ силу — онъ сбился съ него; попалъ на ложную дорогу и — заблудился. Ботова поняла въ послѣдствіи и Ольга Ивановна, но было уже поздно: — Ботовъ не можетъ выдти изъ лабиринта, въ который попалъ нечаянно.

Ольга Ивановна очень любила хорошую зернистую икру. Ботовъ узналъ это, обрадовался открытію и вообразилъ, что для счастія жены своей достаточно, если онъ будетъ умѣть во всякое время купить для нее самой лучшей зернистой икры. Доходило до смѣшнаго..... Часто, когда Ольга Ивановна, подавленная тоскою о своей Катенькѣ, все еще находившейся въ рукахъ враговъ ея, просила мужа своего оградить ее отъ насилія, новый мужъ ея очень горячился и доходилъ до изступленія: въ глазахъ ея — тогда казался онъ рыцаремъ; а нашъ рыцарь былъ самаго смѣшнаго образа. Выйдетъ бывало на свѣтъ Божій иступленно, думаетъ ѣхать къ Ребе и во что бы то ни стало, вырвать Катеньку изъ рукъ ихъ, хотя бы для этого нужно было убить обонхъ Ребе; но пройдетъ какую нибудь версту, пахнетъ на него чистымъ воздухомъ одумаетъ—

ся нашъ Ботовъ и поѣдетъ покупать икру; а пріѣдетъ домой, опять войдетъ въ состояніе изступленія и съ крикомъ говоритъ женѣ, что онъ былъ у Ребе и у губернатора — перваго едва не убилъ, а второй отъ страха ушелъ отъ него въ свой кабинетъ. И лжетъ, бывало, Николай Ѳеодоровичъ, не краснѣетъ! А бѣдная Ольга Ивановна, прильнувши къ устамъ его, не подозрѣвая лжи, довѣрчиво смотритъ ему въ глаза и внутренно благодаритъ судьбу, которая даровала ей такого мужа.

Но всему есть конецъ. Такъ какъ подобныя сцены повторялись довольно часто: то Ольга Ивановна начала сперва сомнѣваться въ справедливости словъ своего мужа; а послѣ нѣсколькихъ выходокъ со стороны мужа, — она черезъ личное дознаніе уже убѣдилась, что мужъ ея любить часто прихвастнуть.

Одно средство оставалось для Ольги Ивановны — откровенно объясниться со своимъ мужемъ. Объясненіе принесло больше вреда, нежели пользы: — оно уязвило самолюбіе нашего юноши. Въ слѣдъ за объясненіемъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, Ботовъ отправился со двора и пріѣхалъ къ обѣду полупьяный,

Во время обѣда Ольга Ивановна сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ неловкаго положенія своего мужа; но ей было очень грустно и тяжело. Послѣ обѣда

жалуясь на головную боль, она отправилась въ свою комнату и всплеснувъ руками, сказала: Боже мой! Боже мой!! Старый мужъ — *худо*, молодой мужъ — *нехорошо*. *Что же наконецъ для насъ бѣдныхъ женщинъ?*

На одной изъ главныхъ улицъ губернскаго города, у подъѣзда дома, разукрашеннаго разнаго рода статуями и разсусаленнаго золотомъ—остановилась новая двухмѣстная карета; изъ нее вышла молодая женщина и отправилась во второй этажъ, въ сопровожденіи челоуѣка. Во второмъ этажѣ она остановилась у двери; прочла со вниманіемъ слова на мѣдной дощечкѣ и какъ будто нерѣшительно вошла въ переднюю; челоуѣкъ снялъ съ нее шубу и она вошла въ комнаты.

— У себя Петръ Алексѣевичъ? спросила прѣбывавшая женщина, понавшагося ей челоуѣка.

— У себя. Какъ прикажете доложить объ васъ?

— Скажи просто, что одна дама желаетъ его видѣть.

Въ ту же минуту явился извѣстный намъ Сахановъ, и увидавъ даму, очень смутился.

— Ваше посѣщеніе меня удивляетъ, Ольга Ивановна. Вѣроятно вы пожаловали ко мнѣ посоветоваться объ дѣлѣ? Неужели оно не кончено до сихъ поръ?

— Нѣтъ, отвѣчала грустно Ольга Ивановна.

Сахановъ пригласилъ ее въ кабинетъ, и подавая ей кресло, спросилъ: а малютка ваша конечно у васъ уже?

— Она еще у Ребе, благодаря гражданской палатѣ, которая утвердила духовныя завѣщанія моего мужа.

— Но помнится мнѣ, сказалъ Сахановъ, что когда я отъѣзжалъ по дѣламъ своимъ въ Саратовскую губернію, Кирсановъ подалъ въ Правительствующій Сенатъ жалобу на распоряженіе палаты. Что же сдѣлалъ Сенатъ?

— Право я не умѣю сказать вамъ, но только Сенатъ не утвердилъ рѣшенія палаты.

— Почему же вамъ не отдають ребенка?

— Губернаторъ этого не хочетъ, сказала Ольга Ивановна. Мой мужъ обращался къ нему съ просьбою не одинъ разъ, но бесполезно.

Вашъ мужъ? спросилъ съ изумленіемъ Сахановъ.

Ольга Ивановна вспыхнула: я уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ за мужемъ за Николаемъ Ботовымъ.

— Молодъ очень. Вышло ли ему совершеннолѣтіе?

Ольга Ивановна снова вспыхнула и взглянувъ быстро въ глаза Саханову, подумала: или онъ далеко не уменъ въ правилахъ общежитія, или на-

противъ уже очень уменъ. Можно ли говорить такимъ языкомъ съ дамою?

Прошло нѣсколько минутъ молчанія, казалось Ольга Ивановна собиралась съ силами, чтобы начать разговоръ о дѣлѣ, которое ее тяготило.

— Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ я посылала къ вамъ по крайней мѣрѣ десять разъ, чтобы пригласить васъ къ себѣ, но вы въ непрестанныхъ отлучкахъ, то въ Саратовской губерніи, то въ Рязанской, то въ Тульской. Я уже начала отчаяваться, что васъ увижу когда нибудь. Вчера только узнала печаянно, что вы на дняхъ пріѣхали сюда и пробудете здѣсь около года безвыѣздно. Не знаю, на сколько это вѣрно, но я рѣшилась сама къ вамъ ѣхать и очень рада, что наконецъ застала васъ дома.

— Позвольте вашей радости не относить къ себѣ лично. Она относится скорѣй къ небольшому моему знанію дѣла, но отнюдь ужъ не ко мнѣ.

— Вы ошибаетесь Monsieur Сахановъ, въ первый разъ, когда вы мнѣ были представлены, я почувствовала къ вамъ столько нравственнаго довѣрія, что не могу передать вамъ этого. Ваше доброе лице и ваше знаніе дѣла, такъ много говорили въ вашу пользу, что я тогда бы успокоилась, если бы только вы взялись за мое дѣло; но вы почему-то уклонились.

Теперь я пріѣхала сама просить васъ взять на себя мое дѣло.

Сахановъ молчалъ.

Ольга Ивановна продолжала. Я ни зачѣмъ не гонюсь и мнѣ ничего ненужно. Силою закона вырвите только мою малолѣтнюю дочь изъ рукъ Ребе. Богъ благословитъ васъ за доброе дѣло.

Ольга Ивановна плакала, а Сахановъ молчалъ.

— Сами согласитесь, говорила Ольга Ивановна, утирая платкомъ заплаканные глаза, что Ребе ужасные люди, я слышала, что они домогаются продать лѣсъ за 12 тысячъ руб., а лѣсъ стоитъ больше 60,000 руб. Пока Ребе будетъ опекуномъ, онъ совершенно оберетъ малолѣтнюю дочь мою. Грѣшно Петръ Алексѣвичъ не помочь мнѣ. Неправдали вы возметесь за мое дѣло?

— Но у васъ есть мужъ, вы носите его имя, онъ больше имѣетъ средствъ защитить васъ какъ жену свою, нежели я, и особенно по вашему дѣлу, которое выходитъ изъ общаго ряда дѣлъ обыкновенныхъ, Въ дѣлѣ вашемъ, Ольга Ивановна, болѣе нужна нравственная сила, нежели адвокатство.

— Вы сами недавно замѣтили, что мужъ мой очень молодъ. Гдѣ же ему взять той нравственной силы, о которой вы говорите?

— Она у него есть, онъ мужъ вашъ. У васъ похитили дочь и незаконно удерживаютъ у себя

Ребе. Кто же защититъ васъ, какъ не мужъ? Онъ въ этомъ отношеніи сильнѣе всѣхъ губернаторовъ. Мнѣ не слѣдуетъ мѣшаться въ это дѣло.

— Слѣдовательно вы отказываетесь принять на себя мое дѣло?

Ольга Ивановна наклонила свою миленькую головку и на глазахъ ея снова выступили слезы.

Мнѣ говорили объ васъ Monsieur Сахановъ, какъ о человѣкѣ, готовомъ всегда помочь другому, особенно если кого притѣсняютъ; но вы отказываетесь помочь мнѣ, также точно отказывался дядя Александръ Борисовичъ; вы, я вижу, боитесь губернатора.

Сахановъ вспыхнулъ, вскочилъ съ своего мѣста и подавая руку Ольгѣ Ивановнѣ сказалъ съ жаромъ: я боюсь только дѣлать одно дурное. Какой бы я ни навлекъ на себя гнѣвъ и преслѣдованіе со стороны губернатора, я беру на себя ваше дѣло. Ваша малолѣтная дочь должна быть у васъ, а не у Ребе. Никакія духовныя завѣщанія и никакая губернаторская власть не могутъ быть сильнѣе закона — онъ одинъ для всѣхъ и cadaго изъ Русскихъ. Напишите довѣренность на мое имя и пришлите ее ко мнѣ не дальше какъ послѣ завтра, а завтра пришлите всѣ находящіеся у васъ бумаги по вашему дѣлу.

ГЛАВА XX.

ПРОЦЕССЪ.

Чрезъ нѣсколько дней Сахановъ, весь занесенный снѣгомъ, часовъ въ 8 вечера, пріѣхалъ къ Ольгѣ Ивановнѣ. Почти на самомъ порогѣ встрѣтилъ его Ботовъ, отрекомендовалъ себя уже мужемъ и повелъ въ комнаты жены своей.

— Являюсь къ вамъ, какъ будто арестованный, безъ шляпы. Я ее оставилъ въ передней—вся въ снѣгу; а являться въ общество безъ шляпы, большее преступленіе, нежели являться съ пустою головою. Поручаю себя вашему великодушію,

Ольга Ивановна очень любезно подала Саханову руку.

— Дѣло ваше я прочелъ съ большимъ вниманіемъ; нѣтъ надобности говорить о вашемъ правѣ на вашего ребенка; помочь такому дѣлу — святая обязанность честнаго человѣка. Но какъ помочь? Ребе очень не глупы, они понимаютъ, что *вся суть* этого дѣла въ вашемъ ребенкѣ и держатся за него обѣими руками; да, они хорошо понимаютъ, что съ отнятіемъ отъ нихъ ребенка — они потеряютъ свое дѣло, о которомъ они такъ много старались. Я придумалъ слѣдующій планъ—безъ плана нельзя начинать дѣла. Ребенка нужно будетъ оставить до

времени у Ребе;—время и обстоятельства гораздо лучше укажутъ, когда можно будетъ взять его; а теперь необходимо ѣхать въ С. губернію, предъявить, основываясь на указѣ сената, споръ противъ двухъ духовныхъ завѣщаній вашего мужа въ нисшей инстанціи т. е. въ томъ уѣздномъ судѣ, гдѣ находится ваше имѣніе и при спорѣ приложить, между прочими документами, копію съ рѣшенія Правительствующаго Сената. Затѣмъ освидѣтельствовать на мѣстѣ лѣсъ, который Ребе спекулируетъ продать за 12,000, а онъ по вашимъ словамъ стоитъ больше 60,000 р. Многіе назовутъ такую продажу лѣса неосторожностію со стороны опекуна Ребе, а по моему мнѣнію такой образъ дѣйствованія опекуна — воровство, чтобы не сказать больше, грабительство, за которое я Ребе черезъ тамошняго губернатора и предводителя дворянства отдамъ подъ слѣдствіе, и когда Ребе потребуетъ къ слѣдствію въ С. губернію, мы съ вами постараемся пріискать средство отобрать законными мѣрами отъ madame Ребе вашего ребенка.

— Но Боже мой, кто мнѣ ручается за каждый день жизни моей малютки, сказала съ волненіемъ Ольга Ивановна.

— Я вамъ высказалъ, что я могу сдѣлать, сказалъ Сахановъ и замолчалъ.

— Буду ждать и надеяться, действуйте какъ знаете, Петръ Алесѣвичъ, я и мужъ мой совершенно подчиняемся вашей волѣ.

Не прошло двухъ недѣль, какъ Сахановъ былъ въ уѣздномъ городкѣ М.,... осмотрѣлъ, на сколько это было возможно зимою, ту лѣсную дачу, которую Ребе желалъ продать за 12,000 руб., узналъ тутъ же на мѣстѣ ея цѣну, нашелъ покупателя, который давалъ за нее 60,000 руб., взялъ съ него росписку *въ желаніи его приобрести покупкою лѣсную дачу за 60,000 руб.* Собравъ всѣ нужныя для себя справки, Сахановъ тотчасъ же послалъ прошеніе на Ребе къ С. Губернатору и Предводителю дворянства; а вмѣстѣ съ тѣмъ огласилъ Ребе, какъ недостойнаго опекуна, и у высшаго правительства въ С. Петербургѣ, куда также послалъ бумагу.

Въ слѣдъ за этимъ Сахановъ предъявилъ споръ противъ двухъ духовныхъ завѣщаній Ѳедора Константиновича Сатрапьева. Споръ этотъ, какъ весьма важный въ юридическомъ отношеніи, мы выпишемъ слово въ слово: »по титулѣ. Просить по довѣренности жены коллежскаго секретаря Ольги Ивановой Ботовой, губернской секретарь Петръ Алесѣвичъ Сахановъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты: 1) по несправедливостямъ,, которыя возникли между моею довѣрительницею и покойнымъ первымъ

ея мужемъ коллежскимъ ассесоромъ Ѳеодоромъ Константиновичемъ Сатрапьевымъ, единственная дочь моей довѣрительницы отъ перваго мужа—четырехлѣтняя Екатерина, была увезена отцомъ въ квартиру родной сестры его—статской совѣтницы Ѳеодосьи Константиновны Ребе. Въ этой квартирѣ г. Сатрапьевъ помѣстившись и самъ, вскорѣ послѣ этого событія, умеръ; малолѣтняя же дочь моей довѣрительницы осталась и до сихъ поръ остается у г-жи Ребе; вотъ по какой причинѣ: г. Сатрапьевъ умирая составилъ два духовныхъ завѣщанія, содержаніе которыхъ можетъ усмотрѣть начальство изъ прилагаемой при семъ копіи съ рѣшенія Правительствующаго Сената. 2) Соображая эти завѣщанія съ обстоятельствами дѣла, я нахожу: а) что покойный мужъ ея г. Сатрапьевъ не могъ лишать ее правъ на ея ребенка, дарованныхъ каждой матери Провидѣніемъ и закономъ. По смыслу указовъ 1720 г. августа 16, 1753 г., марта 29, 1766 г., августа 23, 1782 г., апрѣля 8, 1802 г., ноября 18, 1822 г., октября 11 и 1824 г., мая 14, личная родительская власть надъ дѣтьми прекращается единственно, или смертію, или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и то въ последнемъ случаѣ тогда только, когда дѣт не послѣдуютъ за родителями. Слѣдовательно фальшивый монетчикъ, государственный преступникъ, даже убійца, и тотъ

имѣть право надъ дѣтьми своими. За что же одна моя довѣрительница г-жа Ботова, находясь въ живыхъ и не имѣя за собой преступленія, будетъ въ исключительномъ положеніи предъ лицомъ закона?

б) Лишить мою довѣрительницу части изъ благопріобрѣтеннаго своего имѣнія хотя г. Сатрапьевъ имѣлъ полное право по закону; но не видно изъ завѣщанія, чтобы г. Сатрапьевъ желалъ лишить ее такой части, во всякомъ случаѣ безъусловно. Напротивъ въ первомъ пунктѣ духовнаго завѣщанія сказано: По несчастному поведенію и поступкамъ жены моей Ольги Ивановой, урожденной Тамплъ, возникли, съ стороны моей, дѣла въ духовномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ, о незаконной связи ея съ сторонними лицами; чрезъ что, въ отсутствіе мое въ Саратовскую губернію, сдѣлалась жена беременною; въ слѣдствіе чего, если эта беременность не будетъ имѣть послѣдствіемъ рожденія чуждаго мнѣ младенца, то я, по долгу христіанина, имѣющаго предстать съ женою моею на судъ одного Всемогущаго Творца нашего, уполномочиваю избранныхъ мною къ дочери моей душеприкащиковъ, ниже сего означенныхъ. прекратить навсегда всѣ упомянутыя дѣла; но если рожденіе чуждаго мнѣ младенца совершится подъ именемъ моимъ, въ такомъ случаѣ, для огражденія правъ законнорожденной дочери моей Екатерины, прошу душеприкащи-

ковъ моихъ, по силѣ законовъ, продолжать начатая мною дѣла, со всѣмъ отеческимъ попеченіемъ о дочери моей Екатеринѣ и неоставить снискать ей правосудія въ имуществѣ ея у самаго Высококомнаршаго престола Государя Императора. *За симъ* рѣшительно отстраняю жену мою Ольгу Ивановну отъ опекуства надъ имѣніемъ, достаемымъ дочери моей, и отъ всякаго вліянія на личность означенной дочери моей, по воспитанію и образованію ея, равно лишаю ее права на участіе въ полученіи благопріобрѣтеннаго и движимаго моего имѣнія, въ чемъ бы оно не заключалось. Здѣсь должно замѣтить, что г. Сатрапьевъ *засимъ только отстраняетъ* мою довѣрительницу отъ слѣдующей ей части изъ благопріобрѣтеннаго имѣнія, *если родится у нее незаконный ребенокъ*. Не только не родилось такого ребенка у моей довѣрительницы, но даже она не была и вовсе беременна. Въ доказательство чего представляется при семъ копія съ рѣшенія М.... Епархіальнаго начальства; слѣдовательно она должна получить свою часть изъ благопріобрѣтеннаго имѣнія, тѣмъ болѣе, что вѣрный этой мысли г. Сатрапьевъ въ третьемъ пунктѣ своего завіщанія объясняетъ, что *за исключеніемъ указанной части жены моей, Ольги Ивановой*, все родовое и благопріобрѣтенное имѣніе мое должно принадлежать моей дочери Екатеринѣ, но не гово-

рить, изъ указной части *родоваго имѣнія*. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ подразумѣвалъ здѣсь и слѣдующую моей довѣрительницѣ часть благопріобрѣтеннаго имѣнія, если бы жена его оказалась невинною; в) По смыслу указа 1775 года ноября 7 опекуны стараются удовлетворять только законныя требованія, а о долгахъ бездокументальныхъ и рѣчи нѣтъ; слѣдовательно мужъ моей довѣрительницы во второмъ своемъ духовномъ завѣщаніи не имѣлъ права писать такого пункта, по которому все долги частнымъ лицамъ, на которые законныхъ актовъ не сдѣлано, по которые извѣстны зятю его статскому совѣтнику Эдуарду Карловичу Ребе, безъ всякихъ опроверженій, сполна уплатить. 3) Не считаю лишнимъ, для соображеній имѣть въ виду, что результатомъ такихъ духовныхъ завѣщаній можетъ быть потеря всего состоянія малолѣтной. Съ одной стороны бездокументальные долги, а съ другой опека въ рукахъ г. Ребе, ходатайствующаго нынѣ о продажѣ лѣса малолѣтной, находящагося въ М. деревни М.... уѣзда за 12,000 р., въ то время когда за лѣсную дачу предлагаютъ теперь же 60,000 р. дѣйствительно доведутъ имѣніе малолѣтной до раззоренія. Последніе обстоятельства я считалъ до такой степени важными, что подалъ уже прошеніе о произведеніи слѣдствія къ С. губернатору и предводителю дворянства. Объяснивъ объ этомъ, Са-

хановъ просилъ давъ иску законный ходъ, 1) г. Ребе отъ опекунства надъ имѣніемъ матолѣтной дочери г. Сатрапьева, какъ несоблюдающаго ея интересовъ, удалить; 2) немедленно сообщить въ М. полицію объ отобраніи ребенка отъ гг. Ребе и отдачѣ его на воспитаніе и попеченіе матери ея— довѣрительницѣ его г-жи Ботовой. Затѣмъ собравъ все нужныя къ дѣлу справки, постановить опредѣленіе объ уничтоженіи въ двухъ духовныхъ завѣщаніяхъ тѣхъ незаконныхъ распоряженій, о которыхъ я сказалъ выше и о выдачѣ его довѣрительницѣ слѣдующей ей части изъ благопріобрѣтеннаго имѣнія, которой она по строгому смыслу перваго духовнаго завѣщанія г. Сатрапьева, отнюдь не лишена.

Судья М. уѣзднаго суда, которому подалъ Сахановъ свое спорное прошеніе, былъ человѣкъ очень порядочный и просвѣщенный. Замѣтно было, что судья служилъ болѣе изъ чести, нежели изъ чего либо другаго, что, между нами да будетъ сказано, бываетъ очень рѣдко въ провинціяхъ.

Попросивъ Саханова сѣсть, судья началъ читать вслухъ засѣдателямъ спорное прошеніе и когда кончилъ, задумался и потомъ спросилъ Саханова: вы имѣете жену и дѣтей?

Сахановъ отвѣчалъ утвердительно.

— Что бы вы заговорили г. Сахановъ, если бы ваша жена своимъ недостойнымъ поведеніемъ втоп-

тала въ грязь ваше доброе имя, лишила васъ спокойствія и довела бы васъ до преждевременной смерти? Положа руку на сердце, потрудитесь мнѣ сказать по совѣсти: не написали ли бы вы точно такого духовнаго завѣщанія, какое написалъ г. Сатрапьевъ? Какъ хотите, но первое духовное завѣщаніе г. Сатрапьева человѣчно и законно; все оно проникнуто теплымъ чувствомъ христіанина и справедливаго человѣка.

У Саханова на губахъ появилась саркастическая улыбка.

— Я не понимаю, что вы находите смѣшнаго въ словахъ моихъ, сказалъ судья.

— Слишкомъ много чести для составителя перваго завѣщанія — Оеклистова. Эта личность далеко ужъ не христіанская.

— Но почему же вы думаете, что духовное завѣщаніе непременно составлялъ Оеклистовъ? можетъ быть составлялъ его самъ завѣщатель, или душеприкащикъ; или наконецъ третье какое нибудь лице. Во всякомъ случаѣ въ немъ много справедливаго.

Сахановъ быстро взглянулъ на судью, и сказалъ: «вы правы. Духовное завѣщаніе дѣйствительно не лишено нѣкотораго смысла и справедливости; и такого завѣщанія точно не могли составить ни Са-

трашевъ, который крѣпко не уменъ былъ; ни Ребе, который крѣпко не честенъ, ни Оеклисовъ, который крѣпко неграмотенъ и подлъ, а кто нибудь другой, очень не глупый. Но кто! Вотъ вопросъ? Но все равно, кто бы не составилъ первое духовное завѣщаніе, все таки я скажу вамъ г. судья, что оно не законно въ существѣ своемъ относительно малолѣтней дочери Сатрапьева. Нельзя же нарушать права матери до такой степени, въ какой онѣ нарушены въ первомъ завѣщаніи Сатрапьева.

— Извините г. Сахановъ, если я не вижу въ первомъ завѣщаніи г. Сатрапьева прямого нарушенія правъ матери, а только ограниченіе этихъ правъ при извѣстныхъ условіяхъ. Я не спору, можетъ быть личности, которыя соприкасаются съ духовнымъ завѣщаніемъ и доведутъ до того, что это завѣщаніе будетъ разрушено въ тѣхъ пунктахъ, о которыхъ вы пишете въ прошеніи не только въ существѣ, но и въ формахъ, но самое духовное завѣщаніе г. Сатрапьева выдержитъ какую угодно критику.

— Объ личностяхъ, которыя соприкасаются съ первымъ духовнымъ завѣщаніемъ Сатрапьева вы сказали до такой степени пророчески, что вмѣсто критическаго обзора этаго завѣщанія, справедливѣе было бы тотчасъ же помочь, и несчастной женѣ

г. Сатрашьева, у которой отняли ребенка и самому ребенку, котораго хотять ограбить Ребе.

— Вы хотите сказать о второмъ духовномъ завѣщаніи, въ которомъ говорится о бездокументальныхъ долгахъ Сатрашьева. Объ этомъ и говорить нечего. Недокументальные долги не обязательны для малолѣтней наслѣдницы Сатрашьева.

— Нѣтъ, я говорю объ обоихъ завѣщаніяхъ, то есть и о первомъ, по содержанію котораго Ребе очень хочется продать лѣсъ въ М. уѣздѣ. Для благородной дѣятельности Ребе широкій путь: — въ духовномъ завѣщаніи Сатрашьева не назначена даже приблизительная цѣна лѣса. Вотъ Ребе и хочется продать лѣсъ за 12,000 руб., а за него даютъ сей часъ 60,000 рублей.

— Если это справедливо, то г. Ребе не будетъ опекуномъ. Я вамъ ручаюсь за здѣшняго губернатора и предводителя дворянства, да и у насъ въ судѣ вашъ споръ по дѣлу получить значительную силу.

— Такой силы долго дожидаться, а не угодно ли будетъ теперь же сдѣлать распоряженіе объ отнятій ребенка отъ гг. Ребе и объ отдачѣ его матери?

— Да какъ же мы рискнемъ сдѣлать подобное распоряженіе, котораго не рѣшился сдѣлать даже самъ Правительствующій Сенатъ, и конечно потому,

что духовное завѣщаніе г. Сатрапьева законно! Оно и по вашему мнѣнію, — мнѣнію противника этого завѣщанія, не лишено даже нѣкотораго смысла и справедливости. Къ тому же присоедините что, по предписанію Правительствующаго Сената, М. гражданская палата должна войти въ разсмотрѣніе обоихъ завѣщаній г. Сатрапьева и составить свое опредѣленіе. Гражданская палата есть средняя инстанція, а нашъ судъ нисшая и что же мы можемъ для васъ сдѣлать г. Сахановъ? Ничего больше, какъ составимъ представленіе въ М. гражданскую палату съ испрашиваніемъ разрѣшенія: слѣдуетъ ли принять вашъ споръ до разсмотрѣнія, по указу Правительствующаго Сената, обоихъ духовныхъ завѣщаній, палатою.

— Вы ничто не сдѣлали г. Судья для несчастной матери, сказалъ съ отчаяніемъ Сахановъ, но я уважаю васъ. Вы правы. На вашемъ мѣстѣ и я бы поступилъ точно также, какъ и вы. Нужно прежде разоблачить личность опекуна Ребе предъ губернаторомъ, предводителемъ дворянства и передъ властями въ Петербургѣ; затѣмъ хлопотать въ М. гражданской палатѣ.

— Такъ и слѣдуетъ, закончилъ Судья.

Сахановъ взялъ шляпу, пожалъ протянутую ему руку Судьи, раскланялся съ засѣдателемъ, вышелъ изъ присутствія уѣзднаго суда, и вечеромъ въ

тотъ же день быстро катился на почтовыхъ лошадяхъ въ губернской городъ.

Мчится кожаная повозка Саханова по степной С. губерніи. Мѣсяцъ при бѣлой снѣговой степной безконечности свѣтитъ какъ солнце — читать можно. А звѣзды.... точно дѣти мѣсяца, глядятъ на него издали своими маленькими блестящими глазами и какъ будто манять его къ себѣ поближе, а онъ прячется отъ нихъ за промелькнувшее нечаянно облако; но вотъ снова выглянулъ мѣсяцъ и освѣтилъ землю ярче прежняго, въ слѣдъ за нимъ показалось сѣверное сіяніе, точно зарево огромнаго пожара; однимъ словомъ на небѣ хорошо и свѣтло. На землѣ совсѣмъ другое. Морозъ такъ великъ, что сковалъ ее, она окоченѣла, какъ мертвецъ, и тиха и неподвижна, даже не слышите вы обычнаго треска при морозѣ; только скрипятъ полозья и далеко разносится такой ничтожный звукъ но необозримому степному пространству. Вѣчный спутникъ почтовыхъ лошадей—колокольчикъ и тотъ отказался отъ холода издавать свои однообразные звуки; онъ еще на третьей верстѣ по выѣздѣ изъ города треснулъ, отвязанъ ямщикомъ отъ дуги, и лежитъ у него въ карманѣ. Не пролетитъ птица, не пробѣжитъ звѣрь, какъ будто въ природѣ, подъ ея бѣлымъ снѣговымъ саваномъ, погребено не только все существующее, но и живущее. Ёдетъ Саха—

новъ по страшному холоду и мелькають передъ нимъ минутныя впечатлѣнія, но опредѣлительной мысли никакой, и самая мысль замираетъ съ холодомъ: никакого чувства, кромѣ чувства холода, желаній также нѣтъ, кромѣ желанія поскорѣе домчаться до станціи, на которой можно согрѣться.

Весь закутавшись въ шубу, сидитъ онъ внутри повозки съ домашнимъ своимъ секретаремъ и другомъ Иваномъ Хрисанфовичемъ Трушевскимъ. На облучкѣ вмѣстѣ съ ямщикомъ сидитъ его человѣкъ и безпощадно третъ себѣ ухо, которое отморозилъ.

Пріятно слушать веселаго собѣдника, который при теплѣ и комфортѣ рассказываетъ вамъ о прелестяхъ зимней дороги въ Россіи; вы слушаете его съ удовольствіемъ; но если бы онъ началъ это рассказывать во время путешествія съ вами по морозу, когда вы дрожите за свой единственный носъ и за свои бѣдные уши, тогда бы что..... но я сомнѣваюсь, чтобы онъ сталъ рассказывать о прелестяхъ зимней дороги, при такой обстановкѣ.

По пріѣздѣ въ губернскій городъ, Сахановъ едва только успѣлъ согрѣться, какъ велѣлъ человѣку дать тотчасъ себѣ переодѣться и во фрачной одеждѣ, изъ которой не выбрался еще морозъ, отправился къ губернатору. Послѣдній принялъ его очень скоро и очень любезно спросилъ: «Что вамъ угодно?»

— «Я послалъ по почтѣ прошеніе къ Вашему Превосходительству на опекуна малолѣтней дочери умершаго Сатрапьева. Онъ домогается продать лѣсъ за 12 тысячъ руб. сер., а за лѣсъ даютъ 60 тысячъ.

— «А, помню, сказалъ Губернаторъ, кажется на Статскаго Совѣтника Ребе. Я сдѣлалъ уже распоряженіе, писалъ въ губернское правленіе и въ Гражданскую палату, чтобы они имѣли ваше прошеніе въ виду и, если окажется необходимымъ, сдѣлали бы свое распоряженіе. За тѣмъ поручилъ одному изъ самыхъ опытныхъ своихъ чиновниковъ произвести слѣдствіе о такой странной продажѣ. Вѣроятно, на этихъ дняхъ г. Ребе вызовутъ сюда для объясненія.

Сахановъ почтительно поклонился и сказалъ:

— «Мнѣ остается только глубоко благодарить за то справедливое и безпристрастное вниманіе, которое вы изволили оказать несчастному дѣлу несчастной моей довѣрительницы. Ваше Превосходительство, вы въ какіе нибудь два, три дня сдѣлали все, такъ что мнѣ ничего уже не остается дѣлать, какъ ѣхать домой.

— «Конечно, вамъ нѣтъ особенной надобности жить здѣсь, и безъ вашего присутствія дѣло пойдетъ также законно, какъ и при васъ.

— «Я совершенно убѣжденъ въ этомъ, Ваше Превосходительство, по началу дѣла, когда оно дошло до васъ.

Губернаторъ подаль Саханову руку, и они разстались.

Чрезъ нѣсколько дней Сахановъ отправился домой. Первую станцію доѣхалъ онъ очень скоро и благополучно, но на второй станціи застигла его мятель и вьюга. Тотъ, кто не ѣздитъ по Россіи, по дальнимъ ея губерніямъ въ зимнее время, тотъ не можетъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія о тамошнихъ вьюгахъ и мятеляхъ. Часто и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ становится страшно когда вьюга и мятель заслоняютъ отъ нашего взора сосѣдніе дома. Но что бы вы сказали, если бы въ такое время были въ степи, гдѣ вѣтру нѣтъ препятствія. Въ степи нѣтъ четырехъ-этажныхъ домовъ, нѣтъ даже лѣса; гуляетъ себѣ вѣтеръ при-вольно, подымая почти до самыхъ облаковъ снѣжныя глыбы. Передъ вами снѣгъ, надъ вами снѣгъ, и подъ вами снѣгъ. И тихо двигаетесь вы на вашей тройкѣ, по этому морю снѣга. И горе вамъ, если усталыя лошади перестанутъ двигаться и останются. Вѣтеръ завоюетъ около вашей повозки, точно лѣшій, обойдетъ васъ кругомъ и съ адскимъ хохотомъ засыплетъ въ какой нибудь часъ времени, и васъ, и вашу повозку, и похоронитъ

вась подъ снѣжнымъ сугробомъ. Сахановъ все это зналъ, онъ не первый разъ ѣздилъ по Россіи, и молилъ Провидѣніе, чтобы лошади его, выбившіеся изъ силъ, не остановились, не доѣхавши до станціи, которая стояла на протяженіи 30 верстъ совершенно одиноко. Ей не предшествовала никакая деревня, никакая корчма и вообще никакое человеческое жилище.

Тяжелъ кусокъ хлѣба, добываемый честнымъ адвокатомъ, но всё ли это понимаютъ? подумалъ Сахановъ.

Въ это время лошади остановились. Сахановъ вздрогнулъ и мысленно началъ прощаться со всѣмъ что ему было дорого на землѣ. Но ямщикъ въ это время отстегнулъ повозку и сказалъ: *«пожалуйте, мы пріѣхали на станцію»*.

— «Но я невижу ни какой станціи.

— «Я доведу вась до станціи.

И разгребая снѣгъ, Сахановъ и ямщикъ дошупались до какого-то зданія и постучались у дверей. На станціи мелькнулъ огонь, вышла какая-то личность въ нагольномъ тулупѣ, отворила двери и ввела Саханона въ теплую комнату. Простые деревянные стѣнные часы били два часа по полуночи, а съ предшествующей станціи Сахановъ выѣхалъ въ шесть часовъ вечера. Слѣдователь-

но по такой адской погодѣ они ѣхали восемь часовъ.

— «Видишь, сказалъ Сахановъ ввалившемуся въ это время Трушевскому, сколько времени мы ѣхали эту станцію и насъ не засыпало снѣгомъ, и мы не замерзли.

— »Чья-нибудь молитва дошла до Бога, сказалъ Трушевскій, снимая съ себя шубу.

Остальныя станціи Сахановъ съ Трушевскимъ доѣхали хорошо, хотя время отъ времени и тревожилъ ихъ морозъ, пробираясь въ кости и подступая къ самому сердцу.

27 Января Сахановъ пріѣхалъ домой, повидался съ семействомъ и въ тотъ же день отправился къ своей довѣрительницѣ дать ей отчетъ о результатѣ своей поѣздки, Несказанно обрадовалась Ольга Ивановна появленію Саханова. По какому-то внутреннему благородному чувству, развитому только у женщины, она ожидала для себя отъ Саханова всего хорошаго и заранѣе видѣла въ немъ будущаго спасителя своей единственной дочери отъ вліянія Ребе.

Сахановъ помѣстился на диванѣ и подробно рассказалъ Ольгѣ Ивановнѣ, что мы подробно прочли въ этой главѣ; умолчалъ только о своемъ разговорѣ съ судьей, чтобы не оскорбить ея достоинства.

Когда Сахановъ кончилъ свой расказъ, Ольга Ивановна сказала ему: все это очень хорошо, но когда мнѣ отдадутъ мою Катеньку.

— Близко это время, сказалъ торжественно Сахановъ. Вы много терпѣли Ольга Ивановна, потерпите еще немного и ваше терпѣніе увѣнчается полнымъ успѣхомъ, то есть ваша Катенька будетъ съ вами — вотъ — въ этой самой квартирѣ. На пути въ вамъ я заѣхалъ въ здѣшнюю М. гражданскую Палату, узналъ что Палата получила уже представленіе М. уѣзднаго суда, о начатіи въ немъ спора по поданному мною прошенію, но распоряженія никакого еще не сдѣлано въ Палатѣ, не только по этой бумагѣ, но и по указу Правительствующаго Сената. — Это большое для васъ счастье Ольга Ивановна. Не теряя ни минуты, я поѣду сейчасъ же въ здѣшнюю гражданскую палату — теперь еще присутствіе не кончилось — оглашу прошеніемъ данную мнѣ вами довѣренность и поговорю о вашемъ дѣлѣ со всѣми членами Палаты. Послѣ указа Правительствующаго Сената, я надѣюсь убѣдить даже неубѣдимаго Прѣдсѣдателя Палаты Мертваго — не утверждать духовныхъ завѣщаній покойнаго Ѳедора Константиновича, по крайнея мѣрѣ до того времени, пока оба завѣщанія не будутъ разсмотрѣны судебнымъ порядкомъ.

Сахановъ поклонился Ольгѣ Ивановнѣ съ мужемъ и быстро вышелъ изъ комнаты. Ботовы проводили его до передней, гдѣ онъ надѣвая шубу, сказалъ: не болѣе, какъ черезъ часъ я у васъ опять буду и скажу вамъ положительно, чего мы должны ожидать отъ Палаты.

Дѣйствительно не болѣе, какъ чрезъ часъ — Сахановъ снова явился къ Ольгѣ Ивановнѣ и сказалъ ей, съ необыкновенною радостью: «побѣда! побѣда!» Палата составляетъ уже журналъ объ отсылкѣ подлинныхъ духовныхъ завѣщаній покойнаго Ѳедора Константиновича въ М. уѣздный судъ къ производящемуся тамъ нашему спору и рѣшительно отказалась засвидѣтельствовать ихъ до окончанія судебного дѣла. Теперь споръ нашъ возстановляется на крѣпкихъ основаніяхъ—Ребе обезоружены. Ваша Катенька находится у Ребе по духовному завѣщанію вашего мужа, а у нихъ этаго завѣщанія въ рукахъ не будетъ, по какому же праву они будутъ удерживать у себя дочь вашу? Понимаете ли вы, что я теперь имѣю возможность отобрать отъ нихъ дочь вашу?

— Понимаю, очень хорошо понимаю, мой добрый и благородный Петръ Алексѣевичъ. Самъ Богъ послалъ мнѣ васъ въ утѣшеніе за всѣ тѣ страданія, которыя я перенесла, гочти во все время перваго моего замужства.

Ольга Ивановна съ глубокимъ чувствомъ взглянула на Саханова и на глазахъ ея навернулись благодарныя слезы.

— Скажу вамъ болѣе, сказалъ съ чувствомъ Сахановъ; я вамъ выиграю часть изъ благопріобрѣтеннаго имѣнія вашего покойнаго мужа. Не кстати постановленное составителемъ духовнаго завѣщанія слово *за симъ* дастъ вамъ эту часть. Я знаю, что это для васъ не важно, для васъ, какъ для матери очень важно одно — отобрать отъ Ребе ребенка. Я это и сдѣлаю при помощи закона, я не только возвращу вамъ отнятую отъ васъ Катеньку, но и постараюсь возстановить нравственное положеніе ваше въ обществѣ; и если я въ силахъ буду предъ лицомъ общества; выставить ваше дѣло и ваше несчастіе въ настоящемъ свѣтѣ такъ, что самое общество, которое отвергнуло васъ отъ себя, не только приблизится къ вамъ, даже бросится въ ваши объятія и будетъ глубоко и искренно сочувствовать вашему горю и вашимъ страданіямъ и заплачетъ точно такъ, какъ вы теперь плачете — вотъ такая услуга можетъ имѣть значеніе. До свиданія Ольга Ивановна. Ёду къ своему семейству, котораго послѣ трехъ-недѣльнаго моего путешествія почти не видалъ. Увидимся завтра. Дай Богъ, чтобы завтра было для васъ лучше, нежели сегодня.

На другой день Сахановъ подалъ въ М. губернское правленіе отъ имени своей довѣрительницы прошеніе слѣдующаго содержанія:

По непріятностямъ, которыя возникли между покойнымъ мужемъ моимъ, коллежскимъ ассесоромъ Ѳедоромъ Сатрапьевымъ и мною, дочь моя, четырехъ—лѣтняя Екатерина, находилась при отцѣ, который проживалъ въ квартирѣ родной сестры своей, статской совѣтницы Ѳедосьи Константиновны Ребе. Мужъ мой умеръ, а малолѣтняя дочь моя до сихъ поръ находится у г-жи Ребе, которая удерживаетъ ее у себя точно какую нибудь вещь и не возвращаетъ на мое материнское попеченіе, не смотря на мои многократныя и усиленныя требованія. Въ законахъ же сказано, что родительская власть надъ дѣтьми прекращается или смертью, или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія за преступленіе. Находясь въ живыхъ и не имѣя за собою преступленія, я одна изъ всѣхъ поданныхъ моего государя нахожусь въ исключительномъ положеніи отнятіемъ отъ меня дочери, которая при своемъ малолѣтствѣ живетъ не у меня матери, а у посторонняго лица. Вслѣдствіе чего и *просила* — оградить дарованныя Государемъ и Его закономъ каждому подданному и каждому отцу семейства, права ея надъ дочерью, и возвратить ей дочь ея, предписавъ о томъ мѣстной полиціи указомъ.

Подавъ прошеніе, Сахановъ лично просилъ членовъ правленія, по важности и экстренности этого дѣла, ускорить его распоряженіемъ. Никто не можетъ ручаться, говорилъ Сахановъ совѣтникамъ правленія, чтобы г-жа Ребе, вслѣдствіе непріятностей которыя теперь возникли между ею и г-жою Ботовою, не увезла ребенка въ другую губернію, ребенокъ на дорогѣ или на мѣстѣ можетъ умереть естественною смертію, а между прочимъ отъ смерти ребенка возникнетъ страшное дѣло, и могутъ подвергнуться чрезъ это отвѣтственности власти, которымъ оглашено было дѣло и которыя медлили помочь такому дѣлу и предупредить зло.

При послѣднихъ словахъ Саханова, вошелъ въ присутствіе вице-губернаторъ. Совѣтники и ассесоръ встали съ мѣстъ своихъ и довольно низко поклонились ему. Вице-губернаторъ, вѣжливо привѣтствуя ихъ, сѣлъ на свое мѣсто и спросилъ, что новаго?

— Читали сейчасъ прошеніе, поданное вотъ ими, сказалъ старшій совѣтникъ указывая на Саханова. Оно такъ необыкновенно, что выходитъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ. Не угодно ли будетъ вашему превосходительству прочесть его?

Вице-губернаторъ взялъ прошеніе и съ большимъ вниманіемъ прочелъ его.

— Я ничего не вижу въ немъ необыкновеннаго, кромѣ родственныхъ непріятностей, которыя впрочемъ предупредить не мѣшаетъ. Смѣшно оставлять ребенка на чужихъ рукахъ, когда мать есть. Мы рассмотримъ ваше прошеніе, милостивый государь, добавилъ вице-губернаторъ, обращаясь къ Саханову.

— Я бы осмѣлился попросить ваше превосходительство ускорить этимъ дѣломъ, на сколько возможно.

— Я завтра прикажу доложить ваше прошеніе, послѣ завтра подпишемъ журналъ, а на слѣдующій за тѣмъ день исполнимъ. Да, кстати, сказалъ вице-губернаторъ, обращаясь къ членамъ правленія, послѣ завтра уѣзжаетъ губернаторъ въ село И.... на цѣлую недѣлю, и я вступаю въ его должность. Прошу съ завтрашняго же дня, всѣ бумаги слѣдующія губернатору, пересылать ко мнѣ.

Сахановъ зналъ чрезъ своихъ знакомыхъ, что губернаторъ уѣзжаетъ на нѣсколько дней изъ города; но не зналъ было ли извѣстно губернскому правленію дѣло его довѣрительницы, или нѣтъ.

— Ты спасена бѣдная Ольга Ивановна! Эти починѣйшіе слуги губернатора, всѣ, начиная отъ вице-губернатора и оканчивая ассессоромъ даже и не подозреваютъ, какое горячее участіе принимаетъ за Ребе ихъ набольшій; но если бы они знали, то вѣрно бы

съ негодованіемъ отвергли твою просьбу, но тебѣ начинаютъ помогать обстоятельства, а главное — Богъ, думалъ Сахановъ, усаживаясь въ сани и приказавъ кучеру вести себя къ Ботовымъ.

Прошло нѣсколько дней между страхомъ и надеждою. Распоряженіе губернскаго правленія—объ отобраніи ребенка отъ почтенныхъ Ребе, немного позамедлило; настанвать въ присутствіи губернскаго правленія на скорость этого дѣла, было очень опасно, чтобы не сдѣлать его извѣстнымъ въ мельчайшихъ подробностяхъ. Сахановъ дѣйствовалъ только въ канцеляріи и то очень осторожно.

Такъ прошла недѣля. Ольга Ивановна съ часу на часъ ожидала радостнаго для себя извѣстія и, какъ христіанка въ душѣ, молила Бога увѣнчать ея справедливое дѣло успѣхомъ.

На этотъ разъ молитва ея была услышана. Въ восьмой день по подачѣ прошенія въ губернское правленіе, Сахановъ объявилъ ей, что губернское правленіе предписало полиціи — отобрать отъ Ребе малолѣтнюю Катеньку. — «Теперь нужно дѣйствовать, говорилъ Сахановъ, и дѣйствовать столько же рѣшительно, сколько и осторожно. Я съ своей стороны сдѣлалъ все — на пакетахъ по инстанціямъ вездѣ написано: *экстренно нужное*. Въ такомъ видѣ дойдетъ пакетъ и до частнаго прпстава той части, гдѣ проживаютъ Ребе. Отобрать ребенка

отъ Ребе предписано именно этому частному приставу. Теперь за вами очередь, Николай Федоровичъ; настала пора и вамъ дѣйствовать. Одолжите выслушать меня со вниманіемъ. Теперь четыре часа; я обѣдаю у васъ, домой ѣхать нѣкогда, потому что въ пять часовъ пріѣдетъ нарочный чиновникъ съ пакетомъ по вашему дѣлу, для того чтобы лично доставить его частному приставу. Вы задержите здѣсь не много чиновника и отпраляйтесь къ частному приставу часамъ къ семи вечера вмѣстѣ съ этимъ чиновникомъ. Частный приставъ въ этой части къ вашему счастію новый; онъ поступилъ сюда недавно и о малолѣтней вашей падчерицѣ, вѣрно неимѣетъ никакого понятія. Это обстоятельство очень поможетъ намъ.

— Почему же вы думаете, что оно поможетъ, спросилъ Ботовъ.

— Если частный приставъ не знаетъ, что противъ васъ и противъ вашего дѣла всесильный здѣшній губернаторъ, то вы не встрѣтите никакого противодѣйствія по вашему дѣлу, напротивъ приставъ вамъ еще помогать будетъ. Но, ради Бога, прошу васъ, слушайте меня со вниманіемъ: отъ теперешнихъ часовъ зависятъ вся будущность и вашей супруги, и васъ самихъ. Говорятъ что новый частный приставъ охотникъ плотно пообѣдать, во время обѣда выпить, послѣ обѣда уснуть, а послѣ сна, по-

лучить отъ кого нибудь *заявленіе благодарности*. Когда вы пріѣдете къ частному приставу и онъ еще будетъ спать, а васъ допускать къ нему не будутъ, то вспомните, Николай Федоровичъ, что у васъ есть талисманъ — вы причислены къ Министерству внутреннихъ дѣлъ; скажите челяди, окружающей частнаго пристава, что пріѣхалъ чиновникъ министерства съ экстренною бумагою; васъ непременно впустятъ и разбудятъ пристава. Педавая ему одуматься съ просонковъ и не говоря еще о дѣлѣ, туже минуту заявите ему вашу благодарность. Это ему очень понравится; потомъ пусть чиновникъ, съ которымъ вы пріѣдете, вручить приставу пакетъ съ роспискою. Наконецъ, когда приставъ прочтетъ содержаніе бумаги объ отобраніи ребенка, вы объявите, что вы нарочно пріѣхали сюда для этого дѣла. Я заранѣе знаю, что частный приставъ тотчасъ же приступить къ исполненію, но захочетъ можетъ быть облечь все это дѣло во всевозможныя формы; онъ пошлетъ за квартальнымъ надзирателемъ и за добросовѣстнымъ. Предупреждаю васъ, — квартальный знаетъ все, — намъ не взять тогда ребенка. Употребите всѣ средства не мѣшать квартальнаго въ это дѣло, удвойте, даже утройте вашу благодарность частному приставу; скажите ему, чтобъ онъ не медлилъ ни минуты, что Ребе предположили сегодня ночью увезти ребенка въ Саратовскую губер-

нію, что мужъ Ребе уѣхалъ для этого собственно вчера и будетъ ожидать жену свою въ Тамбовѣ, куда привезутъ и малютку. Въ заключеніе скажите Приставу, что теперь, когда мы съ вами трагитимъ время въ разговорахъ, можетъ быть, ребенка увозятъ уже отсюда; поѣдте, поѣдте, скажите ему торжественно. Однимъ словомъ, выдумывайте, что хотите; но сдѣлайте такъ, чтобы съ вами былъ одинъ частный приставъ безъ квартальнаго. И ложъ во спасеніе, сказалъ одинъ изъ великихъ всемирныхъ мыслителей. Поняли ли все это, Николай Федоровичъ?

— Очень понялъ, сказалъ съ энтузіазмомъ Ботовъ. Исполненіе по вашему совѣту, будетъ сдѣлано блистательно.

— По вашей энергіи я вижу, что вы сдѣлаете; но я еще не кончилъ, сказалъ Сахановъ. Нужно будетъ приготовить двѣ двумѣстныя кареты и одиночку. Въ одной каретѣ сяду я съ Ольгою Ивановной, въ другой — сядете вы съ чиновникомъ, а одиночка поѣдетъ за нами. Когда, по пріѣздѣ на мѣсто, убѣдите частнаго пристава ѣхать съ вами, вы его возьмете съ собою въ карету, а чиновникъ поѣдетъ съ нами къ Ребе на одиночкѣ. Ни я, ни Ольга Ивановна не взойдемъ въ комнаты частнаго пристава. Мы будемъ дожидаться васъ у воротъ частнаго дома, и, когда вы поѣдете мимо

насъ, опустите окно, скажите приставу что эта карета жены вашей и закричите намъ — *пользжайте за нами*. Эти простые слова будутъ для насъ символомъ успѣха. Мы будемъ знать, что съ вами нѣтъ квартальнаго. Если же съ вами, сверхъ всякаго ожиданія, будетъ и квартальный, вы потрудитесь закричать: *мы ѣдемъ съ большою компанією*.

Раздался звонъ колокольчика, и въ комнаты вошелъ чиновникъ, котораго ожидали гораздо поздиѣе.

Ольга Ивановна вздрогнула и поблѣднѣла.

— Съ вами пакетъ, спросилъ Сахановъ.

— Со мною, отвѣчалъ тихо чиновникъ.

Водворилось на нѣсколько минутъ мертвое молчаніе. Ольгу Ивановну трясло, какъ въ лихорадкѣ, да и всѣ были не въ нормальномъ состояніи.

— Вы обѣдали, спросилъ Ботовъ чиновника.

— Нѣтъ, отвѣчалъ еще тише чиновникъ.

— Пойдемте же обѣдать, — сунъ уже поданъ, сказалъ Ботовъ. И всѣ отправились въ столовую. Обѣдъ шелъ плохо. Всякій былъ занятъ больше своими мыслями, нежели обѣдомъ. Ольга Ивановна думала о счастіи имѣть при себѣ своего ребенка. Мужъ ея думалъ о шампанскомъ, которое будетъ пить по случаю возвращенія ребенка женѣ его. Сахановъ думалъ о добромъ дѣлѣ, которое

онъ сдѣлаетъ для матери, а чиновникъ думалъ о приличномъ вознагражденіи, которое онъ непременно получить при такомъ казусѣ.

Когда кончили кофе и вышли изъ-за стола, пробило шесть часовъ.

— Пора закладывать лошадей, сказалъ Сахановъ.

Ольга Ивановна снова вздрогнула, поблѣднѣла, схватила себя за голову; изъ груди ея вырвался сухой кашель и на лѣвой щекѣ ея показалось злое розовое пятно. Она опустилась на диванъ и сказала съ судорожнымъ движеніемъ Саханову: — «Я такъ не счастлива, что не смѣю вѣрить въ успѣхъ нашего дѣла».

Часы пробили половину седьмого.

— Пора ѣхать, сказалъ Сахановъ.

Ольга Ивановна была въ такомъ первическомъ состояніи, что съ трудомъ дошла до кареты. Сахановъ успокоивалъ ее, сколько могъ.

Карета, въ которой сидѣла Ольга Ивановна съ Сахановымъ, остановилась по предварительному условію у воротъ частнаго дома, а другая карета, въ которой сидѣлъ Ботовъ съ чиновникомъ, вѣхала на дворъ.

— Господи, благослови ихъ! Сказала Ольга Ивановна и склонившись на плечо саханова, истерически зарыдала.

— Успокойтесь, Ольга Ивановна; теперь больше, чѣмъ когда нибудь, нужно вамъ присутствіе духа.

— Да я совершенно спокойна, сказала Ольга Ивановна, утирая глаза, и — замолчала.

Сахановъ чувствовалъ, какъ Ольга Ивановна дрожала всѣмъ тѣломъ и слышалъ, какъ время отъ времени, стучали ея зубы.

— Вы въ ужасномъ состояніи, Ольга Ивановна, сказалъ Сахановъ. Вы дрожите.

— Нынче 20 градусовъ мороза. Какъ же вы хотите, чтобы мнѣ было тепло?

— *Пользжайте за нами*, закричалъ громко Ботовъ. Сахановъ отворилъ окно кареты и видѣлъ какъ промчалась мимо его карета Ботова, а за каретою сани, на которыхъ сидѣлъ чиновникъ. Карета Ольги Ивановны по приказанію Саханова поѣхала вслѣдъ за ними.

— Часъ насталъ, сказалъ Сахановъ, мужайтесь Ольга Ивановна.

— Я вамъ не могу передать, что я теперь чувствую.

— Вѣрю, вѣрю; но сдѣлайте надъ собою небольшое усиліе и соберите ваши силы.

Всѣ три экипажа остановились у подъѣзда Ребе, частный приставъ прежде всѣхъ вышелъ изъ ка-

реты, вошелъ на крыльцо и громко позвонилъ въ колокольчикъ.

Человѣкъ отворилъ дверь, но при появленіи частнаго пристава и Ольги Ивановны со всѣмъ ея обществомъ, побѣлѣлъ, какъ полотно: онъ видимому не зналъ, что дѣлать съ посѣтителеми, которые безцеремонно входили въ залу въ шубахъ. Дѣйствительно никто не снималъ шубы, потому что до передней долетали звуки голоса Катеньки. Всѣ по этому случаю поторопились войти въ залъ, гдѣ и встрѣтили лепетавшаго что-то своей гувернанткѣ. Ребенокъ въ одно мгновеніе былъ окруженъ всѣми лицами. Замѣтно — онъ испугался, но когда между незнакомыми ему лицами встрѣтилъ онъ знакомое лицо своей матери: то онъ заигралъ радостно по паркету протянувъ къ верху маленькія свои ручки, радостно закричалъ: тамап! тамап!! и бросился къ ней на шею.

— Возьмите сію же секунду съ собою Катеньку въ карету. Я иду за вами, сказалъ Сахановъ.

— Нужно одѣть ее, теперь холодно, — сказала Ольга Ивановна съ необыкновеннымъ волненіемъ.

— У меня есть шуба, у васъ также есть шуба. Передайте мнѣ Катеньку. Вамъ тяжело нести ее; притомъ-же вы очень взволнованы.

Ольга Ивановна передала ребенка Саханову. Сахановъ былъ лицомъ новымъ для ребенка, онъ былъ

даже не хорошъ собою, но Катенька не дичилась его, съ удовольствіемъ протянула къ нему свои ручки и скрылась на груди Саханова, завернутая его шубою.

— Г. частный приставъ, мы возьмемъ ребенка, а вы безъ насъ уже соблюдете формальности.

— Можете взять, сказалъ частный приставъ.

Сахановъ быстро вышелъ съ Ольгою Ивановною изъ комнатъ Ребе, сошелъ внизъ и сѣлъ въ карету. Впередъ четверть часа и ребенокъ — предметъ спора, интриги и можетъ быть преступленія, былъ у матери.

— Вы возвратили мнѣ отнятую у меня единственную дочь. Да благословитъ же васъ Богъ въ вашихъ дѣлахъ и въ вашемъ потомствѣ также точно, какъ я васъ благословляю, благороднѣйшій Петръ Алексѣевичъ!

И Ольга Ивановна, забывъ, что Сахановъ не старикъ, а она молодая и прекрасная женщина, обвила бѣлыми и прелестными своими руками его шею, прижала его къ своей груди, цѣловала его голову, щеки, губы, хватала даже руки. Какъ не крѣпился Сахановъ, но невольная слеза безъ всякаго спроса выкатилась изъ глазъ его и упала на лице Ботовой.

— Вы плачете отъ радости за мое счастье, какъ вы добры, какъ вы благородны Петръ Алексѣевичъ

и съ жаромъ поцѣловавши въ голову Саханова, она бросилась къ своей Катенькѣ, схватила ее на руки и осыпала ее поцѣлуями.

Раздался звонъ колокольчика. Черезъ минуту вбѣжалъ Ботовъ и радостно сказалъ: каково я обдѣлалъ дѣльцо-то? Уррра!! Пьемъ шампанское за здоровье матери и нашей милой дочки!

Ботовъ подбѣжалъ сначала къ Ольгѣ Ивановнѣ, потомъ къ Катенькѣ, съ чувствомъ поцѣловалъ ихъ обѣихъ и приказалъ человѣку подать двѣ бутылки шампанскаго.

Съ нѣжностью взглянула Ольга Ивановна на своего юношу мужа и потомъ сказала: по уговору, который мы сдѣлали съ тобой передъ свадьбою, намъ должно разстаться.

— Но ты меня не прогонишь, ты такая добрая и милая, притомъ же тебѣ нужна поддержка.

— У меня теперь есть поддержка.

— Конечно Петръ Алексѣвичъ?

— Да, отвѣчала Ольга Ивановна своему мужу.

— Я застрѣлю его, сказалъ Ботовъ, и, подпрыгнувъ къ Саханову, крѣпко сжалъ ему руку.

— Кто такъ дружески жметъ руку, тотъ, надеюсь, не застрѣлитъ, сказалъ Сахановъ.

Человѣкъ подалъ шампанское.

Единогласно поздравили Ольгу Ивановну съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла всѣхъ, включая въ то число и помогавшаго чиновника, который, выпивъ бокаль шампанскаго и получивъ вознагражденіе за свой трудъ, удалился.

Когда онъ вышелъ изъ комнаты, Сахановъ сказалъ, обращаясь къ Ольгѣ Ивановѣ и ея мужу: я бы совѣтовалъ вамъ сію же минуту заложить лошадей и ѣхать во Владимірское ваше имѣніе съ вашею малюткою.

— Это зачѣмъ? спросили съ изумленіемъ Ольга Ивановна.

— Вы знаете страшную власть и гордость здѣшняго губернатора, который сегодня возвратился изъ своего села И. Онъ не оставитъ васъ въ покоѣ и будетъ стараться всѣми силами отнять отъ васъ ребенка и передать его Ребе.

— Я теперь ничего не боюсь, сказала съ необыкновенною энергіею Ольга Ивановна. Катенька при мнѣ, ее могутъ взять отъ меня только тогда, когда я умру но пока я жива, я не отдамъ ее.

— Во всякомъ случаѣ нужно оградиться. Присядьтека, Николай Θεодоровичъ, прикажите себѣ подать бумаги, перо и чернилицу. Я продиктую вамъ бумагу въ Коммисію Прошеній объ огражденіи правъ Ольги Ивановны надъ ея ребенкомъ и объ освобожденіи ея отъ незаконнаго вмѣшательства въ ея су-

дебное дѣло, административной губернаторской власти.

Когда подъ диктовку Саханова, Ботовъ кончилъ прошеніе, Сахановъ сказалъ: завтра въ 10 часовъ утра отвезите это прошеніе на почту сами Николай Ѳеодоровичъ, получите росписку и берегите ее. Это ваша гарантія на случай преслѣдованія васъ губернаторомъ. Росписка почтамта выскажетъ губернатору, что ваше дѣло заходитъ за предѣлы его власти, и что по вашему дѣлу онъ долженъ ожидать Высшей Воли, а не дѣлать своихъ распоряженій.

— Богъ съ вами Петръ Алексѣевичъ, вы мнѣ испортили нынѣшній счастливый вечеръ вашими сомнѣніями.

— Осторожность никогда не мѣшаетъ. Желаю вамъ спокойной ночи, сказалъ Сахановъ.

— Желать покойной ночи мнѣ не нужно, я ее теперь имѣю и спокойствіемъ этой счастливой ночи обязана вамъ, Петръ Алексѣевичъ.

Ольга Ивановна съ чувствомъ сжала ему руку; они разстались. Ботовъ проводилъ Саханова до подъѣзда, разъ пять поцѣловалъ его и усадилъ въ сани.

Подъ вліяніемъ неопisanнаго ужаса сидѣла въ своей комнатѣ Madame Ребе послѣ того, какъ отобрали отъ нея ребенка. Происшествія послѣднихъ дней

и часовъ не только разстроили всѣ ея планы, но и грозятъ страшною будущностью. Мужа отозвали въ С. губернію и отдали подъ судъ за воровскую продажу лѣса, у ней сегодня вечеромъ отобрали ребенка по распоряженію Правительства и заставили дать какую-то подписку; оперившійся по милости Ребе Ѳеклистовъ, оказался передъ нею подлецомъ, онъ положительно сію минуту отказался помогать Ѳедосьѣ Константиновнѣ въ ея дѣлѣ съ Ольгою Ивановною, осмѣлившись сказать, что дѣло это весьма опасное и что ему крайне не хочется быть въ Сибири; а тутъ еще воспоминаніе о покойномъ братѣ, который зоветъ ее на судъ Божій. Преступники всегда трусливы. Ѳедосьѣ Константиновнѣ показалось, что дѣла ея открыты передъ начальствомъ и не только дѣла но и самыя мысли, и холодъ пробѣгаетъ по ея тѣлу и страшно ей. Чтобы освободиться отъ страха, думаетъ она послать за священникомъ, но вмѣсто священника входитъ лучшій другъ ея достойнаго мужа, — мѣстный квартальный надзиратель.

Когда вошелъ квартальный въ комнату Ребе, было около 10 часовъ вечера.

— Я слышалъ, что съ вами случилось несчастіе ося Константиновна. У васъ отняли Катеньку. те пожалуйста, за чѣмъ ее вы отдали?

— Какъ же было не стдть, когда на это воля правительства.

Оедосья Константиновна, неизвѣстно почему, скрыла отъ квартальнаго, что ребенка отобрали отъ нее прежде нежели объявили распоряженіе начальства и что она даже не видала сама, какъ его взяли.

— Это вовсе не воля правительства, а просто напросто, сказалъ квартальный надзиратель, распоряженіе объ отобраніи отъ васъ ребенка сдѣлало губернское правленіе въ отсутствіе губернатора и совершенно не зная дѣла.

— Слѣдовательно меня одурачили, — вскричала съ бѣшенствомъ Оедосья Константиновна. О! я еще помѣряюсь съ тобою силами г-жа Ботова, дѣло это мнѣ дорого стоитъ и губернаторъ поможетъ мнѣ. Она проворно одѣлась и отиравилась къ губернатору.

Въ 12 часовъ по полуночи губернаторъ, позвавъ къ себѣ чиновника особыхъ порученій при немъ Лыкова, полиціймейстера и дежурнаго частнаго пристава, сказалъ имъ: *«Завтра въ 4 часа по полудни отобрать отъ Ботовой дочь, свезти ее къ Ребе и донести мнѣ. Безъ этого извѣстія я не сяду обѣдать»*,

— Воля вашего превосходительства будетъ свято выполнена къ 4-мъ часамъ, сказалъ съ подобострастіемъ Лыковъ.

ГЛАВА XXI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРОЦЕССА.

Часы пробили 2 часа пополудни.

Въ комнатахъ Ольги Ивановны все погружены въ глубокий сонъ, даже самъ Николай Θεодоровичъ, изгнанный изъ спальни жены своей и помѣстившійся спать на диванѣ въ своемъ кабинетѣ. Не спитъ только одна Ольга Ивановна. И какъ ей спать? Рядомъ съ нею на кровати ея мужа спитъ ея малютка — дочь, которую отъ нея такъ безчеловѣчно отняли, но которую ей возвратило Провидѣніе.

Ольга Ивановна сидитъ на своей кровати, въ ночномъ чепцѣ и въ кофѣ. Въ головахъ кровати на трехугольникѣ стоитъ распятіе, предъ распятіемъ горитъ лампада, освѣщая спальню. Вотъ Ольга Ивановна нагнулась къ своей малюткѣ, которая разметавшись на кровати Ботова, произноситъ во снѣ имя матери; изъ-подъ чепца Ольги Ивановны разыпались ея черные глянцовитые волосы, кофта распахнулась, и обнажила грудь, которая поспорила бы бѣлизною своею съ мраморомъ. Ольга Ивановна была прелестна! Но смотря на нее, мой дорогой читатель, какъ бы молодъ ты ни былъ,

никакая порочная мысль не пришла бы тебѣ въ голову.

Бываютъ минуты, когда женщина возбуждаетъ къ себѣ одно только чувство благоговѣнія.

Не ложися спать, бѣдная Ольга Ивановна, смотри на дочь свою и думай объ ея и своемъ счастьи, какъ ты теперь думаешь. Другой такой ночи для тебя не будетъ — не проспичее. Не дальше, какъ сию минуту, когда ты наклонилась къ своей Катенькѣ, чтобъ поцѣловать ее въ голову и когда радостная слеза не сошла еще съ твоей ресницы, — внизу на дворѣ стерегутъ тебя агенты Ребе и полиціи, изъ опасенія, чтоль ты не увезла ее ночью въ другую губернію. Къ 4-мъ часамъ пополудни, по волѣ могущественнаго губернатора, нужно полиціи отнять у тебя твою Катеньку и донести о томъ Его Превосходительству.

Но природа взяла свое, ты уснула тихо и спокойно, положивши руку на кровать своей дочери, чтобъ она могла прикасаться къ тебѣ хоть однимъ пальцемъ. Спи бѣдная моя Ольга Ивановна и ужъ лучше не просыпайся! — Слышишь ли ты, что пробило 10 часовъ утра и видишь ли ты, что Лыковъ съ полиціймейстеромъ уже въ залѣ губернской и ждутъ только подписи Его Превосходительствомъ бумаги объ отобраніи отъ тебя дочери. Лыковъ съ полиціймейстеромъ люди аккуратные и

очень хорошо понимающіе, что и самое беззаконное дѣло нельзя же не облечь въ какія нибудь формы законности.

Вотъ ты уже встала, и пьешь чай. По правую отъ тебя сторону сидитъ твоя малютка, по лѣвую сторону Сахановъ — мужа твоего нѣтъ, онъ успѣлъ уже съѣздить на почту, отправить письмо въ Комиссію Прошеній и получивши квитанцію, снова уѣхалъ купить для т.бя хорошей зернистой икры и вѣроятно пріѣдетъ только къ обѣду; но тебѣ все равно. — Катенька съ тобою, и ты какъ ребенокъ лепечешь съ нею безъ умолку, изрѣдка обращаясь къ Саханову, чтобъ посмѣяться надъ простотою частнаго пристава, который помогъ тебѣ отобрать отъ Ребе дочь твою.

Но, отъ чего ты вдругъ такъ испугалась, закричала, схватила дочь свою и убѣжала съ нею во внутреннія комнаты?

Впрочемъ, есть чему испугаться — и Сахановъ поблѣднѣлъ, и сдобная его булка, приготовленная къ чаю, безъ всякаго спроса вывалилась изъ рукъ его и упала на полъ.

Въ залѣ, гдѣ пила Ольга Ивановна чай съ Сахановымъ и ребенкомъ, появились слѣдующія лица: полиціймейстеръ, частный приставъ, квартальный надзиратель съ помощниками и добросовѣстный И какъ вошли эти лица? никто не слышалъ звука ко-

локольчика и ни какого шума, какъ будто всѣ эти личности выросли изъ подъ полу.

Черезъ нѣсколько минутъ Ольга Ивановна блѣдная и трепещущая, вбѣгаетъ въ залъ и съ ужасомъ спрашиваетъ Саханова: что все это значитъ?

На вопросъ Ольги Ивановны, который она обращаетъ къ Саханову, полиціймейстеръ прямо ей отвѣчаетъ.

— По волѣ его превосходительства, г. Губернатора, велѣно отобрать отъ васъ дочь вашу: неугодно ли вамъ будетъ одѣться и свезти ее самимъ къ г-же Ребе, отъ которой взяли?

Сахановъ видитъ, что Ольга Ивановна начинаетъ терять сознаніе, беретъ ея руку, отводитъ во внутреннія комнаты и запираетъ ихъ, за тѣмъ обращаясь къ полиціймейстеру, который спрашиваетъ Ольгу Ивановну, говоритъ ему, что Ольга Ивановна я, вотъ ея ко мнѣ довѣренность на всѣ предметы безъ исключенія.

— Если такъ, сказалъ полиціймейстеръ, то объявите г-ну Саханову волю Его Превосходительства, сказалъ полиціймейстеръ, обращаясь къ частному приставу.

Послѣдній вынимаетъ изъ кармана бумагу и подавая Саханову говоритъ торжественно: *извольте прочесть.*

Сахановъ беретъ бумагу и читаетъ слѣдующее :
«г-ну полиціймейстеру Бурингу. По волѣ Его Превосходительства г-на Губернатора, предписывается Вашему Высокоблагородію отобрать отъ жены коллежскаго секретаря Ольги Ботовой дочь ея отъ перваго брака, малолѣтнюю Екатерину Сатрапьеву и доставить ее въ домъ Статской Совѣтницы Ѳедосьи Ребе на ея попеченіе.» За тѣмъ слѣдоваль адресъ Ботовой и Ребе, годъ, мѣсяцъ, число и номеръ, за которымъ подписана бумага и подпись правителя дѣлъ канцеляріи Губернатора.

Сахановъ со вниманіемъ прочелъ бумагу, и обратившись къ полиціймейстеру рѣзко сказалъ:

— Дочь моей довѣрительницы взята на попеченіе матери по распоряженію Губернскаго Правленія, которое можетъ быть уничтожено только Правительствующимъ Сенатомъ, но не волею губернатора.

— Это дѣло опасное г-нъ Сахановъ, вы напрасно за него взялись, сказалъ грубо полиціймейстеръ.

— Я уже это слышалъ, сказалъ настойчиво Сахановъ, только не отъ васъ полковникъ, и повторяю вамъ то, что говорилъ другимъ: *я честный подданный Государя Русскаго и боюсь дѣлать только однь мерзости. Слова мои вы можете, г. полковникъ, передать Его Превосходительству, котораго я не могу бояться собст-*

венно за то, что взялся за честное дѣло моей доверительницы — Ботовой.

— Послѣ того, что вы сказали, я не буду уже заниматься пустословіемъ, а исполню свою обязанность, т. е. возьму ребенка.

— И сами понесете его по улицамъ города? спросилъ Сахановъ.

— Если будетъ нужно, то и самъ снесу его къ Ребе, отвѣчалъ полиціймейстеръ съ жолчью.

— Позвольте васъ избавить отъ этого безпокойства, г-нъ полковникъ.

— Что вы хотите сказать?

— Хочу сказать вамъ откровенно, что вы ребенка не получите.

— Мы составимъ актъ объ ослушаніи вами полицейской власти, предадимъ васъ г. Сахановъ суду за такое ослушаніе; за тѣмъ отберемъ ребенка.

— Акта вы не составите полковникъ, суду меня не предадите и ребенка не возьмете: сказалъ Сахановъ, задыхаясь отъ волненія. Мы предвидѣли эту сцену и оградилась своевременно. Сегодня въ 10 часовъ утра послана бумага въ Коммиссію Прошеній отъ Ольги Ивановны, которая проситъ оградить ее и ея ребенка отъ незаконныхъ и вопіющихъ преслѣдованій здѣшняго губернатора.

И Сахановъ вынулъ изъ боковаго кармана ро-
списку почтамта объ отсылкѣ такой бумаги въ

Коммиссію Прошеній, и показаль ее полиціймейстеру.

При такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла, полиціймейстеръ впалъ въ крайнюю меланхолію, частный приставъ вытянулся въ струнку, а квартальный надзиратель пачаль переминаться съ ноги на ногу.

Бумага, посланная въ Коммиссію, видимо озадачила всю эту честную публику и полиціймейстеръ задумчиво сказалъ: что онъ доложить объ этомъ Его Превосходительству.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ Сахановъ полиціймейстеру.

Незваные гости все безъ исключенія удалились изъ комнаты Ольги Ивановны.

Черезъ часъ послѣ этого событія, незваные полицейскіе гости, подъ предводительствомъ своего начальника полиціймейстера, снова наводнили комнаты Ольги Ивановны; но были тише, точно собаки, которымъ показали палку.

— Его Превосходительство изволили оказать милость вашей довѣрительницѣ, ребенокъ останется у нихъ, но они приказали обязать ихъ подпискою, чтобы не выѣзжать изъ города и не отлучать отъ себя ребенка впредь до окончанія дѣла.

Я не нахожу никакого пренятствія дать такую подписку.

Квартальный сѣлъ къ столу, приказаль подать чернилицу, перо и бумагу, настрочилъ подписку и

подалъ Саханову; Сахановъ съ своей стороны прочелъ ее и внесъ въ комнату Ольги Ивановны, которая ее подписала.

Едва только успѣла удалиться полиція изъ комнаты Ольги Ивановны, и едва только успѣла она поблагодарить съ глубокимъ чувствомъ Саханова за новое его одолженіе, какъ пріѣхалъ Ботовъ съ большимъ буракомъ зернистой икры. И когда Ольга Ивановна все еще блѣдная и трепещущая говорила своему мужу о новомъ ея несчастіи, случившемся въ его отсутствіи, Ботовъ слушалъ ее разсѣяннo и очень огорчился только однимъ, что къ обѣду блиновъ не будетъ.

Ольга Ивановна наклонила свою прелестную головку и задумалась.

— О чемъ вы задумались, Ольга Ивановна? спросилъ Сахановъ, посмотрите на меня, какъ я веселъ и спокоенъ, враги ваши остались, при своемъ собственномъ интересѣ. Воображаю я бѣшенство почтенныхъ Ребе!

Ольга Ивановна грустно улыбулась.

— Одолжите меня улыбнуться повеселѣе, сказалъ Сахановъ, дѣло ваше теперь такъ хорошо, что я могу на дняхъ спокойно отправиться по другимъ моимъ дѣламъ въ Петербургъ. Последняя попытка Ребе съ губернаторомъ отнять отъ васъ ребенка, похожа была на выстрѣлъ изъ пушки холостымъ за-

рядомъ — грому много да толку мало. Я надѣюсь, что ни губернаторъ, ни г-жа Ребе не осмѣлятся васъ больше беспокоить. — Да и какъ васъ беспокоить? Сенатъ не утвердилъ духовныхъ завѣщаній вашего покойнаго мужа, самыя духовныя завѣщанія отобрали отъ Ребе и находятся при дѣлѣ въ судѣ. Эдуардъ Кириловичъ оглашенъ передъ правительствомъ, какъ безсовѣстный опекунъ, о вмѣшательствѣ губернаторской власти въ ваше судебное дѣло, послана бумага въ Коммиссію Прошеній и нѣтъ сомнѣнія, что Коммиссія Прошеній передастъ вашу бумагу Правительствующаго Сената въ 1-й департаментъ, который и будетъ судить губернатора за преувеличиваніе власти. Нѣтъ! добавилъ Сахановъ, Губернаторъ съ Ребе не осмѣлятся болѣе отнимать отъ васъ вашего ребенка.

Не глупъ былъ Сахановъ, но на этотъ разъ однако ошибался!

Сахановъ пробылъ въ Петербургѣ довольно долго и пріѣхалъ домой только въ среду на Страстной недѣлѣ, чтобы провести Святую недѣлю въ кругу своего семейства отдохнуть душою, а послѣ Святой снова отправиться на новый трудъ.

Въ гостинной у себя Сахановъ нашелъ Ботова, чрезвычайно встревоженного.

— Что новаго? какъ здоровье Ольги Ивановны?

— Олинька здорова, но Катеньку отнять отъ нее и нѣтъ никакого спасенія.

Длинное лицо Саханова, сдѣлалось еще длиннѣе.

— Какъ отнять, вскричалъ онъ, возможно ли это?

— Когда выслушаете меня, заговорилъ Ботовъ, вы убѣдитесь, что это возможно. Въ ваше отсутствіе Губернаторъ далъ предложеніе губернскому правленію въ томъ смыслѣ, что въ его отсутствіе губернское правленіе сдѣлало распоряженіе объ отобраніи отъ Ребе Катеньки. Утверждая это распоряженіе, Губернское Правленіе вѣроятно не имѣло въ виду что Катенька находилась у Ребе по двумъ духовнымъ завѣщаніямъ умершаго Федора Константиновича утвержденнымъ правительствомъ и поручилъ Губернскому Правленію войти въ новое разсмотрѣніе дѣла объ отобраніи ребенка отъ жены моей.

— Не договаривайте, я понимаю что дальше. Губернское Правленіе не считая себя вправѣ контролировать и повѣрять справками предложеніе Губернатора, перевершило свое рѣшеніе и предписало Полиціи отобрать отъ Ольги Ивановны ея ребенка.

Совершенно справедливо. Я до нынѣшняго дня былъ спокоенъ. Вдругъ во 2 часу по полудни является ко мнѣ, помните, тотъ добрый чиновникъ, который помогалъ намъ увести Катеньку отъ Ребе

— и, какъ простой человѣкъ прямо при женѣ моей сказалъ, что сего дня Губернское Правленіе сдѣлало свое распоряженіе объ отобраніи отъ нее ребенка, что Губернское Правленіе нарочно сдѣлало такое распоряженіе въ среду на Страстной недѣлѣ, чтобы нельзя было въ четвергъ подать прошенія въ Правительствующій Сенатъ и оградить себя такимъ прошеніемъ отъ насилія Губернаторской власти. Съ четверга страстной недѣли, какъ вамъ больше другихъ извѣстно Петръ Алексѣевичъ, присутствєнныя мѣста всѣ закрыты на полторы недѣли. — Въ продолженіе полуторы недѣли можно отнять не одного ребенка.

— Худо! сказалъ Сахановъ. У насъ нѣтъ никакой гарантіи противъ втораго распоряженія Губернскаго Правленія. Не отдать ребенка — значить ослушаться воли начальства. Знаете ли Николай Ѳедоровичъ, отъ насъ могутъ отнять Катеньку? Одно средство къ спасенію: завтра утромъ я вамъ достану письма къ нѣкоторымъ большимъ и истинно благороднымъ людямъ въ Петербургѣ. Поѣзжайте къ нимъ въ Петербургъ и умоляйте ихъ помочь вамъ. Они вамъ не откажутъ. Кстати я вамъ дамъ письмо къ истинному моему другу Егору Егоровичу В—ву. Не смотря на то, что онъ не принадлежитъ къ числу сильныхъ міра сего, онъ вамъ поможетъ, тѣмъ больше, что я не знаю человѣка бо-

лѣе готоваго безкорыстно помочь другому и словомъ и дѣломъ, какъ Егора Егоровича; притомъ же у него большое знакомство.

— Я не буду терять времени и отправлюсь завтра-же въ Петербургъ, сказалъ Ботовъ.

— А я возьму на свое попеченіе Ольгу Ивановну съ Катенькой и буду ограждать ихъ до *plus ultra* отъ всякаго насилія, во все время вашего отсутствія.

— Благодарю васъ Петръ Алексѣевичъ, сказалъ Ботовъ съ чувствомъ; при васъ я буду спокоенъ за Олинку.

— Но какъ мы ей скажемъ объ этомъ.

— Скажемъ точно также какъ и теперь говоримъ, не бойтесь за жену. — она въ состояніи перенести больше насъ съ вами. Вотъ напримѣръ сегодня, когда глупый чиновникъ началъ прямо говорить женѣ моей: что отъ нея возмутъ ребенка, я думалъ что съ ней сдѣлается обморокъ. Ничего не бывало. Олинка выслушала это извѣстіе спокойно, и еще спокойно сказала: — ребенка не возмутъ, полиція можетъ только по моему трупу до него добраться.

— Спокойствіе вашей супруги, пугаетъ меня больше обморока — оно для меня страшно.

— Ничего нѣтъ страшнаго. Олинка обѣдала сего дня съ аппетитомъ.

Сахановъ махнулъ рукой и Ботовъ съ нимъ разстался.

Благодаря великодушной помощи Егора Егоровича В—ва, Ботовъ велъ свое дѣло въ Петербургѣ блистательно. Письмо отъ имени Ботова съ изложениемъ обстоятельствъ его несчастной жены, написанное В—мъ такъ что трогало до слезъ, при его содѣйствіи доведено было до верховной власти. Ботовъ оживалъ и радостно телеграфировалъ женѣ своей.

Однако же радостныя вѣсти мужа, плохо радовали жену. Со всѣхъ сторонъ доходятъ до нея слухи, что ребенка отнимутъ, непременно отнимутъ. Ольга Ивановна вѣритъ этимъ слухамъ во глубинѣ души. И какъ ей не вѣрить? Единственный ея защитникъ Сахановъ, и тотъ какъ-то мраченъ и молчаливъ. Бессонныя ночи совсѣмъ истощили силы Ольги Ивановны, сухой кашель снова душитъ ее и злобщее пятно показывается на одной щекѣ ея.

Вотъ снова телеграфъ отъ мужа, въ которомъ онъ пишетъ, что дѣла его идутъ очень хорошо, а Ольгу Ивановну тяготитъ какое-то тяжелое предчувствіе.

Какъ хотите, но у женщинъ есть двойное зрѣніе, какое-то особенное провидѣніе, которымъ, какъ извѣстно, обладаютъ нѣкоторые Шотландцы.

Ольга Ивановна, какъ будто видитъ, что когда мужъ ея отъ преслѣдованія губернатора, ищетъ для нее защиты у верховной власти, — губернаторъ не щадитъ даже святости дней Свѣтлаго Христова праздника. Въ среду на святой недѣлѣ, онъ открываетъ чрезвычайное собраніе объ отобраніи отъ Ольги Ивановны ея малютки-дочери. Одинъ чиновникъ, добрый знакомый Ольгѣ Ивановнѣ, даетъ ей знать объ этомъ обстоятельствѣ. Она приходитъ въ ужасъ, беретъ съ собою ребенка съ гувернанткою и приѣзжаетъ къ Саханову на его квартиру. *Спасите! спасите во имя Бога дочь мою! спрячьте ее у себя,* кричитъ она Саханову, вручая ребенка. Ольга Ивановна такъ страшна, что добрая жена Саханова, смотря на нее, плачетъ. Сахановъ съ своей стороны закрываетъ лице руками, чтобы не видѣть страданій Ботовой, и съ энергією говоритъ ей: «все знаютъ, что я вашъ повѣренный, у меня отнимутъ ребенка, потому что онъ не миѣ принадлежитъ, а принадлежитъ вамъ, онъ у васъ и долженъ оставаться. Нѣтъ силы, которая могла бы оторвать ребенка отъ груди матери. Оставьте Катеньку при себѣ.»

— И вы меня оставляете, Петръ Алексѣевичъ, говоритъ задыхающимся голосомъ Ольга Ивановна, и безъ чувствъ падаетъ на диванъ.

Бѣдная малютка стоитъ около своей матери, вся въ лихорадкѣ; слезы градомъ текутъ по ея маленькимъ щечкамъ, она примкнула къ лицу матери и кричитъ болѣзненно.

По случаю закрытія театровъ на святой недѣлѣ, губернаторъ далъ хорошую драматическую сцену!

Вмѣстѣ съ Катенькой, въ квартирѣ Саханова, всѣ въ слезахъ, не выключая его самого и его прислуги!

Обморокъ Ольги Ивановны продолжается довольно долго, и еще долѣе она не можетъ придти въ сознаніе и привести въ порядокъ свои мысли.

Всѣ стоятъ около дивана въ безмолвіи, и малютка перестала плакать, какъ будто желая услышать, что скажетъ несчастная мать ея.

Наконецъ Ольга Ивановна встаетъ съ дивана, и говоритъ съ отчаяніемъ Саханову: «спрячте гдѣ нибудь Катеньку въ чуланѣ, на чердакѣ, въ подвалѣ, здѣсь домъ большой, есть гдѣ спрятать.»

Едва ли Ольга Ивановна сознаетъ то, что говоритъ Саханову, но разстроенный Сахановъ не замѣчаетъ этого, и отвѣчаетъ ей: что онъ спрячетъ ея ребенка.

Катенька снова плачетъ и жмется къ своей матери.

— Гдѣ же вы ее спрячете? спрашиваетъ съ нетерпѣніемъ Ольга Ивановна.

Сахановъ ей отвѣчаетъ: «у меня есть одинъ очень бѣдный, но честный семейный капитанъ Илья Яковлевичъ Пряжевскій. Поѣдьте къ нему.»

— Куда угодно, отвѣчаетъ Ольга Ивановна.

И ѣдетъ въ каретѣ моя бѣдная Ольга Ивановна, съ дочерью, гувернанткою и съ Сахановымъ по такимъ улицамъ города, которыхъ и не подозрѣвала даже и существованія; останавливаетъ она карету, по убѣжденію Саханова, на углу грязнаго узкаго и глухаго переулка, изъ опасенія встрѣтить въ кучерѣ агента Ребе, или Губернатора.

Не хочется матери разстаться съ своимъ ребенкомъ даже на минуту, она беретъ свою Катеньку отъ гувернантки и несетъ ее по переулку, ноги ея проваливаются и тонутъ въ грязи. Женщина высшаго круга, она начинаетъ понимать, что значитъ нужда и горе; черезъ нѣсколько минутъ, ты бѣдная Ольга Ивановна узнаешь это и больше.

Вотъ Сахановъ завернулъ въ какой-то темный дворъ, съ трудомъ отыскалъ полуразрушившуюся дверь, и началъ осторожно, почти ощупью подниматься по грязной и худой деревянной лѣстницѣ, которая на

каждой ступени дрожала подъ его ногами; вотъ онъ входитъ въ темныя и бѣдныя комнаты, и въ этихъ бѣдныхъ и душныхъ комнатахъ за приличное вознагражденіе оставляетъ ребенка съ гувернанткой.

Кто бы могъ повѣрить, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ нужно было родителямъ скрывать, подобнымъ образомъ, малютокъ—дѣтей своихъ отъ противозаконнаго вліянія и дикаго произвола чело-вѣка, такъ явно нарушавшаго законы и употреблявшаго во зло дарованную ему власть!

А между тѣмъ это фактъ, любезные читатели. Евгений Сю и Дюма, при ихъ затѣйливомъ воображеніи, не могли бы выдумать исторіи драматичнѣ этой.

Часовъ около 9 вечера, въ ту же среду на Святой недѣли, Василій Дмитріевичъ Лыковъ пробирался съ портфелемъ въ кабинетъ своего могущественнаго начальника.

Особа Его Превосходительства, закутанная въ роскошный малиновый бархатный халатъ, погружена была во внутреннее созерцаніе своихъ достоинствъ и своей силы; однимъ словомъ: губернаторъ мечталъ въ то время, когда Лыковъ вошелъ къ нему въ кабинетъ.

— Что скажешь Лыковъ?

— Засѣданіе , открытое сегодня по приказанію Вашего Превосходительства, объ отобраніи отъ Ботовой ея дочери , окончило свое дѣло и ребенка завтра въ 10 часовъ отберутъ отъ нея. Я повѣстиль уже объ этомъ Ребе, который долженъ будетъ пріѣхать съ гувернанткою завтра утромъ въ началѣ 10-го часа въ полицію и вмѣстѣ съ полиціей отправится уже въ квартиру Ботовой. Ребе получить ребенка отъ полиціи съ роспискою, которую я и буду имѣть счастье представить Вашему Превосходительству.

— Надѣюсь, что по крайней мѣрѣ на этотъ разъ вы исполните мою волю. Помните Лыковъ, я далъ слово Ребе и до сихъ поръ не исполнилъ его. Смѣшно: мы не можемъ сладить съ бабою!

— Сахановъ , о которомъ я уже докладывалъ Вашему Превосходительству, больше всѣхъ противо-дѣйствуетъ отобрать ребенка отъ Ботовой. Я опасюсь, чтобы Сахановъ и завтра не помѣшалъ полиціи.

— Въ такомъ случаѣ засадите его на гауптвахту.

— У него есть связи въ Петербургѣ.

— Это ничего не значить. Я донесу объ немъ, какъ о безпокойномъ и вредномъ чловѣкѣ.

— Слушаюсь, будетъ исполнено въ точности.

— Другихъ бумагъ нѣтъ у васъ?

Лыковъ замаялся, и смиренно сказалъ: есть.

— Какіе же?

— По дѣлу Ботовой требуютъ изъ Петербурга объясненія: по какому случаю вы изволили войти въ дѣло объ отобраніи отъ нея ребенка?

— Очень просто, отвѣчалъ губернаторъ нисколько не смутившись: Ботова дурная женщина; такъ и отвѣчайте.

— Осмѣливаюсь предполагать, что объясненіе Вашего Превосходительства должно быть въ томъ смыслѣ, что вы изволили войти въ дѣло объ отобраніи отъ Ботовой ребенка по просьбѣ гг. Ребе велѣдствіе двухъ духовныхъ завѣщаній Сатрапьева, утвержденныхъ Правительствомъ.

— Вздоръ ты говоришь Лыковъ. Духовныя завѣщанія не утверждены Сенатомъ.

— При канцеляріи Вашего Превосходительства есть положительныя свѣденія, что духовныя завѣщанія Сатрапьева утверждены Палатою, но чтобы эти завѣщанія не были утверждены Сенатомъ, канцелярія не имѣетъ никакихъ свѣденій. Если же въ объясненіи упомянуть что нибудь объ рѣшеніи Сената, которое вы позволите знать неофициально: то завтра нельзя будетъ отобрать ребенка.

Губернаторъ долго смотрѣлъ вопросительно на Лыкова и наконецъ сказалъ повелительно:

— По многимъ причинамъ , лично мнѣ извѣстнымъ , ребенка отъ Ботовой нужно отобрать непременно. Отберите завтра и донесите мнѣ , а между тѣмъ заготовьте объясненіе въ Петербургъ.

— Но если въ отобраніи ребенка будетъ мѣшать Сахановъ.

— Распорядитесь съ нимъ , какъ сказано , не повторяйте же вамъ одно и тоже десять разъ. Ступайте, мнѣ некогда. Скажите, чтобъ мнѣ подали одѣваться.

И Лыковъ отправился искать камердинера Его Превосходительства.

Изъ этаго можно заключить , сколько на Лыковѣ лежало разныхъ обязанностей.

Для уясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ послѣдующаго разсказа, я долженъ ознакомить читателей съ квартирою , которую занимала Ольга Ивановна. Она заключала въ себѣ два отдѣленія, раздѣленные теплымъ корридоромъ. Въ первомъ отдѣленіи помѣщалась Ольга Ивановна съ своимъ мужемъ, дочерью, гувернанткою и съ людьми собственно ей принадлежащими. Во второмъ же отдѣленіи жила отдѣльно Екатерина Ивановна, окруженная своею прислугою. Я еще прежде сказалъ, что Екатерина Ивановна, въ послѣднее время, была почти постоянно больна.

Ботова берегла свою мать, какъ самое дорогое сокровище, непрестанно навѣщала ее, старалась всегда говорить ей что нибудь пріятное, и тщательно скрывала отъ нее всѣ свои несчастія и даже огорченія.

Екатерина Ивановна почти совсѣмъ не ходила на половину своей дочери. Она обѣдала даже отдѣльно, потому что привыкла обѣдать въ три часа, а дочь въ пять. Человѣку почтенныхъ лѣтъ и слабаго здоровья, трудно привыкать къ новому порядку.

Въ четвергъ, на Святой недѣлѣ, Екатерина Ивановна вышла изъ обыкновеннаго своего порядка; встала она въ семь часовъ утра и, одѣвшись на скорую руку, вошла въ половину своей дочери часовъ около девяти утра и начала ходить по пустымъ комнатамъ дочери, которая еще не выходила изъ спальни.

Въ это время колокольчикъ зазвенѣлъ такъ сильно, что Екатерина Ивановна вздрогнула. Человѣкъ отперъ дверь, высунулъ голову за дверь, и страшно поблѣднѣлъ.

Екатерина Ивановна испуганно спросила у чело-
вѣка: кто это звонить такъ громко?

— Матушка, Ваше Превосходительство, къ намъ пріѣхала вся здѣшняя полиція съ Полиціймейстеромъ, хотятъ отнять Екатерину Ѳедоровну, сказалъ старый слуга, сплеснувши руками.

Екатерина Ивановна упала на полъ, точно подрѣзанный колосъ.

Нервическій ударъ отнялъ отъ нее руки и ноги. Люди засуетились, а нетерпѣливая полиція, такъ сильно начала звонить въ колокольчикъ, что одинъ изъ людей, оставивши Екатерину Ивановну, бросился отпирать полиціи двери. Екатерина Ивановна застонала и въ дверяхъ показалась Ольга Ивановна въ блузѣ, туфляхъ безъ чулокъ и въ ночномъ чепцѣ.

Неподвижно стояла она въ дверяхъ, точно статуя. Мимо нее на простыняхъ несли пораженную ударомъ мать ея, и въ тоже время входили къ ней Эдуардъ Карловичъ Ребе съ гувернанткою, полиціймейстеръ съ частнымъ приставомъ, квартальный съ двумя помощниками и добросовѣстный. Всѣ эти лица кланялись Ольгѣ Ивановнѣ, а она стояла неподвижно, точно памятникъ на могилѣ усопшаго.

Проходитъ пять минутъ совершеннаго безмолвія, даже самый Ребе не смѣетъ нарушить этого торжественнаго безмолвія, этой пѣмой горести Ольги Ивановны.

Трусъ и подлецъ въ душѣ, онъ дрожитъ за свое преступное дѣло.

Ольга Ивановна схватываетъ себя за голову, обводитъ глазами все честное собраніе, ворвавшееся

къ ней въ комнату безъ спроса и смѣло подходить къ Ребе.

— Что вамъ нужно отъ меня, Эдуардъ Карловичъ? Ольга Ивановна такъ взволнована, что Эдуардъ Карловичъ отступаетъ отъ нее въ испугѣ.

На выручку Ребе подлетаетъ Полиціймейстеръ и рѣшительно говоритъ Ольгѣ Ивановнѣ:

— Извольте вынести ребенка вашего и вручить его гувернанткѣ Эдуарда Карловича. Такъ приказано начальствомъ, надѣюсь вы не посмѣете ослушаться его воли.

— *У меня....* Ольга Ивановна хотѣла сказать— *нѣтъ здѣсь ребенка*, но во время остановилась— я не отдамъ вамъ моей дочери, сказала она смѣло полиціймейстеру. На здѣшнихъ властей я жаловалась верховному правительству, ждите оттуда повелѣнія.

— Это до насъ не касается, сказалъ полиціймейстеръ, намъ мѣстное начальство приказало отобрать отъ васъ вашу малютку. Мы и отберемъ ее. Если не хотите вручить намъ вашей дочери честию, въ такомъ случаѣ, извините, мы принуждены будемъ отобрать силою.

— *Вотъ какъ!* сказала протяжно Ольга Ивановна и глаза ея заблестали. *Вотъ какъ!* произнесла она второй разъ и твердо подошла къ двери, которая вела въ переднюю, повернула ключъ, за-

мокъ зазвенѣлъ, затѣмъ, Ольга Ивановна, ключъ вынула изъ двери и опустила въ карманъ своей блузы; потомъ подошла къ другой двери и сдѣлала тоже самое.

Эдуардъ Карловичъ, съ почтеннѣйшею компанією, были заперты въ залѣ Ольги Ивановны, точно сорочки въ клѣткѣ.

Бываютъ минуты, когда женщинѣ провидѣніе даетъ сверхъ-естественную силу, какъ я говорилъ уже прежде.

Если бы всѣ знаменитые юристы, англійскіе, германскіе, французскіе и русскіе собрались вмѣстѣ, чтобъ дать дѣльный совѣтъ несчастной матери, у которой хотятъ отнять ребенка, — они не могли бы придумать того, что сдѣлала Ольга Ивановна.

Она подошла къ окну. До нее долетали звуки колоколовъ, привѣтствующие великій христіанскій праздникъ, но едва она слышала эти звуки, по крайней мѣрѣ она видѣла большое стеченіе народа на улицѣ.

Какое-то семейство ѣхало въ щегольской коляскѣ и, увидавши полицію (полиція стояла и у воротъ дома) и большое стеченіе народа, спросило о причинѣ такого стеченія. Семейству отвѣчали: *ребенка отнимаютъ отъ матери.*

Курьезное дѣло, сказало почти въ одинъ голосъ цѣлое семейство и остановило коляску, чтобы видѣть чѣмъ кончится дѣло.

Шелъ чиновникъ въ свою канцелярію, чтобы въ праздничный день, на досугѣ, привести въ порядокъ свои дѣла, увидалъ полицію, увидалъ народъ, услышалъ, что *ребенка отнимаютъ отъ матери*, заинтересовался, забылъ о своихъ дѣлахъ — остановился, и глядитъ съ любопытствомъ на окна Ольги Ивановны.

Шелъ саячникъ съ пирожникомъ, увидали полицію и народъ и вѣжливо спросили какого-то длиннородаго мѣщанина: что это такое? *ребенка отнимаютъ отъ матери*, сказалъ мѣщанинъ скороговоркою.

— *Оказія*, сказалъ пирожникъ. Поглядимъ Ванюха; что будетъ.

И саячникъ съ пирожникомъ остановились.

Шелъ народъ изъ церкви, въ костюмахъ всѣхъ временъ года, какъ это постоянно бываетъ на Святой недѣлѣ, кто въ зимней одеждѣ, кто въ весенней, а иные даже въ лѣтней. Необыкновенный случай — отнятія ребенка отъ матери остановилъ всѣхъ.

Подъ окнами Ольги Ивановны дѣлалось нѣчто въ родѣ многолюднаго гулянья.

Ольга Ивановна пристально смотрѣла въ окно.

Чтобы вывести себя изъ неопредѣлительнаго положенія, полиціймейстеръ смѣло подходитъ къ окну, смотритъ бокомъ на улицу и дерзко говоритъ Ольгѣ Ивановнѣ: «отдайте ребенка, въ противномъ случаѣ мы возьмемъ его силой».

Какъ львица, у которой хотятъ отнять львенка, Ольга Ивановна бросается на полиціймейстера, который отскакиваетъ отъ нея.

Ольга Ивановна снова приближается къ окну и показывая на полиціймейстера, съ сверхъестественною силою говоритъ ему: одно малѣйшее движеніе насилія, г. полиціймейстеръ, и я разобью окно и буду просить помощи у народа....

Въ эту минуту Ольга Ивановна въ своей позѣ была такъ величественна, что ей позавидовали бы Рашель и Ристори.

Полиція видимо теряется и говоритъ единогласно: *да выпустите насъ по крайней мѣрѣ, сударыня.*

Ольга Ивановна подходитъ къ двери, которая ведетъ въ переднюю, вынимаетъ изъ кармана ключъ, отпираетъ дверь и почтеннѣйшая публика удаляется изъ комнатъ Ольги Ивановны, чтобы болѣе въ нихъ не возвращаться. Народъ даетъ полиціи дорогу и съ любопытствомъ смотритъ на нее, пока она сопровождаемая Полиціймейстеромъ, не скрывается изъ

глазъ его на крыльцѣ Губернатора, который жилъ почти рядомъ съ Ольгою Ивановной.

Губернаторъ виѣ себя отъ гнѣва. Прежде всего онъ приказываетъ полиціи составить актъ объ ослушаніи Ботовою полицейской власти; потомъ бранить полицію, которая не умѣла сладить съ беззащитной женщиной; наконецъ молча начинаетъ скорыми шагами ходить по комнатѣ.

Полиція въ трепетѣ, и не смѣетъ поднять глазъ на своего грознаго начальника.

— Оставьте Полиціймейстеръ до времени эту негодную женщину въ покоѣ. Я отниму у ней ребенка чрезъ Петербургъ, по повелѣнію Верховной Власти.

Губернаторъ забылся; онъ не могъ не знать, что Верховной Власти нельзя дѣлать доклада по такому незаконному и вопіющему дѣлу.

Чрезвычайное усиліе, которая сдѣлала надъ собой Ольга Ивановна въ такой чрезвычайный для нея день, не могло остаться безъ послѣдствій.

Когда удалилась полиція, несчастная Ботова судорожно улыбнулась, на одной щекѣ отразился у нея румянецъ, она кашлянула съ кровью и захохотала, потомъ зарыдала и упала на полъ, ее ломало и било болѣе полчасъ — дѣвушка и люди держали ее.

Губернаторъ, для Свѣтлаго праздника, подарилъ Ольгу Иванову истерикой, близкой къ падучей болѣзни.

Въ такомъ видѣ засталъ ее Сахановъ — она его не узнала.

Сахановъ отправился на половину Екатерины Ивановны, — та ему не сказала ни слова — она была безъ языка.

Губернаторъ подарилъ Екатерину Ивановну *ради праздника Свѣтлой недѣли* — нервическимъ ударомъ.

У Саханова сжалось сердце. Чтобы водворить порядокъ въ домѣ, Сахановъ бросился къ гувернанткѣ и привезъ ее отъ Пряжевскаго вмѣстѣ съ малюткой Катенькой.

Несчастнѣйшій ребенокъ! теперь тебя знаетъ только одинъ Богъ — Онъ одинъ Великій и помнить о тебѣ, а мать съ бабушкой не узнали тебя, благодаря Губернатору.

Пароксизмъ Ольги Ивановны продолжался десять часовъ. Платокъ ея былъ обмоченъ кровью, которая вмѣстѣ съ кашлемъ отдѣлялась изъ горла.

Страшно!!...

Къ Ботову Сахановъ послалъ телеграмму и просилъ его пріѣхать тотчасъ — же домой, оставивши все.

Ботовъ пріѣхалъ на четвертый день послѣ этого событія и привезъ съ собою радостное извѣстіе, что Коммисія прошеній передала дѣло о незаконномъ поступкѣ Губернатора на разсмотрѣніе 1-го департамента Правительствующаго Сената.

Въ Петербургѣ свое распоряженіе, а у насъ свое. Полиція въ присутствіи мужа объявила Ольгѣ Ивановнѣ, едва оправившейся отъ болѣзни, что она предана суду за ослушаніе полицейской власти, и хотѣла обязать ее новою подпискою о не выѣздѣ.

Ботовъ на другой день, по совѣту Саханова, не смотря на вынужденныя подписки не выѣзжать Ольгѣ Ивановнѣ изъ города и не отлучать отъ себя ребенка, тайно уѣхалъ съ женой и съ дочерью въ Петербургъ, оставивъ больную Екатерину Ивановну на попеченіе своей родной тетки, очень доброй и почтенной женщины. Сахановъ также уѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Ботовыми.

Въ Петербургѣ ѣхали Ботовы точно въ пустыню. У нихъ не было тамъ ни друзей ни знакомыхъ. Сахановъ ввелъ ихъ въ семейство В—ва, представилъ Ольгу Ивановну супругѣ его, любезной и просвѣщенной женщиной. Она приняла Ботову какъ родную, Ольга Ивановна начала воскресать душою, тѣмъ болѣе, что самъ В—въ принялъ въ Ботовыхъ теплое участіе. Онъ составилъ вмѣстѣ съ

Сахановымъ другую докладную записку, которую испрашивалъ покровительства для Ботовой и ея ребенка у Верховной власти. Послѣдствіемъ этого было повелѣніе Губернатору избавить Ботову и ея ребенка отъ всякаго съ его стороны вмѣшательства. Кромѣ того добрѣйшій Егоръ Егоровичъ помогъ Ботовымъ и матеріально.... Ольга Ивановна справедливо говорила Саханову, Богъ послалъ мнѣ въ утѣшеніе семейство В—хъ. Дѣйствительно какъ Егоръ Егоровичъ В—въ, такъ и его супруга стоили этого добраго слова. Они много сдѣлали для Ботовыхъ.

— Поѣдѣмте молиться Богу за Того, кто въ неисчерпаемой милости Своей защитилъ меня съ моею дочерью, за добрыхъ людей, которые намъ помогали и наконецъ за себя, говорила восторженно Ольга Ивановна Саханову, когда кончилось ея дѣло о малюткѣ и когда ей объявили, что она освобождена наконецъ отъ всякаго вліянія губернаторской власти. — Поѣдѣмте, поѣдѣмте, Ольга Ивановна, говорилъ Сахановъ, исходъ нашего дѣла отраднѣй — будемте вмѣстѣ благодарить за это Всевышняго. Пройдутъ года, насъ не будетъ, но дѣло остается и потомство, поднявши ваше дѣло изъ архивной пыли, съ удовольствіемъ прочтеть, что у насъ на Святой Руси не всегда можно обидѣть *большому* человѣку *маленькаго*, если дѣло доходитъ до лич-

ной извѣстности Того, передъ кѣмъ сильны лишь законъ и справедливость.

И въ Казанскомъ соборѣ, стоя на колѣнахъ предъ ликомъ Спасителя, Ольга Ивановна поручала своего ребенка Его Святому покровительству; рядомъ съ ней стоялъ Сахановъ, пагнувши голову: — ни мужа, ни гувернантки въ церкви не было.

Отраденъ былъ этотъ день для Ольги Ивановны и утѣшительна была молитва для ея истерзанной души; въ этотъ день она была такъ счастлива, такъ спокойна!.. Бѣдная!.. она даже и не подозрѣвала, что скоро, очень скоро судьба готовить ей новое испытаніе, новое горе!..

ГЛАВА XXII.

ВОЛЯ ВОЖІЯ.

Въ прекрасной залѣ Ботовыхъ, стоитъ, попутивъ голову, Сахановъ. Какъ мужчина, онъ не плачетъ, а дорого бы заплатилъ онъ за слезы, такъ тяжело ему! Передъ нимъ тотъ самый столъ, на которомъ онъ часто обѣдалъ съ Ботовыми и пилъ за ихъ здоровье. Столъ накрытъ бѣлою скатертью, а на столѣ стоятъ не вкусныя кушанья и дорогія вина. Пѣтъ! на столѣ стоитъ, обитый голубымъ бар-

хатомъ, маленькій гробикъ, а въ этомъ гробикѣ та, за чьею жизнію прослѣдили мы съ тобой, дорогой читатель съ перваго дня ея рожденія.

Если бы художникъ захотѣлъ обезсмертить себя изображеніемъ ангела смерти, онъ бы не могъ найти лучше модели, какъ умершей Катеньки.

Точно мраморная лежитъ она въ своемъ гробикѣ; послѣдняя, предсмертная ангельская улыбка, отпечаталась на устахъ ея. Цвѣты, которыми обложена малютка, распространяютъ по комнатѣ какой-то особенный священный ароматъ.

Никого нѣтъ въ комнатѣ умршей. При гробѣ малютки, стоитъ только одинъ Сахановъ и не можетъ оторвать глазъ своихъ отъ прелестнаго личика умершей. Предъ нимъ мелькаютъ прошедшія впечатлѣнія. Съ чувствомъ глубокой скорби вспоминаетъ онъ, что этотъ четырехлѣтній ребенокъ—жертва интригъ презрѣнныхъ Ребе и губернаторскаго произвола — былъ развитъ нравственно не по лѣтамъ. Природа любитъ равновѣсіе. Худо, если тѣло преобладаетъ надъ духомъ, а еще хуже, если духъ преобладаетъ надъ тѣломъ, особенно въ ребенкѣ, у котораго организмъ такъ нѣженъ—тогда смерть неизбежная! Сахановъ вспоминалъ какъ простой звукъ колокольчика потрясалъ до основанія всего ребенка, какъ осмысленно онъ бросался къ нему на шею, *«Квартальные пришли отнять*

меня у мамыши, ты не отдашь меня», лепеталъ ребенокъ испуганно, и, дрожа всѣмъ тѣломъ, жался къ Саханову и смотрѣлъ ему въ глаза такъ, что сердце его обливалось кровью. Горькія обстоятельства, которыя окружали тебя и подъ которыми ты росъ, несчастный ребенокъ, дѣйствительно развили тебя нравственно выше твоего возраста: чтобы освободить тебя отъ этихъ горькихъ обстоятельствъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освободиться отъ преслѣдованій губернатора, родители твои бѣжали въ Петербургъ не болѣе тому назадъ, какъ два мѣсяца. Перемена климата и извѣстное свойство Невской воды болѣзненно подѣйствовали на тебя, бѣдное дитя мое! Слишкомъ развитый нравственно, ты не перенесъ, да и не могъ перенести первой физической болѣзни, и твоя несчастная мать лишилась тебя — единственнаго своего сокровища и всѣхъ радостей и утѣшеній въ жизни!.. Ктожь нравственный убійца твой, и ждетъ ли его достойное наказаніе.

Сахановъ нагнулся къ ребенку, поцѣловалъ его мраморную головку и заговорилъ самъ съ собою:

«И холодъ и мятель переносилъ я для того, чтобы защитить твое право и, — вотъ какой исходъ тѣмъ юридическимъ вопросамъ, которые я поднималъ по твоему дѣлу, а я, безумный, осмѣливался загадывать будущее, какъ будто бы мы бессмертны.

На этотъ разъ слезы брызнули изъ глазъ Саханова; онъ поклонился до земли умершему дитяти и когда хотѣлъ уже оставить младенца, въ сосѣднихъ комнатахъ раздался вопль. Вопль этотъ былъ такъ страшенъ, что Сахановъ чувствовалъ, какъ волосы дыбомъ поднимались на головѣ его.

Не слыхалъ ты, благосклонный читатель, да, вѣроятно, и не услышишь такого вопля даже при торговой казни человѣка.

То былъ послѣдній отчаянный вопль матери, потерявшей безвозвратно своего единственнаго ребенка!

Какъ сумасшедшій бѣжалъ Сахановъ отъ этого страшнаго вопля, но вопль матери, какъ будто, гнался за нимъ и долго слышался въ воздухѣ.

Ольга Ивановна перенесла нервную горячку. Медики говорили, что горячка пришла къ ней во время и очень кстати, что *это было ея счастіемъ*, что горячка помѣшала развиваться въ Ольгѣ Ивановнѣ чахоткѣ, которая начинала уже появляться. Признаюсь, я не вѣрилъ въ то счастіе, о которомъ проповѣдывала медицина. Мнѣ казалось, что Ольгѣ Ивановнѣ легче было бы умереть, нежели остаться жить послѣ того, что съ ней случилось. Она была одинока — мать ея, въ слѣдствіе удара, а мужъ, въ слѣдствіе своего легкомыслія, только числились живущими, но дѣйствительно не жили ни при ней, ни на бѣломъ свѣтѣ.

Сахановъ увидалъ Ольгу Ивановну черезъ четыре мѣсяца послѣ смерти Катеньки. Свиданіе имъ обѣимъ было тяжело. Грустно и молча пожали они другъ другу руку. Такъ прошло нѣсколько минутъ; но въ эти нѣсколько минутъ нѣмаго молчанія было высказано больше, нежели сколько бы могъ высказать, въ другое время, самый оживленный разговоръ.

Наконецъ Сахановъ спросилъ:

— Какъ здоровье Николая Оедоровича?

— Онъ здоровъ, благодарю васъ.

Но гдѣ же онъ? «Я его не вижу.»

— Его дома нѣтъ.

При послѣднихъ словахъ блѣдное, худое и полумертвое лицо Ольги Ивановны, какъ-то странно передернулось.

Сахановъ понялъ что сказалъ глупость.

— Впрочемъ это ничего, заговорила Ольга Ивановна, какъ будто отвѣчая самой себѣ на заданный вопросъ, — мужъ пріѣдетъ, а Катенька.... Ольга Ивановна недоговорила своей мысли и глубоко вздохнула.

Саханову сдѣлалось очень грустно, онъ нагнулся, съ намѣреніемъ избѣжать взгляда Ольги Ивановны.

— Вамъ грустно Петръ Алексѣевичъ, заговорила Ольга Ивановна. Вы такъ любили наше дѣло.

— Не дѣло я любилъ, я любилъ вашего ангела малютку и уважалъ ваши страданія, потому что понималъ ихъ. Дѣла! дѣла! Какъ будто адвокатъ созданъ изъ желѣза и ничего не можетъ любить, кромѣ дѣлъ своихъ, отъ которыхъ часто сохнетъ мозгъ, да людей въ родѣ тѣхъ, которыя, по моему убѣжденію, были причиною смерти вашего единственнаго ребенка.

— Не вмѣшивайте ни кого въ такое дѣло, въ которомъ есть *Воля Божія*, сказала торжественно Ольга Ивановна.

Сахановъ ей отвѣчалъ:

— Я прослѣдилъ за вашимъ благороднымъ образомъ мыслей и за вашими поступками, Ольга Ивановна, и очень хорошо знаю, что не услышатъ отъ васъ никакой жалобы на губернатора ни Богъ, ни добрые люди. Вы такъ умѣете покоряться своей участи, какъ никто. Но справедливо ли это? У губернатора не вы одна только мать во всей губерніи, которою онъ управляетъ. И съ другою матерью быть можетъ онъ поступить точно также, какъ поступилъ съ вами, и незаконныя дѣла будутъ умирать безслѣдно точно также, какъ умерла ваша Катенька!

Ольга Ивановна размышляла.

— Знаете ли Петръ Алексѣевичъ, сказала она съ тихою грустью, что на землѣ существуетъ дру-

ой законъ, котораго нѣтъ въ вашихъ сводахъ — законъ возмездія. Въ малолѣтствѣ, окруженная нянюшками—старухами, слыхала я про своего дѣда. То былъ человѣкъ злой и жестокий; онъ управлялъ такою страной, въ которой составила русская пословица: «до Бога высоко, до царя далеко!» Можетъ быть не одна мать съ дочерью сошли въ могилу отъ необузданнаго своеволія, самовластиа и жестокости моего дѣда, а мнѣ ни въ чемъ невинной пришлось отвѣчать за предковъ. Не вините же ни Ребе, ни Губернатора тамъ, гдѣ по закону неопостижимаго для насъ возмездія есть непремѣнно воля Божія.

Сахановъ такъ былъ пораженъ словами Ольги Ивановны, что не нашелъ словъ для возраженія, только прощаясь съ Ольгой Ивановной онъ подумалъ: можетъ быть самую высокую юридическую истину, которой дѣйствительно я ни гдѣ не вычиталъ, сказала мнѣ женщина двадцати двухъ лѣтъ не слушавшая ни исторіи, ни теоріи права ни въ какомъ университетѣ! Дѣйствительно есть неопостижимый законъ возмездія внутри насъ, въ воздухѣ, въ теоріи обстоятельствъ, еще не обследованный и не дознанный наукою.

Грядущему поколѣнію предстоитъ разработать въ этомъ отношеніи идею права, къ усовершенствованію которой постоянно стремится человѣчество.

Эпилогъ.

Съ Губернаторомъ случилось большое несчастіе. Нѣтъ надобности говорить въ чемъ оно; — довольно, если я скажу, что оно случилось съ нимъ чрезъ три года по смерти Катеньки, въ четвергъ на Святой недѣлѣ.

Ребе проиграли процессъ. Первый и второй пунктъ перваго духовнаго завѣщанія Сатрањева, касающіеся малолѣтней его дочери и благопріобрѣтеннаго имущества, равно и первый пунктъ втораго завѣщанія г. Сатрањева, касающійся бездокументальныхъ долговъ его, — были уничтожены въ послѣдствіи Правительствующимъ Сенатомъ со всеми послѣдствіями. Ольга Ивановна получила законную часть изъ благопріобрѣтеннаго имущества покойнаго своего мужа.

Сахановъ много трудился, и если смотрѣть на дѣло съ юридической точки зрѣнія, то можетъ быть, что нибудь и сдѣлалъ, но если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія чисто человѣческой, то результатомъ его выигрыша — былъ нуль: — отъ такого выигрыша дѣла Ольга Ивановна не сдѣлалась веселѣе, а Ребе—добрѣе. Говорятъ Сахановъ сдѣлался Редакторомъ одного очень полезнаго журнала. Журналъ пошелъ хорошо въ отношеніи изданія, но плохо въ отношеніи количества подписчиковъ, раззо—

рился и очень ропщетъ на общество, а общество съ своей стороны ропщетъ на Саханова по случаю задержки нумеровъ журнала. Кто правъ, кто виновать, разсудить потомство!

Ребе остаются и до сихъ поръ вѣрными своему принципу. Когда умерла дочь ихъ Лидія, они накупивъ ей похоронъ ограбили одно небольшое семейство, имѣвшее несчастіе заложить имъ домъ. Немного однакожъ тронуло ихъ одно обстоятельство: у любимого ихъ сына сдѣлалась падучая болѣзнь. Но какъ тронуло? *Ребе очень озмилась на судьбу, которая такъ безвинно ихъ преслѣдуетъ!*

Ботовъ остался такимъ, какимъ мы очертили его въ этомъ правдивомъ разсказѣ. Слышно, что онъ предъявилъ искъ на своего родственника на двѣ тысячи десятинъ земли въ Курской губерніи, и ждать не дождется этого отраднaго количества, а жена его—наша бѣдная Ольга Ивановна съ нетерпѣніемъ ожидаетъ тѣхъ трехъ аршинъ з мли, которые отмѣряетъ ей могильщикъ.

Скажемъ нѣсколько словъ и о прочихъ лицахъ. Охъ, время, время! Чего ты не дѣлаешь?

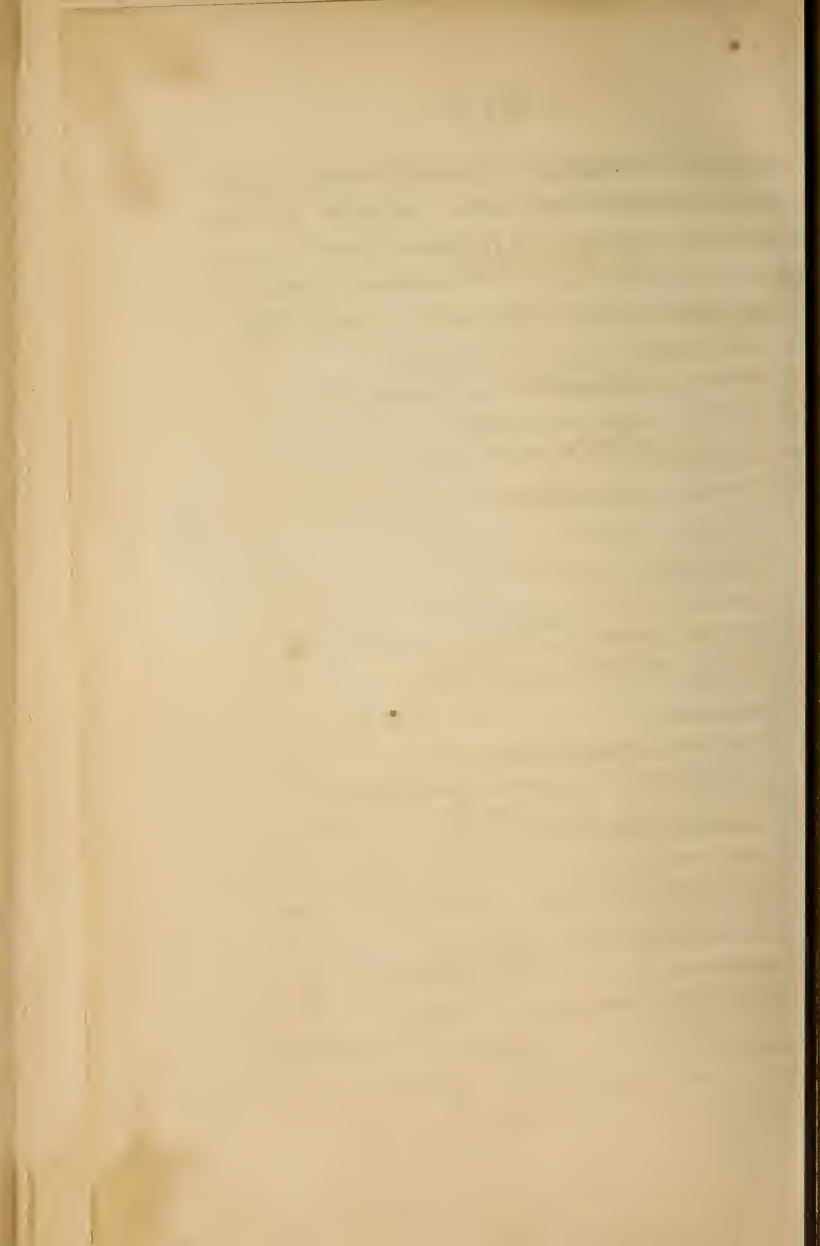
Лидскій, казавшійся образцомъ святой и чистой любви къ обожаемой имъ женщинѣ, совсѣмъ забылъ Ольгу Ивановну; полюбилъ вмѣсто Ольги Ивановны литературу и пишетъ въ журналахъ желчныя статьи.

Кирсановъ, казавшійся образцомъ святой дружбы и необыкновенной честности, получилъ въ послѣдствіи мѣсто совѣтника въ Казенной Палатѣ по питейному отдѣленію и, — въ настоящее время подходитъ подъ категорію слѣдующаго четырехстишія:

Онъ прежде, чѣмъ освоился
Со службой, — всё краснѣлъ;
Потомъ и успокоился,
Окрѣпъ и потолстѣлъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА	СТРАН.
Прологъ	1
I. Повѣренный	7
II. Нѣсколько времени назадъ.	19
III. Продажа	37
IV. Послѣдствія продажи	44
V. Рожденіе дочери.	65
VI. Причины будущаго процесса	66
VII. Отѣздъ	75
VIII. Интрига	90
IX. Продолженіе интриги	105
X. Справка	111
XI. Отвергнутая жена	120
XII. Духовное завѣщаніе и два прошенія	121
XIII. Слѣдствіе	140
XIV. Похищеніе	167
XV. Объясненіе съ губернаторомъ	186
XVI. Смерть Сатрапьева и другое духовное завѣщаніе	198
XVII. Предъявленіе къ засвидѣтельствованію двухъ духовныхъ завѣщаній Сатрапьева.	211
Первое завѣщаніе	226
Второе завѣщаніе	233
XVIII. Годъ впередъ	245
XIX. Первые мѣсяцы новаго супружества	255
XX. Процессъ	264
XXI. Продолженіе процесса	302
XXII. Воля Божія	332
Эпилогъ	339

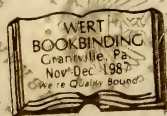

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: August 2012

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN COLLECTIONS PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Nov-Dec 1987
We're Quality Bound

LIBRARY OF CONGRESS

00024142140

